

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2007 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

№ 4/2015

Главный редактор

КОЗЛОВА С.В. – доктор экономических наук

Редакционный совет

Гринберг Р.С. – член-корреспондент РАН (председатель), директор Института экономики РАН

Архипов А.И. – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

Аносова Л.А. – доктор экономических наук, профессор, начальник Отдела общественных наук РАН

Глинкина С.П. – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики РАН

Головнин М.Ю. – доктор экономических наук, заместитель директора Института экономики РАН

Городецкий А.Е. – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики РАН

Караваяева И.В. – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Рубинштейн А.Я. – доктор философских наук, профессор, первый заместитель директора Института экономики РАН

Сенчагов В.К. – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра финансовых исследований Института экономики РАН

Сорокин Д.Е. – член-корреспондент РАН, проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве РФ

Тихонков К.С. – доктор экономических наук, первый заместитель генерального директора Международного института исследования риска

Цветков В.А. – член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

МОСКВА

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 4/2015

Журнал «Вестник Института экономики РАН» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713
(для индивидуальных подписчиков)

Редакционная коллегия:

Шацкая И.В., канд. экон. наук (заместитель главного редактора);

Касьяненко Т.М. (ответственный секретарь журнала);

Смотрницкая И.И., доктор экон. наук;

Дерябина М.А., канд. экон. наук;

Грибанова О.М.

**Журнал «Вестник Института экономики РАН»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ISSN – 2073-6487

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Дерябина М.А.

Критика чистого разума: размышления об одной амбициозной
экономической теории 7

Фурман Е.Д., Симон М.Е.

Институциональные условия достижения политического
компромисса в теориях демократии 17

Сычев Н.В.

Типы и формы экономических укладов: логика развития
теоретических представлений. 37

Рышкус В.В.

О сущности понятия «уклад» 54

Желаева С.Э.

Концепция экономического времени в развитии методологии
экономической теории 63

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Зельднер А.Г.

Выход из кризиса: консенсус бизнеса и государства в модели
смешанной экономики 80

Волошинская А.А., Комаров В.М.

Доказательная государственная политика: проблемы
и перспективы 90

Соболева И.В.

Социальные и экономические аспекты реформирования
образования 103

Свирина Л.Н.

Научно-образовательный кластер как институциональная модель
формирования кадрового потенциала для реализации задач
инновационного развития экономики 118

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Караваева И.В.

Расширение финансовой самостоятельности местной власти
в СССР в военные и послевоенные годы: малоизвестные факты
из истории Великой Отечественной войны 130

Наговицин А.Г.

Стабильность российской национальной валюты:
ретроспективный анализ 139

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Юсим В.Н., Быстров А.В., Фиалковский Д.Г.

Текущие константы макроэкономического развития стран –
технологических лидеров 157

Ильина М.Ю.

Единое инновационное пространство как фактор
реиндустриализации экономик государств – членов ЕАЭС 172

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Александров П.А.

Развитие малых и средних строительных предприятий
в Российской Федерации 189

Кукаев И.С.

Анализ влияния кооперативных взаимодействий
в форме бизнес-ассоциаций на развитие промышленных
предприятий: пример Российского союза промышленников
и предпринимателей. 198

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Журавлева Г.П.

Академик Абалкин Леонид Иванович – беспредельно преданный
науке и своей стране (к 85-летию со дня рождения) 207

Требования к рукописям 211

CONTENTS

THE QUESTIONS OF ECONOMIC THEORY

Deryabina M.A.

Criticism of pure reason: reflections about one ambitious economic theory 7

Furman E.D., Simon M.E.

Institutional conditions for achievement of political compromise in theories of democracy 17

Sychev N.V.

Types and forms of economic ways of life: the logic of theoretical representations development 37

Ryshkus V.V.

About the nature of «way of life» term 54

Zhelaeva S.E.

The concept of economic time in the development of the methodology of economic theory 63

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Zeldner A.G.

Recovery from the crisis: consensus of business and the state in a model of mixed economy 80

Voloshinskaya A.A., Komarov V.M.

Evidence-based policy: problems and prospects 90

Soboleva I.V.

Social and economic aspects of educational reform 103

Svirina L.N.

Scientific and educational cluster as institutional model of formation of personnel potential for realization of problems of the economy's innovation development 118

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

Karavayeva I.V.

Expansion of financial independence of local government in the USSR in the military and post-War years: the little-known facts from history of the Great Patriotic War 130

Nagovitsin A.G.

Stability of Russian national currency: retrospective analysis 139

WORLD ECONOMY

Yusim V.N., Bystrov A.V., Fialkovskiy D.G.

Current macroeconomical development constants of technologically leading countries. 157

Ilyina M.Yu.

Integrated innovation space as a factor of EaEU member states economics reindustrialization. 172

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Aleksandrov P.A.

Development of small and medium-sized construction enterprises in the Russian Federation 189

Kukaev I.S.

Analysis of the influence of cooperative interactions in the form of business associations on development of industrial enterprises: example of Russian union of industrialists and entrepreneurs. 198

SCIENTIFIC LIFE

Zhuravleva G.P.

The academician Abalkin Leonid Ivanovich – infinitely devoted to science and the country (to the 85 anniversary since birth). 207

Requirements to manuscripts 211

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

М.А. ДЕРЯБИНА

кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

КРИТИКА ЧИСТОГО РАЗУМА: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОДНОЙ АМБИЦИОЗНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В статье анализируется набирающая в последние годы популярность концепция экономической социодинамики, разработанная известными российскими учеными-экономистами¹. Внимание акцентируется на новых аспектах концепции экономической социодинамики (КЭС) и теории опекаемых благ. Ключевая прорывная идея концепции заключается в доказательстве объективного существования, наряду с индивидуальными интересами, также и общественного интереса, общественных потребностей и механизмов их реализации, из чего выводится тезис об адекватной государственной активности.

Ключевые слова: экономическая социодинамика, методологический индивидуализм, опекаемые блага, институциональная среда, политическая ветвь формирования интересов общества, нормативный интерес, государственная активность.

JEL: B410, D500, D700, H110, H410.

Концепция экономической социодинамики (КЭС) и тесно связанная с ней теория опекаемых благ получает у нас в последнее время все

¹ Формирование концепции экономической социодинамики (КЭС), ее эволюцию от первых контуров до стройной самодостаточной теории можно проследить по последовательно публиковавшимся трудам авторов КЭС – Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна [1, 2, 3, 4]. В новой работе [1], опираясь на дилемму – государство и индивидум как равные субъекты, – ученые, начав с анализа в заданном ключе известных мировых экономических теорий, затем последовательно раскрыли узловые положения своей концепции. Будучи добросовестными исследователями, они тщательно проследили теоретическую эволюцию идей, связанных с ролью государства, от Адама (Смита) до современных школ неоклассической и неoinституциональной теории. В результате появились совершенно особые взаимосвязи уже знакомых и теоретически проработанных положений с новыми научными постановками авторов, возникла новая логика – концепция экономической социодинамики. В статье рассмотрены эти постановки более детально.

более актуальное звучание. И вот почему. Россия опять, в который уже раз, находится в поиске своей идентичности. Десятилетия затянувшейся постсоциалистической трансформации не принесли уверенности в правильности и надежности первоначально выбранного пути. А в последние годы теоретическая мысль не исключает, как это было раньше, обращения к иным принципам масштабных социально-экономических изменений.

Приверженность неолиберальному социальному и экономическому мейнстриму явно корректируется включением в меняющуюся парадигму понятий и приоритетов фактора общественных ценностей, социального равенства и справедливости. По существу происходит не простое добавление к базовым принципам новых элементов, а возникают контуры меняющейся цивилизационной теоретической платформы. Мейнстрим сейчас многие критикуют, в целом и по частям, однако найти работоспособную концепцию обновления, совершенствования и развития возможно, только опираясь на достаточно приемлемые новые теоретические основания. Именно на решение такой задачи и направлена концепция экономической социодинамики, представленная под углом зрения взаимодействия экономического поведения индивидуума и государства. Будучи убежденными в том, что это и есть сейчас главная экономическая дилемма, авторы концепции замещают основополагающий для неоклассики тезис о невмешательстве государства в хозяйственную жизнь обоснованием легитимности и общественной необходимости государственной активности в интересах всего общества. Более детально этот сегмент концепции описывается теорией опекаемых благ, органично вытекающей из КЭС.

В КЭС представлен свой вектор теоретических поисков общих онтологических принципов, «мучительного выбора» в иерархии распределения ролей индивидуумов и государства – методологический релятивизм [1, с. 11–12]. Вечный сюжет о роли государства в экономике получил свою конкретизацию в виде заявленной дилеммы – государство и индивидуум как равные субъекты. Этот методологический посыл послужил в качестве важного стержня для задуманного теоретического обновления мейнстрима.

Методологический индивидуализм как доминирующий принцип неоклассики, как признаваемая большинством норма теоретического анализа стал в КЭС одним из главных аспектов коррекции мейнстрима с иных мировоззренческих позиций, отличных от укоренившихся в экономической теории взглядов об отсутствии связи индивидуума с социумом, к которому он принадлежит. Осмысление очевидного многократного возрастания роли социального фактора в экономике привело к попытке интеграции этого фактора в экономическую, главным образом в рыночную, теорию [1, с. 193–195]. Теоретический прорыв

осуществляется по двум направлениям. Во-первых, признается наличие особых, системных, отличных от индивидуальных, потребностей общества, реализация которых требует государственной поддержки и опеки [1, с. 198; главы 7–9]. Во-вторых, подтверждается ключевое для КЭС положение о несводимости общественных интересов к сумме интересов индивидуумов [1, с. 195]². А далее указанное положение развивается уже в стройную теорию автономного интереса общества и рационального поведения государства [1, главы 10, 12]. Понятно, что такое мировоззрение не укладывается в рамки стандартной неоклассической теории. Зато оно прекрасно вписывается в экономическую философию социального либерализма. И КЭС, и теория опекаемых благ опираются на представления о хозяйственной системе, в соответствии с которыми индивидуумы, стремящиеся обеспечить свои интересы, взаимодействуют и между собой, и с государством, ответственным за реализацию интересов общества в целом. При этом с точки зрения экономической методологии наиболее дискутируемыми являются категории общественных потребностей и общественного интереса, обуславливающих необходимость государственной активности [1, с. 319]. Таким образом, обосновывается своего рода модернизация неоклассической теории через категорию интересов общества, обеспечивающую выход на заявленную дилемму, ее теоретическую конструкцию.

В КЭС положение о несводимости (в противовес гипотезе о сводимости, восходящей к методологическому индивидуализму) несет большую смысловую нагрузку, т.к. выводит на теоретическое обоснование автономного интереса общества, категорически отрицаемого мейнстримом [1, с. 326–327]. Чтобы понять трактовку интереса общества как такового, не выявляемого в индивидуальных предпочтениях, не выявляемого рынком, следует обратить внимание еще на одно важное положение социального либерализма. Оно заключается в том, что индивидуальные предпочтения индивидуумов и предпочтения общества как такового формируются в различных институциональных средах. Речь, таким образом, идет, во-первых, о самом факте существования интересов общества, а во-вторых, о механизмах его формирования и реализации. Эта методологическая особенность социального

² Сама проблема противостояния индивидуализма и холизма в экономической теории не нова. Другое дело, что и в этой дилемме признание социального интереса все-таки чаще всего сводилось к признанию его как совокупности интересов членов социума. Таким образом, отвергалась мысль о наличии у общества системных свойств, отсутствующих у индивидов. Методологический индивидуализм оставался главным принципом теоретического экономического анализа. Подробнее об этом см. в статье А.Я. Рубинштейна «Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии» [5].

либерализма позволяет объяснить параллельное существование и взаимное дополнение интересов индивидуумов и интересов социальной целостности. Эта особенность и характеризует реляционную методологию, используемую в концепции.

КЭС, рассматривая разные институциональные среды формирования и реализации интересов, предполагает параллельно действующие рыночные и политические механизмы. Индивидуальные интересы выявляются и при необходимости агрегируются рынком, а системные интересы общества определяются посредством механизмов политической системы. Интересы социальной целостности, таким образом, формируются как рынком, так и политической системой общества. Иначе говоря, речь идет о параллельных процессах – «о рыночной и политической ветвях» процесса формирования и реализации интересов. Рыночная ветвь «связана исключительно с индивидуальными предпочтениями и их гармонизацией», а политическая воплощает «зарождение, распространение и актуализацию нормативных интересов общества посредством институтов политической системы» [1, с. 343–344]. Политическая ветвь – не сугобо теоретическое положение, а реально наблюдаемый процесс, обслуживаемый институтами общества. Логика КЭС как раз и предполагает органичное взаимодействие новых теоретических положений не самих по себе, но в тесной увязке с живыми общественными институтами.

Политическая ветвь формирования интересов общества заслуживает особого внимания³. Согласно КЭС существуют интересы, генерируемые политической средой, которые в принципе нельзя определять в терминах рыночных предпочтений. И вполне возможно, что у большинства людей подобные интересы вовсе отсутствуют [5]. Поэтому говорить об участии индивидуумов в формировании интересов общества как такового можно только опосредованно – имея в виду политические институты и механизмы своего рода «передачи в траст» мнения избирателей. При этом политическая ветвь актуализирует лишь такие интересы, которые готова признать сама политическая система, т.е. совокупность действующих институтов и индивидуумов, обладающих властными полномочиями. Именно эти интересы и становятся нормативными интересами общества. Задумываясь над этим, приходится признать явный фактор неопределенности, заложенный в политические механизмы этих процессов, а потому политическая ветвь имеет дело «лишь с проекциями реальных интересов общества как такового» (вспомним знаменитые «пластиковые копии Уолл-стрита» Я. Корнаи)

³ Авторы КЭС имеют в виду «демократически устроенное общество и его институты, включая парламент, члены которого на основе установленной процедуры «определяют» нормативные интересы общества и их текущие приоритеты» [1, с. 47].

[1, с. 351]. А далее эти проекции общественных предпочтений, представленные как нормативные интересы общества, превращаются в систему целевых установок и мотивов деятельности государства.

Таким образом, в теоретической концепции КЭС обосновывается фигура государства в качестве одного из центральных объектов исследования. При этом отдается должное институциональной экономической теории, практически впервые поколебавшей незыблемость методологического индивидуализма и поставившей интересы индивидуумов в зависимость от институтов [6]⁴. Это, в свою очередь, предполагает активное и систематическое влияние государства на хозяйствующие субъекты [1, глава 3]. А характер поведения и хозяйственного взаимодействия индивидуумов определяется общественными институтами, в т.ч. государством. Однако, скорректировав традиционную неоклассику, институциональная теория так и не выработала критериев разграничения самой природы экономической активности государства и индивидуума.

Маститые представители экономической мысли, абсолютизировавшие и гипотезу сводимости, и такой социальный порядок, который не предполагал участия государства в регулировании рыночных взаимодействий, не могли не видеть очевидных теоретических нестыковок, которые несло в себе обоснование полной деэтизации экономики, но отбрасывали их как противоречащие методологии индивидуализма [1, с. 353–357]. В отличие от этого, концепция экономической социодинамики исходит из того, что в обобщенной модели конкурентного рынка одновременно действуют и индивидуальные субъекты с присущими им потребностями, и государство с его несводимыми интересами, и каждый из них стремится к максимизации собственной функции полезности [1, с. 358]. Таким образом, превращение государства в рыночного игрока обеспечивает механизм, при котором сводимые потребности общества проявляются в индивидуальных предпочтениях, а за несводимые «отвечает» государство. Возникающее в этом случае равновесие сопровождается Парето эффективным распределением ресурсов. Стоит, наконец, упомянуть и о том, что принцип несводимости не позволяет «сводить» общий интерес к сумме интересов индивидуумов, т.е. делать их преимущественно количествен-

⁴ Другим не менее важным теоретическим основанием институционализма является тезис об индивидууме как члене социума, интересы которого он формирует и представляет. На передний план экономической теории, таким образом, выдвигаются мотивы не индивидуального, а коллективного поведения. Что принципиально важно, индивидуумы в связи с этим подчиняются в хозяйственном взаимодействии не мотивам личной выгоды, а общественным нормам. И продолжая далее эту мысль, можно расценить такой подход как стремление рассматривать социальные и экономические явления во всей их совокупности [7].

ной величиной. Интересы индивидуумов сильно различаются между собой [1, с. 182], понятие несводимости поэтому – это онтологическая постанова, следование которой выводит далее на представление о различных институциональных средах.

Сущность и генезис понятия нормативного интереса общества – одно из ключевых теоретических положений всей КЭС⁵. Экономическое мировоззрение еще в рамках неoinституциональной теории пыталось, как уже отмечалось, рассматривать в совокупности социальные и экономические явления. Концепция экономической социодинамики расширяет это мировоззрение до признания социализации субъектов рынка, т.е. рассматривает их поведение в социуме и приходит к выводу о недостаточности для объяснения этого поведения только лишь индивидуальных предпочтений и их рыночного усреднения. Признание объективности существования общественного интереса требует неперенной персонификации носителя этого интереса, действующего от имени общества и выступающего в качестве одного из субъектов рынка. В логике КЭС носителем общественного интереса, его представителем и защитником является государство. Но одного этого утверждения явно недостаточно, следует докопаться до его сущностных корней.

Еще в своих более ранних трудах, в частности, в работе 2008 г. [3], Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн сформулировали в качестве одного из исходных положений экономической социодинамики так называемый постулат социального иммунитета. Данный постулат трактуется как своего рода телеологический принцип, сродни кантовской «целесообразности природы» [8]. Социальный иммунитет устанавливает, что всякому обществу генетически свойственны социальные интересы и формируются силы, направленные на самосохранение и развитие этого общества. Такая способность к самосохранению (наподобие иммунной системы) обеспечивает «включение» общественной системой политических механизмов формирования тех самых несводимых интересов, которые не могут быть выявлены стандартными рыночными механизмами. Социальный иммунитет, таким образом, формирует упоминавшуюся политическую ветвь общественного интереса как такового. Принципиально важно при этом, что указанный телеологический механизм несет в себе потенциал упорядочения за счет структурирования потенциальной энергии общества в его нормативные интересы. И вот что из этого следует. Государство и его целенаправленная деятельность живет как бы в трех измерениях. Социаль-

⁵ Авторы КЭС внимательно отслеживают все тонкости многолетней борьбы прочно доминировавшей индивидуалистической нормы с попытками обосновать правомерность существования общественных потребностей как таковых [1, с. 176–183].

ный иммунитет выявляет нормативные общественные интересы и формирует цели государства, властная сила принуждения обеспечивает ему (государству) необходимые налоговые доходы, а также выполнение установленных общих норм и правил, а рыночные механизмы реализуют оптимальную аллокацию ресурсов («невидимая рука»), в т.ч. и распределение государственных средств [1, с. 387]. Энергия социального иммунитета так расставляет приоритеты, что роль самого государства оказывается вторичной [1, с. 388]. Только разобравшись в природе этих приоритетов, можно понять и суть главной экономической дилеммы, вынесенной авторами в название монографии.

В теоретической конструкции процесс выявления и проявления общественного интереса и общественных потребностей в отличие от сиюминутной выгоды индивида переводится в плоскость «феномена политической истины», т.е. в термины общественного договора [1, с. 389]. Вышеупомянутый телеологический потенциал (социальный иммунитет) приводит к консенсусу большинства людей в процессе их «социального образования». Социальные цели воспринимают сначала немногие, затем по мере накопления социального опыта вовлекаются другие сограждане, пока коллективная потребность не начинает господствовать в умах людей и индивидуумы приходят к согласию. А поскольку в реальности осознание всеобщей пользы поддерживается большинством, но все-таки не всеми, то телеологический механизм должен быть дополнен властью принуждения [1, с. 391]. А значит, участие государства в реализации интереса большинства и в принуждении к ней меньшинства становится необходимым. Более того, только в зависимости от конкретных действий государства выявление латентно существующих интересов общества как раз и может происходить раньше или позже.

К данному утверждению, однако, следует относиться с вниманием и осторожностью. Мы еще хорошо помним времена, когда утверждалось, что общественные интересы имеют примат перед личными. КЭС решительно отмежевывается от любых вариантов «органической концепции» или «новых» социалистических идей. Ни при каких условиях не допускаются никакие версии подчинения индивидуальных интересов общественным потребностям. Иными словами, дополнение индивидуальных интересов общественными не предусматривает их иерархии [1, с. 425]. В этой связи положение о двух ветвях формирования общественных интересов и их конкурентном взаимодействии в рыночном равновесии следует признать важным методологическим продвижением теоретической экономики.

Есть и другая сторона «государственнического» дискурса. Авторы КЭС, случалось, упрекали в том, что государство, якобы, не может одновременно и устанавливать «правила игры», и участвовать в этой

игре. А поскольку оно объективно обладает монополией на принуждение, то по определению не может быть равноправным субъектом рыночных отношений [1, с. 17–19]. Ответ на упрек очевиден. В теоретической конструкции КЭС государство – это не некий монолитный орган, а совокупность институтов законодательной и исполнительной власти. При этом один представительный орган устанавливает «правила игры» (законодательная власть), другой вырабатывает приоритеты социальных установок (исполнительная, но работающая исключительно как некоммерческая организация, реализующая общественные интересы). В этой ипостаси государственные структуры и действуют как субъекты рынка.

Неразвитость или полное отсутствие институтов гражданского общества приводит к расширению сферы активности бюрократии в ущерб легитимной активности государства. Продвинуться в решении проблемы можно только на путях дальнейшего углубления знаний о смешанной экономике, прежде всего о соотношении частной инициативы и государственной активности. Именно поэтому в теоретической конструкции КЭС дилемма «индивидуум & государство» является тем стержнем, на котором базируется новая аксиоматика структуры общественных и частных интересов.

Важнейшим элементом этой новой аксиоматики как раз и является введение в социодинамическую модель политической ветви генерации интересов, не выявляемых рыночными механизмами. При этом, как следует из всего вышесказанного, развиваемая теория социального либерализма предполагает и рыночные принципы соотношения индивидуумов и социума, но, что принципиально важно, включает также и политический компонент наряду с экономическим и социальным. Категории нормативного интереса и социальной полезности получают, таким образом, свой механизм формирования, соответствующий политической ветви социодинамики. Для дальнейшего развития концепции экономической социодинамики необходимо исследование указанного процесса с помощью современного инструментария теории общественного выбора, политологии, социологии, социальной психологии и новой политэкономии [1, с. 21, главы 6, 9].

Общепризнано, что ни одна серьезная экономическая теория без математики (формализации структуры и динамики исследуемых явлений и процессов) состояться не может. Математический аппарат абсолютно необходим для адекватного анализа, оценки и конструктивных выводов по выявленным трендам в любой области теоретической экономики. Развитие теории экономической социодинамики на протяжении всех этапов происходило с использованием адекватных математических подходов. Так, на базе модификации модели Векселя – Линдаля [4, 5, 9] была выстроена экономическая модель, спо-

собная учитывать как интересы отдельных индивидуумов, так и общества в целом. На современном этапе развития КЭС сделана попытка при описании рыночного равновесия включить в модель оба интереса, работающих на рынке (агрегат индивидуальных предпочтений и нормативный интерес общества), и обе институциональные ветви формирования общественного интереса. [1, глава 9]. Социальный либерализм как теоретическое (и практическое) явление нуждается в соответствующей добротной экономической методологии, важным элементом которой являются принципы экономической социодинамики.

Однако уже никак нельзя не видеть тех современных тенденций в обществе и власти, которые имеют прямое отношение к заявленной дилемме «индивидуум & государство». Речь идет об изменениях в институциональной среде, где разворачивается та самая политическая ветвь формирования интересов социума, не улавливаемых рыночными механизмами. Вообще-то это большой и сложный разговор, выходящий за рамки статьи. И все-таки очевидно, что современные ИТ-технологии, возможности беспрепятственных онлайн-коммуникаций на всех уровнях и во всех сферах вносят буквально взрывные новые элементы и в рыночную координацию, и в работу институтов гражданского общества, и в диалог с властью. Быстро растущие горизонтальные связи позволяют формировать новые гибкие институты гражданских отношений на основе взаимодействия, партнерства, свободного обмена услугами. Социологические исследования показывают, что степень связанности российского общества сегодня радикально выше, чем 10–15 лет тому назад⁶. Государство с его институтами явно отстает от общественной самоорганизации и активности, продолжая считать себя единственной организованной силой. В рыночных взаимодействиях также проявляется преодоление, казалось бы, аксиоматичной атомизации, появляются наряду с принципами, описанными строгой экономической теорией, такие изначально чуждые им элементы отношений, как взаимопомощь, доверие, преданность общим ценностям и многое другое, деньгами не всегда измеряемое. Обходить эти процессы становится все труднее. Наверное, следует уже осмыслить новые тренды, т.к. они не могут не сказаться на развитии основной экономической дилеммы «индивидуум & государство».

⁶ Об этом свидетельствуют результаты последнего опроса «Евробарометра в России». См. Ведомости от 18.06.2015.

Литература

1. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2013
2. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М., 2000.
3. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. М., 2008.
4. Рубинштейн А.Я. Экономика общественных предпочтений. М., 2008.
5. Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. 2012. № 6.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997.
7. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968.
8. Кант И. Критика способности суждения. М.: Мысль, 1966.
9. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ» // Общественные науки и современность. 2009. № 1, 2.

М.А. DERYABINA

PhD in economics, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
deryabina@transecon.ru

CRITICISM OF PURE REASON: REFLECTIONS ABOUT ONE AMBITIOUS ECONOMIC THEORY

A review of the new aspects of the concept of an economic sociodynamics (CES). The key breakthrough idea of the concept consists in the proof of objective existence, along with individual interests, public interest, public requirements, and mechanisms of their realization from what the thesis about adequate state activity is output.

Keywords: *an economic sociodynamics, methodological individualism, the sponsored benefits, the institutional environment, a political branch of formation of interests of society, standard interest, the state activity.*

JEL: B410, D500, D700, H110, H410.

Е.Д. ФУРМАН

кандидат политических наук, заведующий сектором
Института экономики РАН

М.Е. СИМОН

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА В ТЕОРИЯХ ДЕМОКРАТИИ

В статье рассматриваются ключевые подходы к концептуализации политического компромисса. Рассматриваются модели демократии и соответствующий институциональный дизайн обеспечения оптимального уровня политического участия. При этом политический компромисс понимается неодинаково. Он может отождествляться с консенсусом, когда акцент делается на единодушных решениях, или же исходить из допущения политического противостояния, при котором тем не менее возможно достижение *modus vivendi*. Особое внимание авторы уделяют теории консоциативной демократии, предлагающей способ решения конфликтов в многосоставных обществах.

Ключевые слова: компромисс, консенсус, политические институты, политическое участие, демократия, рассредоточение власти.

JEL: D70, D72, D74, D79.

Многообразные теории демократии базируются на общем допущении, что люди, которых затрагивают политические решения, должны иметь возможность влиять на их принятие, а также свободно высказывать мнение относительно такого рода решений в публичных дебатах. Проблема институционального оформления достижения *modus vivendi* между всеми заинтересованными сторонами является одной из центральных в рассматриваемых теориях. При этом авторы по-разному расставляют акценты. Одни указывают на главенствующее значение широкого общественного контроля над процессами формирования политического курса (Иеремия Бентам [1], Роберт Даль [21], Аренд Лейпхарт [5]), другие настаивают на необходимости делегирования компетенции профессионалам для принятия эффективных решений (Йозеф Шумпетер [9], Джованни Сартори [42], Габриэль Алмонд [11]).

Одни видят залог стабильности демократических институтов в гомогенной политической культуре (Алексис де Токвиль [10], Габриэль Алмонд и Сидней Верба [12], Кэрол Пейтман [40]), другие, напротив, полагают, что культурное разнообразие должно рассматриваться не как угроза, но как предпосылка для нахождения полноценных компромиссов (Шанталь Муфф [38], Ева Соренсен [43]).

В статье последовательно рассмотрены обе упомянутые дилеммы: прозрачности/эффективности принимаемых решений, а также гомогенности/гетерогенности политической культуры в контексте институционализации выработки политического компромисса. Особое внимание уделено теории консоциативной демократии Аренда Лейпхарта [28], [29], [30], [31], нацеленной на решение конфликтов в много-составных обществах.

Поставленные задачи требуют определиться с терминологией. В первую очередь, укажем на различие между понятиями «компромисс» и «консенсус», которые нередко воспринимаются как взаимозаменяемые. Они далеко не тождественны. Согласно Николасу Решеру¹ [41], консенсус предполагает единообразие оценок и является продуктом рационального мышления. Такую трактовку Решнер выводит из работ Джона Ролза [7] и Юргена Хабермаса [25], чьи концепции построены на примате рациональной коммуникации между субъектами политического процесса. Будучи представителем плюралистического подхода, Решер скептически относится к идее «консенсуса» как способа ухода от конфликтов. Понимая, что институциональные условия достижения согласия между всеми заинтересованными лицами по тому или иному вопросу никогда не приблизятся к идеальным, он настаивает на необходимости совершенствования механизмов заключения соглашений в принципиально гетерогенном социуме. Похожим образом выглядит концепция агонистической демократии Шанталь Муфф, построенная на допущении, что конфликт является приводным ремнем политики. Сила демократических институтов, с ее точки зрения, заключается не в том, что они способны привести к единодушию, а в том, что они превращают непримиримых врагов в равноценных оппонентов, не ставящих под сомнение легитимность друг друга. Таким образом, сохранение противоречий, предполагающее институциональные возможности заключения соглашения между сторонами, можно охарактеризовать как «компромисс».

Весьма важным представляется соотношение между понятиями «институт» и «консенсус», установленное Никласом Луманом в рамках его системно-функциональной теории общества. Луман указывал, что

¹ Выдающийся американский философ, директор Центра философии наук Питтсбургского университета.

деятельность институтов базируются на социальном консенсусе относительно ролевых функций участвующих в них акторов [35]. В рамках политической теории следует разделить понятия «сущностного консенсуса» (подходы Ролза и Хабермаса) и «процедурного консенсуса» (трактовка Лумана). Отсутствие совпадения идеологических позиций относительно сущностного консенсуса не означает, что между противоборствующими сторонами нет консенсуса по общим процедурам, т.е. готовности разрешить противоречия путем заключения соглашения в соответствии с определенными конвенциями [26, p. 10].

«Эффективность» агрегативной демократии versus общественный контроль в делиберативной модели

Правление, которое предполагает участие как можно большего числа граждан во всеобщих выборах и свободных публичных дискуссиях, один из наиболее значимых теоретиков демократии Роберт Даль назвал «полиархией» [20]. Условия для возникновения такого режима, по мысли Даля, появляются тогда, когда издержки от подавления той или иной стороной конфликта своего оппонента начинают превышать издержки, возникающие при толерантном отношении к нему [19]. Однако необходимость перманентного контроля над принятием политических решений порождает своеобразное напряжение между подотчетностью и эффективностью действий правительства. Всеобщее политическое участие далеко не всегда является гарантией принятия мудрых решений, отвечающих интересам всего сообщества².

Попытка разрешения противоречия между подотчетностью и эффективностью политических решений была предпринята Габриэлем Алмондом в рамках теории агрегативной демократии. Алмонд противопоставлял свой подход классической теории разделения властей, делая акцент на менее формализованных политических институтах (партиях, группах интересов, лоббистах и средствах массовой коммуникации). Они действуют на «входе» в политическую систему (input) на стадии предъявления требований и демонстрации уровня поддержки, в то время как три ветви власти работают уже на «выходе» (output), т.е. на стадии реализации политического курса. В ходе борьбы за власть

² Эту проблему рассматривал Аристотель в «Политике», а вслед за ним Кант в трактате «К вечному миру». Оба автора относят «демократию» скорее к негативному типу политического устройства и противопоставляют ее «республике» как своеобразной позитивной противоположности. Различие между «демократией» и «республикой» заключается в том, что в первой решение принимается под давлением необразованной толпы, в то время как во второй осуществляется представительное правление, то есть демос делегирует право на принятие самостоятельных решений людям с соответствующей квалификацией.

политические позиции акторов имеют тенденцию к сближению. Кандидаты и партии, стремящиеся к попаданию в правительство, заявляют о своем намерении проводить политику, имеющую наибольшую привлекательность для населения. Таким образом, стремление понравиться как можно большему числу избирателей обуславливает конвергенцию позиций. При этом каждая из сторон готова пойти на компромисс, только если будет уверена, что победитель последует ее примеру.

Для подобного рода кооперации необходимо, чтобы те, кто находится у власти, понимали, что их правление закончится, а преимущества, которые они получают после того, как отдадут власть, компенсируют уступки, которые они делают для своих оппонентов в настоящем. В свое время Токвиль в работе об американской демократии писал: «...в Соединенных Штатах политическая борьба не может быть ни всеобщей, ни очень глубокой, и все группы населения готовы признавать права большинства, поскольку каждая из них надеется когда-либо воспользоваться ими в своих интересах» [10, с. 194].

Алмонд делал акцент на том, что в современных политических системах неминуемо происходит агрегация политических предпочтений всех заинтересованных лиц. Он считал двухпартийную модель более привлекательной, чем многопартийную, поскольку задействованные в ней партии несут ответственность перед широким кругом избирателей и вынуждены проводить курс на конвергенцию интересов [4]. Формирование правительства как ограниченного круга лиц, принимающих решения, согласно Алмонду, является результатом процесса агрегации предпочтений избирателей, которые затем будут трансформироваться в зависимости от проводимого политического курса.

Поскольку модель, предложенная Алмондом, не предполагала непосредственного участия широкого круга акторов в принятии окончательных решений, она послужила своего рода вызовом для других теоретиков. В качестве альтернативы ей возникла теория делиберативной демократии, обеспечивающей полноценное политическое участие через многообразные институты общественного обсуждения. Термин «*deliberation*» означает не только дискуссию, но и осторожность, осмотрительность, неспешность и взвешенность принимаемых решений.

Представители этой теории опираются на подходы Джона Ролза [7] и Юргена Хабермаса [25]. Некоторые из них, в частности, Джейн Мансбридж, считают, что публичная дискуссия и согласование позиций могут быть локализованы вне формальных управленческих институтов – в группах и ассоциациях, объединяющих людей с относительно однородными интересами и предпочтениями [37]. Таким образом, децентрализованный механизм принятия решения может способствовать более быстрому нахождению консенсуса. Но при децентрализации небольшие политические объединения в гораздо меньшей степени

отвечают критерию гласности и подотчетности, чем большие ассоциации. В худшем случае такой способ разрешения противоречий может привести к тирании, поскольку он позволяет локальным фракциями и субкультурным группам принимать неконтролируемые решения.

Некоторые другие авторы утверждают, что широкое обсуждение должно применяться лишь в отдельных случаях, когда принимаемые решения затрагивают фундаментальные вопросы общественной жизни. Наиболее радикальная трактовка делиберативной модели заключается в том, что при принятии политических решений следует учитывать не все многообразие мнений, а лишь рациональные. Так, Эми Гутманн и Дэннис Томпсон [24] считали рациональным мнение, основанное на стремлении к справедливому взаимному сотрудничеству. Однако установить конкретные критерии выявления различий между рациональным и нерациональным – задача трудновыполнимая.

С точки зрения Джона Фереджона, по-настоящему привлекательная модель делиберативной демократии должна обладать достаточной институциональной мощностью, чтобы принимать неконсенсусные решения [23, р. 79]. Он обосновывает это тем, что современное демократическое общество плюралистично, в нем не может доминировать лишь одна трактовка общественного блага. В таком обществе люди вырабатывают правила совместного общежития на основе взаимного согласия, и каждый участвует в общем деле, исходя из собственных целей и интересов. Общий же интерес базируется на допущении многообразия частных интересов. Даже после принятия согласованного решения полное согласие относительно наилучшего политического курса никогда не может быть достигнуто. Поэтому наличие плюрализма обуславливает необходимость неконсенсусных решений, которые тем не менее должны быть соответствующим образом оправданы в глазах тех, чье мнение отвергается. Основная проблема институциональной регуляции в делиберативной модели демократии заключается в том, что само согласие относительно необходимости консенсуса или простого большинства далеко не всегда может быть достигнуто.

Демократии перед вызовом гетерогенности

Одним из наиболее распространенных в политической теории способов объяснения устойчивости демократических институтов является нарратив о первостепенной роли культурной однородности. Утверждение, что демос конституирован чувством единства, связано с тем, что универсальные либеральные ценности получали институциональное закрепление в партикулярных национальных государствах. Концепт нации (даже если речь идет о гражданском, а не этническом его понимании) имплицитно содержит представление о культурной гомоген-

ности ее членов, приверженности определенной системе ценностей. Те, кто не вписывается в это представление, т.е. новоприбывшее население, представители различных ярко выраженных и обособленных субкультур (этнических или идеологических), кто не отвечает сложившимся поведенческим стереотипам, зачастую воспринимаются как угроза консолидированной целостности.

Вопрос о том, обязательно ли гетерогенность общества сочетается с единовластием, был особенно актуален для американских сравнительных политических исследований 1950–1960-х годов. Так, в 1956 г. упомянутый Габриэль Алмонд [11], разрабатывая свою типологию политических систем, пришел к выводу о различии между англо-саксонской и континентальной (европейской) моделями демократии. С его точки зрения, большинство европейских стран представляют собой общества, разделенные на множественные политические субкультуры. Нестабильность их обусловлена тем, что субкультурные группы носят изолированный характер, формируя ограниченный тип лояльности, что неминуемо приводит к политическим конфликтам. Великобритания и США, напротив, характеризуются гомогенной светской политической культурой при наличии мощной структурно-ролевой дифференциации. В англосаксонских обществах люди могут принадлежать сразу к нескольким группам интересов, следовательно, их взгляды становятся более умеренными³. По мысли Алмонда, именно этим различием политических культур объясняется установление диктатур в Италии, Германии и Испании в межвоенный период и сохранение демократических институтов в Великобритании и США⁴.

Неудачные попытки построения демократических институциональных систем в странах третьего мира также нередко объяснялись наличием разрозненных общественных сегментов и отсутствием объединяющего консенсуса относительно дальнейшего пути развития. Социальный антрополог Майкл Гарфилд Смитт, изучавший «много-составные общества» развивающихся стран, указывал на доминирова-

³ Теория множественной принадлежности была в дальнейшем развита в работах Сеймура Мартина Липсета [34].

⁴ Подход Алмонда представляется несколько односторонним. Если опустить аргументы относительно того, что гомогенная, с точки зрения политической культуры, Франция никак не вписывается в очерченную им континентальную модель, то сам тезис об «однородности» Великобритании и США выглядит весьма сомнительным. В случае с Великобританией достаточно вспомнить о конфликте с Северной Ирландией, который до 1985 г. не поддавался демократической институциональной регуляции и до сих пор не может считаться полностью разрешенным. Что касается США, то здесь Алмонд игнорирует проблему расового неравенства, которая в 1960-е годы привела к засилью внеинституциональных методов борьбы за равные права, в т. ч. политические.

ние одной из социальных групп как на их неизменную характеристику. Согласно Смитту, в таких обществах поддержание политического порядка осуществляется принуждением и силой. Из этого следовало, что «многие из недавно освободившихся стран могут либо распасться на отдельные культурные единицы, либо сохранить целостность, но лишь при отношении господство – подчинение между группами» [4].

Тем не менее Аренд Лейпхарт бросил вызов представлению о том, что культурная гетерогенность способствует формированию авторитарных режимов. Разрабатывая теорию консоциативной демократии, он попытался найти оптимальную модель институционального устройства для многосоставных обществ.

Консоциативная демократия и нахождение компромисса в многосоставных обществах

Политические системы, в основе которых заложен принцип расщепления власти, долго находились вне поля зрения политической теории [32], [33]. Ситуация изменилась в 1960-е годы, когда в результате масштабной деколонизации институциональные системы, отвечающие запросу на достижение компромисса в гетерогенных обществах, начали восприниматься как норма. Важной для развития исследований стала работа Артура Льюиса «Политика Западной Африки» (1965) [16, р. 10]. В ней утверждалось, что постколониальные мультиэтнические государства Западной Африки страдают от унаследованных от Британии и Франции мажоритарных систем. Льюис указывал, что этим странам были необходимы правительства, включающие широкую коалицию политических сил, электоральная система, основанная на пропорциональном представительстве, а также федерация, которая предоставила бы отдельным сообществам территориальную автономию.

Опираясь на подход Льюиса, Аренд Лейпхарт, в свою очередь, перешел от описания проблемы к конкретным рекомендациям. Чтобы избежать конфликтов в многосоставных обществах, он полагал необходимым распределение власти между социальными сегментами, маркерами различия которых выступают язык, религия или идеология. Эти сегменты должны участвовать в работе правительства на основе пропорционального, а в некоторых случаях и равного представительства. По мысли Лейпхарта, важные решения могут быть приняты лишь при условии взаимного согласия, и каждое из сообществ наделяется правом вето.

В 1968 г. Лейпхарт опубликовал работу «Политика аккомодации: плюрализм и демократия в Нидерландах» [28]. В ней он описывал голландскую политическую систему как пример стабильной демократии при наличии сильных социальных расколов. Представления Лейп-

харта о голландской институциональной модели послужили фундаментом для построения теории консоциативной демократии. В основной части книги описывается пятидесятилетний опыт голландской политики с 1917 до 1967 г. В этот период голландское общество было разделено на четыре различных и относительно автономных сегмента (pillars). Критерием разделения выступали религиозные и социальные различия. В религиозном отношении голландское общество делилось на верующих и неверующих (80 и 20% соответственно в 1960 г.), а внутри религиозного слоя – на католиков и кальвинистов (приблизительно по 40% от всего населения страны). Социальная пилларизация нашла свое отражение в партийной системе, где были представлены все четыре сегмента.

Называя Нидерланды стабильной и жизнеспособной институциональной системой, Лейпхарт определял при этом демократию как «систему правления, при которой народ имеет возможность выбирать своих собственных лидеров», а стабильную демократию как «демократию, при которой возможности системы достаточны, чтобы выдержать предъявляемые к ней требования» [28, р. 71]. В качестве индикаторов стабильности Лейпхарт указывал отсутствие революции, насилия, наличие стабильного правительства и конституционной преемственности. Особое значение он придавал консенсусу голландской политической элиты о необходимости аккомодации, то есть разрешения вопросов, вызывающих наибольшие разногласия, путем согласования, при условии сохранения существующей системы. Лейпхарт полагал, что лидеры блоков должны стремиться преодолеть расхождения даже в условиях взаимной изоляции [28, р. 104].

При этом основные очертания аккомодации, как отмечал исследователь, были сформированы в Нидерландах уже в последние десятилетия XIX века, а институализированы в 1917 г., когда противоречия между политическими блоками стали угрозой для устойчивости политической системы. Однако в начале 1970-х годов эта система полностью исчерпала себя и была упразднена⁵.

⁵ Пилларизационная модель начала исчерпывать себя еще после Второй мировой войны, когда либералы и социалисты, а также протестанты и католики начали объединяться в рамках общенародного движения Nederlandse Volksbeweging. В свою очередь, социал-демократические, лево-либеральные и христианско-социалистические партии объединились в Лейбористскую партию с открытым членством. Однако пилларизация была глубоко укоренена не только в политической системе, но и в других институтах голландского общества (образование, средства массовой информации, социальное страхование и др.), поэтому от нее было не так-то просто избавиться. Окончательный удар по сегментальной системе нанесло движение новых левых, опиравшееся на студенческие профсоюзы. Повышение социальной мобильности и падение уровня религиозности повлияли на возникновение новых типов солидаризации, выходящих далеко за пределы упомянутых сегментов.

Взяв за основу теоретическую рамку, выработанную на основе изучения голландского опыта, Лейпхарт приступил к исследованию других многосоставных обществ. Свои наблюдения он систематизировал в фундаментальной работе «Democracy in Plural Societies» [29] (в русском переводе – «Демократия в многосоставных обществах» [6]), благодаря которой понятие «сообщественной» («консоциативной») демократии было введено в широкий политологический оборот. Ссылаясь на опыт Нидерландов, Бельгии, Швейцарии и Австрии, Лейпхарт выработал общую концепцию консоциативной демократии и применил ее к другим многосоставным обществам – от Канады до Израиля и от Ливана до Индонезии. Таким образом, консоциативная демократия переставала выглядеть феноменом, характерным лишь для стран Бенилюкса, а рассматривалась автором как универсальное решение для многосоставных обществ. Расширенный анализ консоциативной модели демократии (на основе исследования 36 стран) Лейпхарт изложил в книге «Patterns of Democracy: Government Forms & Performance in Thirty-six Countries» [31].

Если попытаться кратко сформулировать основную идею Лейпхарта, то она состояла в следующем. Демократию в многосоставных обществах следует рассматривать как синоним «полиархии», многовластия, а стабильность – как многоаспектное понятие, включающее сохранение системы, гражданский порядок и нивелирование угрозы гражданского насилия. Консоциативная демократия, согласно Лейпхарту, может быть определена при помощи следующих четырех главных характеристик. Во-первых, правительство должно состоять из большой коалиции, включающей лидеров всех значимых сегментов многосоставного общества. Во-вторых, право взаимного вето, которое позволяет группам отвергать решения, наносящие ущерб их интересам. В-третьих, принцип пропорциональности политического представительства в назначении чиновников и распределении бюджетных средств. В-четвертых, наличие высокой степени автономии каждого сегмента в образовательной, языковой, культурной и законодательной областях [29, р. 153]. При этом кооперация элит – первоочередная задача консоциативной модели. Осознавая центробежные угрозы, политические элиты могут целенаправленно создавать каналы кооперации и управлять структурами, угрожающими стабильности системы. Другими словами, элиты обязаны разрабатывать стратегии, нацеленные на регуляцию конфликтов, чтобы противостоять опасности социальной атомизации.

Лейпхарт полагал федерализм одним из наиболее многообещающих методов имплементации консоциативных принципов [30]. С его точки зрения, на территориях, где существуют четко очерченные идентичности, необходимо предоставить возможность каждой из групп

самостоятельно разбираться со своими проблемами. Только посредством разделения сфер влияния можно достичь кооперации между элитами автономных сообществ. При этом консоциация, по мысли Лейпхарта, не аннулирует демократическую оппозицию внутри сообществ, а создает возможность институционально обезопасить ее. В более поздних работах Лейпхарт отошел от использования понятия «консоциативная» демократия, предпочтя ей понятие «консенсусная» демократия, поскольку последняя более универсальна и может быть реализована как в многосоставных, так и в гомогенных обществах [5].

Критика консоциативной теории

Теория Лейпхарта неоднократно критиковалась как с теоретических, так и с идеологических позиций консерваторами и либералами, социалистами и феминистами. Обвинения касались ее утопичности (на что обращали особое внимание консерваторы), отсутствия концептуальной ясности, сложности ее практического применения, а также эмпирической верификации.

Представляется целесообразным остановиться на трех направлениях критики модели консоциативной демократии: во-первых, уязвимость концептуализации «раскола», во-вторых, элитизм и, в-третьих, эссенциалистский подход к рассмотрению идентичности.

Лейпхарт не давал четкого определения сегментального раскола, в одних случаях ссылаясь на внешнюю изоляцию групп, в других – на их внутреннюю сплоченность. Швейцарский политический исследователь Юрг Штайнер отмечал, что консоциативная теория не позволяет установить границы между многосоставным и глубоко разделенным обществом [44, p. 344]. Кроме того, неочевидным представляется положение Лейпхарта о том, что внедрение механизмов рассредоточения власти неминуемо ведет к достижению мира. Напротив, подобная стратегия может усугубить напряжение между отдельными общественными сегментами в долгосрочной перспективе. Так, Дональд Хоровиц утверждал, что консоциация является скорее результатом разрешенных конфликтов, а не предпосылкой для их урегулирования. Хоровиц полагал консоциативную модель пригодной для стран с относительно умеренным уровнем конфликтности, но она не релевантна для глубоко расколотых обществ [27, p. 256].

Аргумент Лейпхарта о том, что расколотым обществам надлежит сделать выбор между консоциативной демократией и ее отсутствием, также видится весьма гипертрофированным. Отметим, что в упомянутой работе «Демократия в многосоставных обществах» [6] Лейпхарт уделял особое внимание созданию всеохватывающих лояльностей как одному из механизмов разрешения конфликтов. Однако возникно-

вание таких лояльностей, способствующих объединению интересов представителей отдельных сегментов, возможно и без внедрения консоциативной институциональной модели [36].

Роль элит в теории Лейпхарта представляется одной из наиболее спорных ее составляющих. Сам Лейпхарт определял консоциативную институциональную систему как «правление картеля элит, имеющее целью превратить демократию с фрагментированной политической культурой в стабильную демократию» [29]. Допущение, что элиты просвещены и действуют в интересах групп, которые они представляют, неоднократно подвергалось сомнению различными теоретиками. Так, Пол Брасс утверждал, что элиты, на благоразумие которых рассчитывают консоционалисты, напротив, заинтересованы в сохранении коллективного противоборства и вражды [15, р. 338]. Таким образом, разрешение конфликтов зависит не от функционирования самих по себе элит, а от институционализации механизмов заключения сделки (нахождения компромисса) между сообществами [22, р. 13].

Сосредоточенность Лейпхарта на роли элит сделала консоциативную модель уязвимой в смысле умаления демократической составляющей. Несмотря на то, что Лейпхарт опирался на концепцию полиархии Роберта Даля, между ними обнаруживаются существенные противоречия. Если Даль делает акцент на конкуренции элит как своего рода гарантии демократичности принимаемых решений, то Лейпхарт, напротив, уповает на активное сотрудничество между ними [45].

Отдельного внимания заслуживает эссенциализм Лейпхарта – взгляд на этническую принадлежность как нечто статичное и изначально существующее. Руперт Тейлор указывал, что консоционалисты рассматривают этничность как социальный факт, а не как выбор, сделанный самими людьми [46, р. 40]. Либералы, социалисты и феминисты, критикующие консоциативную теорию, оказались едины в том, что подход Лейпхарта представлялся им консервативным, налагающим на индивидов своеобразное клеймо этнической принадлежности и тем самым лишаящим их возможности обрести другие типы идентичности. Посредством закрепления за теми или иными эмансипированными группами механизмов обособленного политического участия, консоциация не столько разрешает потенциальные конфликты, сколько стимулирует их. Затверждение институциональных и административных границ усиливает групповую изоляцию, поощряя политику замораживания «тупиковых ситуаций». Характерным примером является глубоко расколотое иракское общество, в котором после 2003 г. внедрение федеративных структур привело к политизации межрелигиозной вражды.

Что касается эмпирической составляющей, то примеры, в полной мере отвечающие консоциативной модели, относительно редки. Тот

факт, что элементы консоциации в таких странах, как Нидерланды и Австрия, сошли на нет, заставляет задуматься о темпоральной ограниченности этой модели, ее промежуточном положении в таксономии политических режимов. Наконец, механизмы рассредоточения власти успешно функционируют при условии относительно стабильной внешней среды. В глубоко разделенных обществах, находящихся в конфликтных регионах, консоциация в большей степени зависит от экзогенных, нежели от эндогенных факторов. Об этом говорит пример Ливана, в котором внутренние лояльности чувствительны по отношению к воздействию внешних акторов [22].

Агонистическая демократия и политические сети

В большинстве рассмотренных теорий политический конфликт воспринимается как нечто негативное, а демократические институты как своего рода механизмы нейтрализации противоборства. Подобному пониманию политики противопоставлена концепция «агонистической демократии» Шанталь Муфф. Подвергая критической рефлексии подход Карла Шмитта, в соответствии с которым политическая власть проявляется через способность различения «друзей» и «врагов» [8], Муфф тем не менее солидаризируется с его трактовкой феномена «политического» как неискоренимого антагонизма. По этой причине она характеризует роулсианскую философию как «лишенную политического» [39]. Нацеленная на достижение рационального консенсуса делиберативная модель тем самым лишается самой сути политики – духа соперничества.

По мысли Муфф, подлинная сила современных демократических институтов заключается в способности превратить игроков, находящихся в свирепом противоборстве, в достойных оппонентов, готовых не только признавать право на существование альтернативной точки зрения, но и находить компромисс. Конфликт, таким образом, является приводным ремнем политики, поскольку он способствует сохранению подлинного плюрализма мнений, в то время как стремление к консенсусу, то есть к единодушию, лишает людей возможности совершить политический поступок. Парадоксальным образом именно признание конфликтной природы институтов позволяет вовлечь в них тех, кто до сих пор был из них исключен, в том числе по соображениям сохранения культурной гомогенности [38].

Данный тезис Муфф был взят на вооружение норвежскими теоретиками Евой Соренсен, Яном Куйманом и Джейкобом Торфингом для осмысления возможностей демократического участия в транснациональном многоуровневом управлении, в которое вовлечены сразу несколько территориально и функционально отделенных друг от

друга политических единиц. Взгляд на демократию как на нечто, что существует лишь внутри демоса, производит жесткое разграничение между «внешним» и «внутренним» по отношению к политическому сообществу. Как ни странно, подход Муффа, апеллирующий к конфликтности, оказался пригоден для преодоления не только «внутренних», но и «внешних» барьеров.

Традиционные теории либеральной демократии давали ответ на вопрос, что делать с теми, кто лишен возможности политического участия, лишь применительно ко внутреннему устройству уже сформировавшихся территориальных демосов. Однако в ситуации глобальной взаимозависимости становится очевидным, что решения, принятые одним демосом, могут оказывать непосредственное воздействие также и на другие политические сообщества. В последние десятилетия даже унитарные европейские государства, не обремененные проблемой внутренней гетерогенности, оказались вынужденными интегрироваться в сложные институциональные модели, объединяющие сразу несколько демосов. Различные территориальные сообщества – национальные, региональные и муниципальные управленческие структуры – дополняются множественными функциональными единицами, а именно демократически организованными комитетами, ассоциациями и советами, позволяющими определенным группам оказывать влияние на решение касающихся их вопросов.

Несмотря на это обстоятельство, представление о том, что политика – это домен суверенного национального государства, по-прежнему превалирует. Уильям Конноли объясняет приверженность традиционной трактовке политики и игнорирование более сложной реальности тем, что это позволяет поддерживать иллюзию упорядоченности и контролируемости политических процессов [17]. Однако по мере приобретения плюрицентричной моделью все более выпуклых очертаний, подобное видение становится более проблематичным.

Ева Соренсен полагает, что основная трансформация, наблюдаемая в последние десятилетия в европейских странах, заключается в том, что государство превратилось из суверенного правителя, осуществляющего повсеместный бюрократический контроль, в своего рода мета-управленца, чья задача состоит в координации деятельности саморегулирующихся единиц [43]. В транснациональной системе управления наиболее могущественными участниками становятся те, кто может осуществлять мета-правление над другими такими же акторами. В этом смысле государство сохраняет лидирующие позиции, однако оно не обладает монополией на правление, равно как и любые другие публичные или же частные структуры.

Поиск форм демократического участия и общественной дискуссии во взаимодействии между множественными демосами весьма сложен.

Не существует единого институционального алгоритма, который бы помог справиться с этой задачей. Востребованным становится сочетание старых и новых форм демократической регуляции. В качестве новой формы выступают политические сети (или сети управления), которые объединяют различные территориально и функционально обособленные управленческие инстанции и демосы.

В настоящее время наднациональные институты ЕС создают платформы для функционирования так называемых «сетей убеждения» (persuasion networks), в рамках которых формируются большие коалиции, вступающие друг с другом в дебаты относительно решений, принимаемых на общеевропейском уровне. В таких сетях выделяются несколько кластеров игроков в зависимости от того, какого рода интересы они отстаивают. Так, общественные интересы отстаивает коалиция «за социальную Европу», в рамках которой фракции Европейского парламента (Европейские объединенные левые/Лево-зеленые Севера, Прогрессивный альянс социалистов и демократов, а также Зеленые/Европейский свободный альянс) кооперируются с профсоюзами и различного рода общественными ассоциациями. Другой кластер, ориентированный на защиту общественных интересов – «экологический». В нем представлены экологические НПО (Greenpeace, Friends of the Earth, European Environmental Bureau), секторальные ассоциации работодателей (Confederation of Family Organisations in the EC and Bureau Européen des Union Consommateurs) и несколько директоров Комиссии (Directorate-General for the Environment и DG JUST и Directorate-General for Justice and Consumers). Специальные же экономические интересы объединяют игроков, выступающих за стимуляцию общеевропейского экономического развития, в частности, ассоциации работодателей и секторальные ассоциации (Union of Industrial and Employers' Confederations of Europe, European Centre of Employers and Enterprises, European Chemical Industry Council) [14].

Формирующиеся в рамках сетей новые типы идентичности коррелируют с феноменом множественной принадлежности, описанным Сеймуром Липсетом [34], и приводят к формированию множественных лояльностей. Признание открытого и условного характера политических сообществ способствует восприятию различий как естественного явления. Стимулирование открытых политических дебатов между представителями различных демосов способствует утверждению восприятия членов другого демоса не как врагов, а как равноправных оппонентов, обладающих правом на собственное мнение, которое они отстаивают в конкурентной борьбе.

Несмотря на указанную позитивную роль сетей в процессе демократизации транснационального управления, нельзя не отметить, что их легитимность зачастую базируется на уже совершенных действиях,

а не на процедурной основе, которая должна присутствовать на «входе» в политическую систему. Несмотря на то что участие НПО и экспертных сообществ создает возможность для широкой общественной дискуссии на наднациональном уровне, круг акторов, допущенных до обсуждения вышеуказанных проблем, существенно ограничен.

Клаус Легтеви указывал на своеобразный «парадокс демократизации» применительно к НПО. Они оказывают демократизирующее воздействие на наднациональные и межгосударственные институты, не будучи сами демократически устроенными [3]. Далеко не во всех политических сетях проводится голосование. Таким образом, их представители, как правило, не имеют демократического мандата. Кроме того, они получают пространство для маневра вне обратной связи с институтами, которые могут считаться законными представителями демоса, отражающими волю его населения или хотя бы его части.

Заключение

В заключение можно констатировать, что институциональный аспект проблемы выработки политического компромисса актуализируется в двух плоскостях. Во-первых, это гармонизация интересов противоборствующих сторон и обеспечение условий политического участия всех, кого затрагивают принимаемые решения. Во-вторых, это разрешение проблемы «внутреннего» и «внешнего» исключения.

В первом случае речь идет о выборе наиболее эффективного механизма принятия решений. Для имплементации агрегативной модели, предполагающей слияние интересов большинства, в наибольшей степени подходит мажоритарная двухпартийная политическая система. В рамках такой системы партии, несущие всю полноту ответственности перед избирателями, готовы идти на уступки, поскольку они отдают себе отчет в том, что оппоненты могут занять их место. Это касается как победителей, так и проигравших. По мысли сторонников агрегативной демократии, двухпартийная система вынуждает участников политического процесса унифицировать позиции для завоевания симпатии большинства и ограничивает «партийную демагогию» [4]. Однако теоретики, симпатизирующие агрегативной демократии, не дают ответа на вопросы о том, что делать тем, кто не согласен с решениями, принимаемыми от лица большинства, а также как поступать в том случае, если индивид не готов идентифицировать себя ни с одной из лидирующих партий.

Для разрешения подобных противоречий была разработана теория делиберативной демократии, ассоциируемая в первую очередь с именами Джона Ролза и Юргена Хабермаса. Оба считают, что по-настоящему демократический режим характеризуется предостав-

лением возможности политического участия всем (или почти всем) гражданам. Это касается не только электоральных процессов, но и обсуждения разрабатываемых решений, осуществления перманентной обратной связи между правительством и гражданами. В основе делиберативной демократии лежит представление о рациональной коммуникации между участниками политического процесса, позволяющей прийти к сущностному консенсусу.

Институциональный дизайн делиберативной модели видится последователями Ролза и Хабермаса неодинаково. Одни настаивают на необходимости децентрализации принимаемых решений, другие полагают, что такой путь, напротив, может привести к засилью недемократических процедур на локальном уровне. Кроме того, приверженцы рассматриваемой теории не всегда согласны с тем, что поиск консенсуса должен осуществляться в отношении всех рассматриваемых вопросов. Так, Джон Фереджон видит подлинную силу институтов делиберативной демократии в возможности принятия неконсенсусных решений в условиях, когда достичь единодушия не представляется возможным. Однако законодательное оформление критерия необходимости применения консенсусного решения – задача не из легких.

Второй блок вопросов касается критического осмысления широко распространенного в теориях демократии допущения о том, что институциональная стабильность базируется на культурной гомогенности общества. Приверженность общим процедурам (процедурный консенсус) как необходимое условие самовоспроизводства демократических режимов не ставится большинством теоретиков под сомнение, однако данная проблема выходит далеко за рамки процессуальных норм. Так, многосоставные общества, включающие представителей различных этнических и субкультурных групп, нередко воспринимаются как подверженные угрозе перехода к авторитарной модели правления.

Один из ведущих политических исследователей Лондонской школы экономики Бернард Крик отмечал, что конфликт интересов между участниками политического процесса неискореним и единственным возможным решением становится рассредоточение власти. Чтобы процесс заключения соглашения был успешным, стороны должны обладать достаточной силой, иначе одна из них может быть попросту подавлена [18].

В последние десятилетия в либеральных демократиях обнаруживается тенденция к политической аккомодации субкультурных различий, даже если соответствующие референтные группы не обладают ощутимым электоральным ресурсом. Так, Аренд Лейпхарт полагал, что в государствах, где политические субкультуры накладываются на

этнические, национальные или религиозные разногласия, наиболее эффективным способом их разрешения является переход к консоциативной демократии, способствующей солидаризации расколотого конфликтами общества. Консоциативная модель предполагает относительную политическую автономизацию разрозненных общественных сегментов, а также пропорциональное представительство в федеральных органах власти.

Несмотря на то, что концепция Лейпхарта обрела большое количество сторонников и применялась в международной практике урегулирования межэтнических конфликтов (Ирак, Босния и Герцеговина), она вызвала и немало критики. Так, по мысли Пола Брасса, Лейпхарт уделял чрезмерное внимание роли элит, идеализируя их намерения. Другим весьма уязвимым аспектом его теории представляется эссенциалистский подход к идентичности, в рамках которого принадлежность к той или иной группе воспринимается скорее как социальный факт, нежели как сознательный выбор индивида. Выдающийся норвежский антрополог Фредрик Барт полагал, что территориальные, институциональные и административные границы не отражают реальных различий между сообществами, а, напротив, производят их [13]. По этой причине институциональное закрепление субкультурной изоляции зачастую чревато замораживанием конфликта, а не его разрешением.

Наконец, весьма значимой представляется концепция делиберативной демократии Шанталь Муфф, в которой центральное место отводится наличию политического конфликта, а не достижению консенсуса. Задача демократических институтов заключается, по мнению Муфф, в создании механизмов социализации, способствующих восприятию как «внутренней», так и «внешней» инаковости как нормы.

Восприятие гетерогенной политической культуры не в модусе угрозы, но в качестве возможности учесть интересы наибольшего числа людей, ощущающих на себе последствия принимаемых властью решений, представляется авторам важным ориентиром также в контексте российских реалий. Достижение не столько сущностного, сколько процедурного консенсуса в процессе выработки политического курса является залогом стабильности институтов управления. Отдельного внимания заслуживает осмысление различия между компромиссом и консенсусом в российской политической системе, всецело подчиненной в настоящее время логике поддержания последнего и игнорирования первого.

Литература

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
3. Леггеви К. Транснациональные движения и вопрос демократии // Неприкосновенный запас, 2005. № 1(39). <http://magazines.russ.ru/nz/2005/1/le1.html>.
4. Лейнхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы. 1992. http://www.civisbook.ru/files/File/Leiphart_1992-_1.pdf.
5. Лейнхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис, 1995. № 5. С. 136–146.
6. Лейнхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.
7. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995.
8. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии, 1992. № 1. С. 37–67.
9. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
10. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.
11. Almond G.A. Comparative Political Systems // Journal of Politics, 1956. № 3. P. 391–409.
12. Almond G.A., Verba, S. The Civic Culture. Princeton: Princeton University Press, 1963.
13. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. Oslo: Norwegian University Press, 1969.
14. Bayers J., Kerremans, B. Bureaucrats, Politicians and Societal Interests. How is European Policy Making Politicized? // Comparative Political Studies, 2004. Vol. 37, № 10. P. 1119–1150.
15. Brass P.R.. Ethnic Conflict in Multiethnic Societies: The Consociational Solution and Its Critics. New delhi: Sage. 1991.
16. Brendan O. Debating Consociational Politics: Normative and Explanatory Arguments. In: Noel S. (eds). From power-sharing to Democracy. McGill-Queen's University Press, 2005.
17. Connolly W.E. The Ethos of Pluralization, Minneapolis: University of Minnesota Press. 1995.
18. Crick B. In Defence of Politics. Harmondsworth and New York: Penguin. 2000.
19. Dahl R.A., Lindblom C.E. Politics, economics, and welfare. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1953.

20. Dahl R.A. Polyarchy: participation and opposition. New Haven: Yale University Press. 1971.
21. Dahl R.A. Power as the Control of Behavior. In: S. Lukes (Ed.), Power. Oxford: Blackwell, 1986. P. 37–58.
22. Fakhoury-Mühlbacher T. A Review and Critique of Consociational Democracy. In: T.Hanf. Power Sharing: Concepts and Cases. Letters from Byblos. 2008. № 18. Friedrich Ebert Stiftung. International Centre for Human Sciences. Byblos.
23. Ferejohn J. Instituting Deliberative Democracy. Designing Democratic Institutions, ed.by Ian Shapiro and Stephen Macedo. New York University Press, 2000.
24. Gutmann M., Thompson D. Democracy and Disagreement. Cambridge University Press, 1996.
25. Habermas, J. Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy Cambridge: The MIT Press, 1996.
26. Heywood A. Politics. Second edition, London: Palgrave Macmillan, 2002.
27. Horowitz D. Ethnic groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985.
28. Lijphart A. The Politics of Accommodation. Berkeley: University of California Press, 1968.
29. Lijphart A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven: Yale University Press, 1977.
30. Lijphart A. Consociation and Federation: conceptual and empirical links // Canadian Journal of Political Science, 1979. Vol. 12, №. 3, 499–515.
31. Lijphart A. Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thir-ty-Six Countries. Yale University Press, 1999.
32. Lijphart A. The Evolution of Consociational Theory and Consociational Practices, 1965–2000 // Acta Politica special, 2000. P. 11–22.
33. Lijphart A. Thinking About Democracy: Power Sharing and Majority Rule in Theory and Practice. N.Y.: Routledge, 2007.
34. Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Garden City (N.Y.). 1960.
35. Luhmann N. (1965). Grundrechteals Institution. Ein Beitrag zur politischen Soziologie. Berlin.
36. Lustick I. Stability in Deeply Divided Societies: Consociationalism Versus Control // World Politics, 1979. Vol. 31. P. 325–344.
37. Mansbridge J. Using Power/Fighting Power. In: Benhabib S. (ed.), Democracy and Difference. Princeton University Press, 1996. P. 21–30.
38. Mouffe C.. Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism. Institute for Advanced Studies, Vienna, 2000. https://www.ihs.ac.at/publications/pol/pw_72.pdf
39. Mouffe C. Rawls: Political Philosophy without Politics. The Return of the Political, London: 1993. Verso. P. 41–59.

40. *Pateman C.* Participation and Democratic Theory. New York: Cambridge University Press, 1970.
41. *Rescher N.* Pluralism: Against the Demand for Consensus. Clarendon Press, 1995.
42. *Sartori G.* The Theory of Democracy Revisited, Vol. 1 and 2. London: Chatham House, 1987.
43. *Sørensen E.* Enhancing democracy through inter-demos governance networks. National Centre of Competence in Research (NCCR): Challenges to Democracy in the 21st Century. Working Paper, 2011. № 51.
44. *Steiner J.* The Consociational Theory and Beyond // Comparative Politics, 1981. Vol. 14. №. 2, 19–55.
45. *Schendelen V.* The Views of Arend Lijphart and Collected Criticism // Acta Politica I, 1984. P. 19–55.
46. *Taylor R.* Consociation or Social Transformation? In: Northern Ireland in Comparative Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001.

E.D. FURMAN

PhD in political science, head of the Sector of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia

M.E. SIMON

PhD in political science, leading research fellow of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
mr.marksimon@gmail.com

INSTITUTIONAL CONDITIONS FOR ACHIEVEMENT OF POLITICAL COMPROMISE IN THEORIES OF DEMOCRACY

The paper reviews the key approaches to the conceptualization of political compromise. Each model of democracy – aggregative (G. Almond), deliberative (J. Rawls, J. Habermas), consociate (A. Lijphart) and agonistic (Ch. Mouffe) suggests its own institutional design to ensure an optimal level of political participation. In the theories which describe these models, political compromise is understood in a different ways: in some, it is identified with the consensus, the other are based on an assumption that political contestation is inevitable, which nevertheless makes the achievement of *modus vivendi* possible. The authors pay particular attention to the theory of consociational democracy, developed by Arendt Lijphart. This theory proposes a way to solve conflicts in the multipartite societies.

Keywords: *compromise, consensus, political institutions, political participation, democracy, power sharing.*

JEL: D70, D72, D74, D79.

Н.В. СЫЧЕВ

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

ТИПЫ И ФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УКЛАДОВ: ЛОГИКА РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В статье рассматривается ленинская концепция многоукладной экономики, раскрываются позитивные итоги дискуссий, посвященных проблематике многоукладной экономики, анализируются концептуальные подходы к трактовке типов и форм экономических укладов, излагается авторская позиция по данному вопросу.

Ключевые слова: *экономические уклады, многоукладность экономики, формационный подход, формация и экономический уклад, технологические и экономические уклады, типы и формы экономических укладов.*

JEL: O10.

Как известно, классификация экономических укладов в отечественной литературе советского периода осуществлялась в соответствии с ленинской концепцией многоукладной экономики. Согласно этой концепции, в переходной экономике России существовало пять общественно-экономических укладов:

- 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство, при котором продукты создаются для собственного потребления;
- 2) мелкое товарное производство (сюда относились крестьянские хозяйства, связанные с рынком);
- 3) частнохозяйственный капитализм;
- 4) государственный капитализм;
- 5) социализм [1, с. 158].

При этом второй, третий и пятый уклады считались основными, соответственно первый и четвертый – не основными¹. Главным, ведущим укладом признавался, естественно, социалистический уклад².

¹ «Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм». Им соответствуют и три «основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат» [2, с. 272].

² «Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или

Нетрудно видеть, что в основе ленинской классификации общественно-экономических укладов лежат два разных критерия. Первый – характер экономических связей, присущих определенному общественному хозяйству (натуральное и мелкое товарное производство). Второй – тип и форма собственности на условия и результаты производства (частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм, социализм). Такая трактовка многоукладности, с одной стороны, отображала специфические особенности переходной экономики России. С другой – осознанно или неосознанно ставила в один ряд категории качественно различного порядка (в ней отождествлялись, по существу, во-первых, такие понятия, как «уклад», «хозяйство», «производство», «формация»; во-вторых, типы общественно-экономических укладов и формы их проявления). Тем не менее ленинская концепция многоукладной экономики стала общепризнанной и была возведена в ранг официальной доктрины.

Вместе с тем уже в ходе дискуссии конца 20-х – начала 30-х годов XX в. отдельные обществоведы предприняли попытку (к сожалению, неудачную) переосмысления не только марксистской периодизации исторического процесса вообще, но и ленинской схемы общественно-экономических укладов в частности. Так, С.М. Дубровский, комментируя известное высказывание К. Маркса из Предисловия к работе «К критике политической экономии», отмечал: «Для каждого ясно, что здесь Маркс пишет лишь только в “общих чертах”. Он вовсе не исчерпывает всех способов производства и всех хозяйственных укладов» [3, с. 16].

Отождествляя понятия «способ производства» и «хозяйственный уклад», С.М. Дубровский далее утверждал, что «Маркс написал о способах производства и хозяйственных укладах не только три строчки. На основании точного смысла всего написанного Марксом, Энгельсом, Лениным, на основании выработанного ими метода можно говорить, по крайней мере, о десяти способах производства, о десяти укладах» [3, с. 19]. К ним он относил: хозяйство первобытного общества, патриархальное (натуральное) хозяйство, рабовладельческое хозяйство, феодальное хозяйство, крепостное хозяйство, хозяйство мелких производителей, капиталистическое хозяйство, хозяйство переходной экономики от капитализма к социализму – эпохи диктатуры пролетариата, социалистическое хозяйство, хозяйство эпохи мирового коммунизма

свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; – или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым коммунизмом» [2, с. 271].

[3, с. 17–18]. При этом автор полагал, что только три последних уклада являются обязательными для всех народов³.

Как видим, приведенные высказывания искажают суть формационного членения исторического процесса. Кроме того, в них довольно произвольно интерпретируются взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, касающиеся используемой ими терминологии. Получалось, что будто бы основоположники марксизма употребляли в своих работах понятие «хозяйственный уклад» в строго категориальном аспекте. В действительности же они никогда не использовали это понятие в таком аспекте. Очевидно, на позицию автора решающее влияние оказала ленинская концепция, симпатию к которой он никогда не скрывал.

Не случайно, что социально-экономические воззрения С.М. Дубровского были подвергнуты исключительно резкой критике⁴. Правда, некоторые критики в пылу острой полемики, сами порой того не замечая, занимали не менее ошибочную позицию, как и критикуемый ими автор. В частности, А.Г. Пригожин в своей статье «Проблема общественных формаций (ответ С.М. Дубровскому)» отмечал, что в соответствии с принципом историзма как одним из важнейших признаков марксистской методологии истории и решающем моменте формационной теории каждая «...формация наследует остатки предыдущих способов производства и формаций, принявших, благодаря потере способом производства своего господствующего положения, характер уклада; формация выделяет затем новый способ производства, который в дальнейшем развитии станет господствующим способом производства, и таким образом формация превращается в своем развитии в уклад для будущей формации... Так выглядит зависимость между формацией и укладом при историческом развитии» [5, с. 162].

Если перевести столь длинное рассуждение, не имеющее ничего общего с марксистской методологией и теорией исторического про-

³ «Разумеется, все общественные уклады, кроме последних трех, отнюдь не обязательны для всех народов. Не приходится доказывать здесь основное положение марксизма и ленинизма, что вполне возможен переход от одной общественной формации к другой, минуя промежуточные» [3, с. 16].

⁴ «...“Открытие”, произведенное т. Дубровским, является плодом как неверного понимания основных признаков, по которым Маркс определяет специфические черты общественно-экономической формации, и, в частности, непонимания замечаний Маркса о сущности феодализма (наряду с ним С.М. Дубровский выделял и крепостничество как особую формацию – Н.С.), так и прямого насилия над фактическим историческим процессом» [4, с. 45]. «У кого же взял эти 10 формаций т. Дубровский? Действительно ли у Маркса, Энгельса, Ленина или же у кого-либо другого? Оказывается, что т. Дубровский взял эти 10 формаций ни более, ни менее как у Богданова, против которого он сам обрушивается за неправильное понимание феодализма. Достаточно сравнить схему Богданова со схемой т. Дубровского, чтобы в этом вопросе не осталось никакого сомнения» [5, с. 166].

цесса, на простой человеческий язык, то получится следующее утверждение: в каждую исторически определенную эпоху в обществе складывается такая ситуация, при которой старая формация, в силу утраты существующим способом производства своего господствующего положения, превращается в уклад. Но в то же время она (старая формация) выделяет из себя для будущей формации соответствующий ей новый способ производства, который должен стать господствующим способом производства, а новая формация – действительной, реальной формацией. Последняя таким образом наследует одновременно остатки и старого способа производства, и старой формации, ставшей к этому времени простым укладом.

Диалектика становления новой формации однако совершенно иная. Дело в том, что в недрах старой формации, а стало быть, и старого способа производства формируется сначала новый уклад, который сосуществует со старыми укладами, в том числе и ведущим. Утрата последним своего господствующего положения означает, что новый уклад становится доминирующим, наряду с которым возникают и другие новые уклады. Взаимодействие между вновь возникшими укладами ведет к образованию, соответственно, нового способа производства и новой формации. Но при этом старая формация отнюдь не превращается в обычный уклад, поскольку, во-первых, эти социально-экономические образования всегда сохраняют присущую им специфическую определенность, характеризующуюся своими отличительными чертами; во-вторых, в реальном историческом процессе ничего подобного никогда не происходило. Старая формация просто уступала свое место новой формации, представляющей собой качественно особую ступень данного процесса. Поэтому трактовка А.Г. Пригожиным взаимосвязи формаций, способов производства и укладов также не соответствует действительности, как и критикуемая им историческая схема С.М. Дубровского.

В целом прошедшая дискуссия не внесла сколько-нибудь существенных изменений или, по крайней мере, уточнений в ленинскую концепцию многоукладной экономики. Единственное, пожалуй, новшество заключалось в том, что эту концепцию пытались «втиснуть» в общую схему формационной теории. Подобная попытка, однако, не увенчалась успехом. Более того, кроме терминологической путаницы (в трактовке многоукладности) ничего другого из нее извлечь не удалось.

В последующий период, начиная с первой половины 1950-х годов, ленинская концепция экономических укладов прочно вошла в учебники и учебные пособия по политической экономии и истории (а чуть позже, с середины 1960-х годов, – в аналогичные издания по научному коммунизму). То же самое характерно и для монографической литературы (экономической, исторической и социально-философской),

где данная концепция использовалась в качестве методологического инструмента исследования многоукладной экономики. При этом общепризнанными считались два главных теоретических постулата: 1) многоукладность – это специфическая черта экономики переходного перехода; 2) в современных условиях многоукладная экономика как таковая является неотъемлемым атрибутом большинства развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки [6, с. 217, 218].

Крайнюю ограниченность подобного теоретико-методологического подхода осознали прежде всего историки. В 1969 г. состоялась научная конференция (г. Свердловск), посвященная проблемам многоукладности экономики дореволюционной России⁵. На этой конференции обсуждался широкий круг вопросов, касающихся сущности экономического уклада, критериев классификации экономических укладов, особенностей их развития в капиталистической России, необходимости выработки целостной теории многоукладной экономики.

В этой связи были предложены различные концептуальные подходы к решению указанных вопросов. Так, В.В. Тимошенко обратила внимание на то, что историческая наука пока еще не располагает общепринятым понятием уклада, четкими критериями выделения типов хозяйств дореволюционной России. В этом контексте В.В. Тимошенко поставила под сомнение получившее распространение в обществоведческой литературе определение уклада, в котором за основной признак, отличающий один уклад от другого, берется форма собственности. По ее мнению, подобное определение не выдерживает никакой критики и с методологической, и с конкретно-исторической точек зрения. В качестве определяющего признака она предложила взять характеристику производственных отношений, присущих каждой форме общественного хозяйства, который дает ключ к выделению различных типов хозяйств и укладов.

Руководствуясь этим признаком, В.В. Тимошенко выделяла в дореволюционной России следующие уклады: крупнокапиталистический, или монополистический уклад (промышленные и банковские монополии), государственно-монополистический капитализм, немонополизированный или частнохозяйственный капитализм, полукрепостнические помещичьи латифундии, мелкое товарное производство и патриархальное, в значительной мере натуральное хозяйство [7, с. 6, 7, 9, 10]. Заметим, общеизвестную точку зрения развивали и другие авторы. В частности, Л.М. Горюшкин, воспроизводя концептуальные

⁵ Необходимо отметить, что это была последняя научная конференция по проблемам многоукладности экономики вообще, российской экономики дореволюционного периода в частности. В дальнейшем данное научное направление официально было признано теоретически несостоятельным и методологически ошибочным.

идеи дискуссии конца 1920-х – начала 1930-х годов, отмечал, что экономический уклад «отражает пережиточные или нарождающиеся отношения и подчинен способу производства» [8]. Такой подход воспроизводил, по существу, определение экономического уклада как системы производственных отношений, на основе которого была предпринята попытка расширить ленинскую схему классификации укладов. Поэтому он не содержал ничего принципиально нового в сравнении с ранее рассмотренными подходами, с характерными для них недостатками.

Иной, более развернутый подход к трактовке рассматриваемых вопросов предложил Ю.Н. Нетесин. Подобно другим участникам дискуссии, он подчеркивал, что «сегодня исследователь социально-экономических процессов располагает в лучшем случае приблизительным определением общественно-экономического уклада, но не имеет на вооружении главного – более или менее разработанной теории многоукладного общественного хозяйства вообще, капиталистического – в частности» [8, с. 47]. Излагая суть своего подхода, Ю.Н. Нетесин выдвинул следующие теоретические положения, которые, по его мнению, довольно адекватно отражают специфику многоукладного хозяйства России конца XIX – начала XX вв.

Во-первых, не существует абсолютно «чистых» в социально-экономическом смысле капиталистических систем. Вместе с тем следует, однако, различать по меньшей мере две их разновидности: а) условно – однородные хозяйственные системы, где некапиталистические (главным образом мелкотоварные) формы хозяйства постоянно порождаются и вытесняются капиталистическими. Но и те, и другие существуют и функционируют на основе зрелого капиталистического производства и воспроизводства; б) многоукладные капиталистические системы, в рамках которых докапиталистические и раннекапиталистические формы хозяйства порождаются определенным уровнем развития производительных сил отдельных районов и сфер общественного производства, совершающих благодаря этому воспроизводственный цикл на своей собственной основе. Если рассматривать их с точки зрения всемирно-исторических этапов развития капитализма (а не хронологически), то в этом случае «первые системы можно отнести к классу “старых” систем, где завершено “первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде”, а вторые – к классу “молодых” систем, где развитие капитализма осуществляется в рамках незавершенного “первого отрицания”, где, следовательно, соединены вместе чисто капиталистическое накопление и накопление первоначальное» [8, с. 48].

Во-вторых, социально-экономический уклад представляет собой составную часть исторически определенной экономической системы,

объединяющей однородные социально-экономические отношения и их материально-организационную основу. В этом контексте в структуре российского капитализма конца XIX – начала XX вв. можно выделить следующие общественно-экономические уклады: а) патриархально-родовой; б) феодально-крепостнический; в) мелкотоварный; г) капиталистический (в него включаются все операции, совершаемые «допотопными» формами капитала – торговым и ростовщическим). «Приблизительную картину многоукладной экономики можно получить, распределяя хозяйственные единицы по преобладанию в их операциях экономических отношений того или иного типа» » [8, с. 48].

В-третьих, многоукладная экономическая система иерархична по своему внутреннему строению. Это означает, что различные формы хозяйства располагаются в ней как бы на разных ярусах, в зависимости от уровня их экономической эффективности, удельного веса и места в материальном производстве. При этом ведущий, господствующий уклад охватывает ключевые сферы общественного хозяйства. Он наиболее значителен по масштабам производства. Именно поэтому данный уклад, благодаря своим внешним связям с другими формами хозяйства, придает единство «мозаичной действительности» многоукладной экономики, определяет социальную специфику всей хозяйственной системы в целом. В этом смысле российский капитализм выступал одновременно в двух ипостасях: и как собственно капитализм (т. е. совокупность отношений по способу производства и распределения прибавочной стоимости), и как конкретно-историческая многоукладная система капиталистического способа производства. «Таким образом, многоукладное общественное хозяйство России представляло собой строй капитализма, воплощенное господство капитала; это нисколько не противоречит тому, что внутри себя российский капитализм выступал как обособленная сфера экономических отношений, господствующий уклад, подчиняющий и преобразующий все докапиталистические образования в своем внутреннем строе» [8, с. 49].

В-четвертых, ведущий уклад капиталистической системы хозяйства неразрывно связан с другими формами антагонистических отношений, господства и подчинения, экономической эксплуатации. Осуществляя передел совокупного общественного продукта в свою пользу, данный уклад ускорял расширенное воспроизводство своих хозяйственных форм и в силу этого втискивал некапиталистические уклады в рамки простого и даже суженного (сокращенного, по терминологии автора) воспроизводства. При этом главную посредническую роль в отношениях капиталистического уклада с полунатуральной хозяйственной периферией играл торгово-ростовщический капитал. Последний, с одной стороны, разлагал старые хозяйственные формы, ускорял процесс первоначального накопления капитала; с другой сто-

роны, расширял и углублял товарный и денежный рынки, а также рынок труда и тем самым создал необходимые условия для развития капиталистического предпринимательства. Причем «относительная самостоятельность, мощь и распространение торгово-ростовщического капитала прямо пропорциональны масштабам и внутренней устойчивости докапиталистических хозяйственных отношений. Вот почему в условиях многоукладной экономики организация внутренней торговли принимает, как правило, вид купеческой монополии на местных рынках страны» [8, с. 49].

Заметим, указанные положения в целом не выходят за рамки традиционных представлений о структуре многоукладной экономики. Это касается и рассмотрения различных типов хозяйственных структур капиталистического способа производства, и определения общественно-экономического уклада как составной части исторически определенной экономической системы, и определения в иерархической структуре многоукладной экономики ведущего (господствующего) уклада, и выявления ключевой роли торгово-ростовщического капитала в дореволюционной экономике России. Все эти вопросы достаточно подробно освещались в исторической и экономической литературе 30–60-х годов XX в.

Неудивительно поэтому, что в методологическом плане, придерживаясь одной из вышеуказанных концепций, автор отождествлял общественно-экономический уклад с такими социальными образованиями, как форма общественного хозяйства и способ производства. Что же касается трактовки структуры многоукладного общественного хозяйства России конца XIX – начала XX вв., то она, по существу, опиралась и воспроизводила опять-таки основные концептуальные идеи, содержащиеся в ленинской схеме классификации укладов.

Наряду с отмеченными следует упомянуть также и общеметодологический подход к трактовке многоукладности как таковой, предложенный М.Я. Гефтером. По его мнению, многоукладность сама по себе охватывает не только собственно экономическую сферу, но и другие сферы общественной жизни⁶. В силу этого решение данной проблемы связано с определенными трудностями. Они обусловлены прежде всего общепризнанной теоретической парадигмой, не позволяющей

⁶ «Многоукладность мира столь интенсивно, а нередко и столь озадачивающе выражает себя сейчас, притом не только в собственно экономической сфере, но и в сфере политической, духовной, на попрание исторического действия, что это само по себе не может не привлечь внимание историка, для которого всегда, тем более если это историк-марксист, главным предметом исследования является генезис – происхождение и возникновение перемен, из которых складывается развитие общества. Нужно ли доказывать, что усложнение мировой истории XX в. требует и более сложных методов проникновения в ее генезис?» [8, с. 83].

устранить разрыв между накопленным материалом и его научным отображением. Имея в виду это обстоятельство, автор писал: «Нелишне, однако, напомнить себе, что вместе с концепцией Покровского наша историография “освободилась” в середине 30-х годов от проблемы целостности русского исторического процесса, а чисто формационная схема его дала зазоры, которые не удастся восполнить и по сей день (несмотря на примечательные сдвиги в работах последних лет)» [8, с. 85]. Согласно автору, эти зазоры можно устранить посредством концепции многоукладной экономики. Исходя из нее, он утверждал, что в любую историческую эпоху каждое общество неоднородно. Наряду с господствующим способом производства в нем существуют либо остатки прежних способов производства, либо зародыши будущих. Однако этим его социально-экономическая структура не исчерпывается. Дело в том, что «она включает в себя и превращенные, вторичные, смешанные формы (например, государственный капитализм), а также формы хозяйства и социальные связи, существующие внутри разных эпох, но во всех случаях сохраняющие общие черты (таково мелкотоварное производство)» [8, с. 86]. В этой связи автор поставил весьма важный, ключевой вопрос: как воспроизвести все многообразие данной структуры? Отвечая на него, он подчеркивал, что поскольку ее невозможно «втиснуть» в формационную схему, то на помощь приходит понятие уклада. «Эта категория, – пояснял автор, – в основе тождественная способу производства, вместе с тем наиболее наполнена конкретным содержанием, наиболее приспособлена к тому, чтобы отразить особенное – в отличие от “общего” и вместе с тем как форму (или одну из форм) становления и развития последнего» [8, с. 86]⁷. Подобный подход неизбежно ведет к признанию многоукладности,

⁷ Заметим, по мнению автора, между укладом и способом производства существует не только единство, но и различие. Последнее «отражает не столько разные стороны предмета, сколько разные уровни его. В способе производства привычно видеть стадию всемирно-исторического развития. Поэтому число “способов” не может не быть ограниченным, а в характеристику способа входит строгая и даже однозначная связь определенного типа социально-экономических отношений с определенным состоянием производительных сил – связь, исторически представленная первичными, классическими формами того или иного способа производства. Но превращение этих характеристик в некий стандарт, непосредственно накладываемый и на “неклассические” условия, противопоказано как истории, так и логике. Анализ воспроизведения данного способа производства, развития его вширь нуждается в особом понятийном аппарате. Причем это необходимо и в отношении ранних эпох, и еще больше применительно к поздним, поскольку эволюция человечества идет в целом от первобытного разнообразия одинакового – через последующее резкое расхождение темпов и типов развития – к многообразию единого» [8, с. 86].

характеризующей специфику конкретного общества на любом этапе его исторического развития⁸.

Такова, вкратце, суть рассматриваемого подхода. Безусловно, его автор прав, утверждая, что многоукладность представляет собой общесоциальный феномен, т. е. охватывает все сферы общественной жизни (в соответствии с тематикой проходившей дискуссии он сосредоточил, естественно, свое внимание на анализе специфики экономической многоукладности). Вместе с тем нельзя признать справедливой критику автором формационной теории, которая якобы не отражает все многообразие конкретного (социально-экономического) содержания того или иного общества. Как будет показано ниже, эта теория в том виде, в котором она была выработана основоположниками марксизма, никогда не претендовала на подобный статус. Ее предметом является исследование наиболее крупных ступеней исторического процесса, закономерной смены присущих ему способов производства. Это во-первых. Во-вторых, как уже отмечалось, основоположники марксизма не употребляли в строго категориальном аспекте понятие «уклад». Между тем необходимость использования данного термина становится очевидной с точки зрения дальнейшего развития самой формационной теории. Это позволит рассматривать способ производства как довольно сложное социально-экономическое образование, которое включает в свой состав различные уклады, в том числе и ведущий, господствующий уклад. В этом смысле концепция многоукладной экономики органически вписывается в формационную теорию.

Нельзя также согласиться с авторской трактовкой уклада как такового, являющейся одновременно и неверной, и противоречивой по существу. В самом деле, с одной стороны, автор вновь воспроизводит известную концепцию, согласно которой способ производства и уклад суть тождественные понятия. С другой стороны, он подчеркивал, что

⁸ «Но тогда и многоукладность это не просто “много укладов”. Специфику конкретного общества следует искать во взаимосвязи, взаимопроникновении и конфликте разных социально-экономических форм, в том числе тех, что не составляли ступень всемирного процесса или не играли в этом процессе той роли, какую играют они в региональном развитии. Поэтому и соотношение укладов в конкретных обществах отличается, порой весьма существенно, от соотношения, которое лежит в основе схемы формаций и обусловлено последовательностью смены их во всемирном процессе. Иначе какой смысл был бы говорить о типах общественной эволюции, понимая под этим не только национально-историческую окрашенность явления, имеющего в любых условиях одинаковую сущность, но и своеобразие самой сущности? А стало быть, и своеобразие конфликта, который не исчерпывается столкновением “чистого” нового со сплошным старым уже потому, что в нем участвует больше двух экономических и социальных сил, каждая из которых обладает – до известного предела – достаточной устойчивостью и весомостью, чтобы противостоять остальным» [8, с. 87].

эти понятия отображают не столько разные стороны предмета, сколько разные уровни его. Углубленное осмысление этой точки зрения неизбежно ведет к выводу о том, что первое понятие (способ производства) является более широким по своему содержанию, чем второе (уклад). К сожалению, автор не доходит до подобного понимания⁹.

Необходимо, однако, отметить, что в рамках предложенного им подхода затрагивается такой важный аспект многоукладности экономики, как ее региональная специфика. Именно этот аспект стал чрезвычайно привлекательным для многих исследователей. Не случайно появилось немало публикаций о социально-экономическом развитии стран третьего мира. На основе подробного анализа обширного фактического и статистического материала обосновывалось положение, согласно которому многоукладность есть неотъемлемый и существенный атрибут экономики этих стран. Вместе с тем следует подчеркнуть, что подобная трактовка не выходила в целом за рамки сложившихся политико-экономических представлений о многоукладности как переходном состоянии экономики¹⁰.

До начала 90-х годов такие представления преобладали в отечественном обществоведении. Теперь ситуация, как известно, совершенно иная. Тезис о многоукладности как отличительном признаке переходной экономики утратил статус официальной догмы. Более того, он был признан ошибочным¹¹. В литературе возобладал и получил широкое распространение другой тезис: не только переходная, но всякая «экономика всегда многоукладна, в ней смешиваются, взаимно переплетаются господствующая, преобладающая форма собственности (играющая роль “первой скрипки” в не всегда слаженном экономическом оркестре) с элементами преобладавших в прошлом и нарождающихся будущих укладов» [11, с. 77].

⁹ Наряду с указанными на конференции были предложены и другие концептуальные подходы к трактовке поставленной проблемы. Они изложены в ряде публикаций. (См.: Научная сессия по проблемам многоукладности российской экономики в период империализма; Научная сессия, посвященная проблемам многоукладности российской экономики в период империализма (Доклады). М., 1969; В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970 и др.).

¹⁰ «Многоукладность не только наполняет конкретным содержанием понятие “переходности”, но и проясняет суть и этапы переходного периода в развивающихся странах. В широком политико-экономическом значении такой переход охватывает время смены одной общественной формации другой, время подавления или приспособления к своим нуждам остатков умирающей формации. Следовательно, в этом смысле он заканчивается установлением экономического и политического господства одного класса и тем самым приобретением им иного качества» [9, с. 13].

¹¹ Следует вместе с тем отметить, что в отдельных публикациях данный тезис (с определенными оговорками) все же воспроизводится. (См., напр. [10, с. 424]).

Однако до сих пор остается весьма актуальной проблема общеметодологического характера. Речь в данном случае идет о критериях классификации укладов, их типов и соответствующих им форм. Пожалуй, чаще всего ее решение обычно связывают с выделением двух типов способа производства – технологического и экономического. Соответственно этому различаются технологические и экономические уклады. При этом технологические уклады классифицируются в зависимости от уровня развития производительных сил, господствующей технологии производства, форм его организации¹², а экономические – от ступени зрелости способа производства в целом [11, с. 53–97].

Как показано выше, чисто технологический подход является несостоятельным прежде всего потому, что он ведет к обособленному рассмотрению двух диалектически взаимосвязанных сторон способа производства, т. е. производительных сил и производственных отношений. В таком случае каждая из этих сторон обретает свой самостоятельный, независимый статус, что противоречит диалектико-материалистической теории способа производства. Сказанное в полной мере относится и к трактовке сущности и типов укладов, которые являются социально-экономическими по своей природе и никакими иными они быть не могут.

В этой связи весьма своеобразной представляется концепция, выдвинутая Ю.М. Осиповым. В ней дается довольно обстоятельный

¹² Наиболее аргументировано эту точку зрения развивает С.Ю. Глазьев. «Технологический уклад, – пишет он, – имеет сложную структуру. В соответствии с охарактеризованными выше закономерностями технологических изменений формирование технологического уклада начинается с внедрения соответствующего кластера базисных нововведений, диффузия которых сопровождается формированием базисных технологических совокупностей. Они формируют ядро нового технологического уклада. В результате распространения этих нововведений после соответствующих институциональных изменений и структурной перестройки экономики происходит повышение общего уровня эффективности производства по сравнению с тем, который считался нормальным в течение предшествующего этапа технико-экономического развития. Достигается это посредством расширения несущих производств, технологически сопряженных с ядром технологического уклада и передающих исходящие из него импульсы технологических изменений в окружающую социально-экономическую среду» [13, с. 95]. В соответствии с таким подходом автор выделяет пять технологических укладов в мировой экономике в течение последних трех столетий. По его мнению, ключевым фактором, предопределяющим формирование первого уклада, явилась механизация текстильной промышленности; второго – внедрение парового двигателя; третьего – широкое использование электродвигателей и бурное развитие электротехники; четвертого – развитие инфраструктуры в таких отраслях, как транспорт, связь, нефтедобыча, а также расширение производства в цветной металлургии; пятого – широкое распространение информационных и коммуникационных технологий» [13, с. 95–111]. Нетрудно видеть, что в рамках данного, чисто отраслевого подхода речь, по существу, идет о развитии технико-технологической базы материального производства.

анализ многоукладности. Исходя из ключевой значимости проблемы типологии способов хозяйства, он определяет многоукладность как хозяйственную структуру, отражающую множественность способов хозяйства. Причем, по его мнению, надо «различать многоукладность первую и многоукладность вторую, разумея под первой сосуществование различных способов хозяйства в одном хозяйственном пространстве, а под второй – сосуществование различных форм способа хозяйства в пространстве самого способа хозяйства» [12, с. 104]¹³.

Признавая наличие множественности критериев классификации способов хозяйства (укладов), автор тем не менее считает необходимым группировать их (способы хозяйства, или уклады) по дуальности (по противоположностям), основанной на различных критериях – признаках¹⁴. В этом контексте он выделяет следующие типы способов хозяйства (укладов): естественные (в них доминируют природные начала) и искусственные (в них ведущую роль играют неприродные начала), частнохозяйственные и общественнохозяйственные, государственные и негосударственные, индустриальные и неиндустриальные, вольной и принудительной организации, эксплуататорские и неэксплуататорские [13, с. 105]. Как видим, эта классификация базируется на технико-технологических и социально-экономических критериях, которые объединяются в одну группу.

¹³ В этой связи автор приводит следующий пример. «Так, в средневековую эпоху имели место (в рамках многоукладности второй) такие собственно феодальные уклады, как помещичий, монастырский, царский (королевский) и сочетающийся с ними “околофеодальный уклад” – крестьянский, но были также и нефеодальные уклады (в рамках многоукладности первой) – цеховой ремесленнический, купеческий и ростовщический, монастырский общинный, свободный крестьянский. Из данного примера видно, что многоукладность – обычное явление хозяйства, причем в обоих своих вариантах – как в первом, так и во втором» [13, с. 95–111]. Нетрудно видеть, что первая многоукладность базируется на социально-классовых различиях, а вторая – на различиях, присущих хозяйственной деятельности.

¹⁴ «Способов хозяйства... немалое множество. Их типология – серьезная научная проблема. В самом деле, как, на каких принципах, с помощью каких критериев качественно оценить и взаимно соотнести способы хозяйства? Решений типологической проблемы может быть много, во всяком случае, не одно. Можно выбрать один-единственный критерий и согласно ему логически взаиморасположить способы хозяйства; можно воспользоваться и рядом критериев, построив многокритериальную типологию. Можно ограничиться простым перечислением способов хозяйства, а можно попытаться составить из них сложную логическую систему (наподобие таблицы химических элементов Менделеева). Можно поступить по-разному. Мы же, исходя из потребности первичного познания предмета, поступим так: выберем из реальных признаков реальных способов хозяйства наиболее явные и характеристические признаки, по ним проведем дуальные (по противоположностям) группировки способов хозяйства, а затем построим общую типологическую схему на основании выбранного нами главного группировочного и системообразующего критерия» [13, с. 105].

Углубляя свой анализ, автор вновь подчеркивает, что существует множество критериев и принципов построения разных типологий. В этой связи возникает вопрос: какую типологию предпочесть? Согласно автору, при построении интересующей нас классификации центральное, ключевое место должно занять «самое сложное и адекватное современному развитому обществу хозяйство – экономическое хозяйство, и потому за главный типологический критерий нам нужно взять экономическое качество или, иначе, – экономичность способа хозяйства.

Так появляется деление на экономические и неэкономические, что то же самое – натуральные, способы хозяйства, а также и на “не-совсем-экономические”, или полужэкономические, способы хозяйства, которые можно определить как натурально-экономические. Последние являются способами смешанного, часто переходного, характера. Все известные истории способы хозяйства попадают в три указанные типовые группы, образуя в целом некоторую типологическую схему – систему» [13, с. 125]. Однако здесь возникает другой вопрос: как определить конкретные способы хозяйства (уклады), которые должны войти в классификационную структуру? По мнению автора, трудность его решения связана с выделением реально существующих (или несуществующих) самих способов хозяйства (укладов). Исходя из теории хозяйства, он полагает, что главным критерием такого выделения является хозяйственная собственность, дающая возможность вести хозяйствование и характеризующая, с одной стороны, собственность на силы и факторы («вещи»), а с другой – собственность на деятельность («функцию») [13, с. 58]. Она обуславливает и характер основного хозяйствующего субъекта, и основное хозяйственное отношение, и основной способ хозяйствования, и характер хозяйственного воспроизводства [13, с. 125–126]. Руководствуясь указанными критериями, автор выделяет, во-первых, неэкономические (натуральные) способы хозяйства (уклады), т. е. общинную организацию, простой общинный, сложный общинный, крестьянско-общинный, владельческий, рабовладельческий, феодально-крестьянский, деспотический; во-вторых, экономические способы хозяйства (уклады), т. е. простой экономический, корпорационный, рыночный, капиталистический (подразделяющийся, в свою очередь, на ранний, простой и свободный; средний, сложный и корпорационно-государственный; поздний, очень сложный и либерально-социализированный); в-третьих, смешанные (натурально-экономические) способы хозяйства (уклады), т. е. переходный, плано-административный [13, с. 126–158].

Предложенная автором классификация типов способов хозяйства (укладов), несомненно, заслуживает пристального внимания. Она довольно обширна, отражает динамику и специфику хозяйственного развития общества в историческом, генетическом, структурном и функциональном аспектах. Вместе с тем ей присущи и весьма серьезные

недостатки. Во-первых, нельзя согласиться с отождествлением способа хозяйства (производства) с укладом, т. е. с его структурообразующим элементом, о чем говорилось выше. Во-вторых, вызывает возражение используемая автором терминология, в соответствии с которой резко противопоставляются друг другу неэкономические и экономические способы хозяйства (уклады), поскольку они всегда являются экономическими и никакими иными быть не могут, о чем также говорилось выше. В-третьих, избранные критерии классификации типов способов хозяйства (укладов) качественно различны (первый характеризует их общеэкономическую природу, т. е. форму связи между производством и потреблением, а второй – правовую (юридическую) и экономическую природу, т. е. социальный характер принадлежности условий и результатов производства и специфическую форму экономической реализации этих условий и результатов), на основе механического объединения которых ставятся в один ряд, например, общинный (во всех его модификациях) и рабовладельческий способы хозяйства (уклады); бесспорно, в них доминировали натурально-хозяйственные отношения, но это все-таки разные способы хозяйства (уклады); социальная грань, разделяющая их, весьма существенна. Наконец, в-четвертых, поставленная проблема необходимости различения типов и форм способов хозяйства (укладов) оказалась нерешенной, поскольку они, по существу, отождествляются.

Между тем решение этой проблемы, на наш взгляд, дает ключ к исследованию многоукладности экономики, социальной природы экономических укладов, присущих им типов и форм¹⁵. В соответствии с вышеуказанным критерием мы понимаем под типом экономического уклада исторически определенную ступень развития данного уклада и его структурных элементов, а под формой – внешнее проявление внутренней взаимосвязи этих элементов, взаимодействия в общественном процессе труда, специфический характер которых предопределяется типом и формой собственности на факторы и результаты производства [14, с. 56]¹⁶.

¹⁵ Идея о необходимости четкого разграничения понятий типа и формы уклада была впервые высказана автором в статье «Многоукладность как фактор экономического развития общества» (См.: Социокультурная динамика в период становления постиндустриального общества: закономерности, противоречия, приоритеты. Материалы к III Международной Кондратьевской конференции. Кострома, 19–21 мая 1998 г. М., 1998. С. 291–292).

¹⁶ Напомним, наряду с собственностью, к числу этих структурных элементов относятся факторы труда, производительные силы, производственные отношения, разделение труда и кооперация труда. Только при их совокупном взаимодействии можно говорить об укладе, его типах и формах. В этой связи Л.В. Никифоров совершенно справедливо подчеркивает, что «возникновение социально-экономического уклада (сектора) не может обеспечить только та или иная форма собственности, необходимо, чтобы потенциал производственной или хозяйственной ниши, или

Многообразие типов и форм собственности обуславливает, соответственно, многообразие типов и форм экономических укладов. При этом среди последних, как уже отмечалось, всегда выделяется ведущий, господствующий уклад. Он базируется на отношении собственников условий производства и непосредственных производителей и в силу этого определяет социальную природу господствующего способа производства и общественного строя в целом. «Непосредственное отношение собственников условий производства – отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует ступени развития способа труда (выделено нами – Н.С.), а потому и общественной производительной силе последнего – вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя...» [15, с. 354]. В таком контексте можно выделить позднее-общинный, государственно-деспотический, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, государственный и монополистический уклады. Наряду с ними существовали также и соподчиненные им уклады, имевшие свою отличительную специфику (крестьянско-общинный, частноиндивидуальный и т. п. уклады).

Что же касается формы укладов, то посредством нее осуществлялось их движение, разрешение присущих им противоречий, возникавших в процессе осуществления социально-трудовой деятельности. В соответствии с этим процессом исторически сложились три формы укладов: натуральная, товарная, смешанная¹⁷. Действительное место, функциональная роль и ключевая значимость той или иной формы уклада предопределялась, в конечном счете, типом господствующего уклада, социальной природой господствующего способа производства в целом.

Думается, такое понимание многоукладности экономики позволяет преодолеть ее противоречивую трактовку, которая имеет место в экономической, исторической и социально-философской литературе. Кроме того, и это, пожалуй, главное, она позволяет также по-новому осмыслить логику историко-экономического процесса, выявить специфические особенности укладов на каждой ступени данного процесса, глубже понять суть социально-экономических преобразований, происходящих не только в нашей стране, но и в рамках мирового сообщества.

ресурсов, на котором она основывается, был достаточен для развития относительно целостного воспроизводимого блока (системы) отношений и связей, обладающего рядом специфических черт».

¹⁷ В этой связи необходимо отметить, что в «чистом» виде ни первая, ни вторая форма укладов в действительности никогда не существовали (за исключением, пожалуй, начальной стадии становления общества). Они взаимно переплетались, образуя смешанную форму. Поэтому можно говорить о преобладании той или иной формы уклада на определенной исторической ступени общества. Так, в докапиталистических системах доминировала натуральная форма укладов, тогда как при капитализме господствующей становится товарная форма.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 296; Т. 43.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39.
3. Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929.
4. Малышев А. О феодализме и крепостничестве //Историк-марксист. М., 1930. № 15.
5. Пригожин А. Проблемы общественных формаций (ответ С.М. Дубровскому) // Под знаменем марксизма. М., 1930. № 7–8.
6. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. М., 1980.
7. Тимошенко В.В. Проблема многоукладности российской экономики в советской экономической литературе / Научная сессия по проблемам многоукладности российской экономики в период империализма (тезисы сообщений). Свердловск, 1969.
8. Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности / Отв. ред. В.В. Адамов. Свердловск, 1972.
9. Левковский А.И. Третий мир в современном мире. М., 1970.
10. Курс экономической теории / Под ред. А.В. Сидоровича. М., 1997.
11. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1995.
12. Осипов Ю.М. Теория хозяйства. Т. 1. М., 1995.
13. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.
14. Смешанное общество: Российский вариант. М., 1999.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II.

N.V. SYCHEV

doctor habilitatus in economics, professor, leading research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
vestnik-ieran@inbox.ru

TYPES AND FORMS OF ECONOMIC WAYS OF LIFE: THE LOGIC OF THEORETICAL REPRESENTATIONS DEVELOPMENT

The paper distinguishes the Lenin concept of multistructure economy, positive results of the discussions devoted to a perspective of multistructure economy are revealed, conceptual approaches to interpretation of types and forms of economic ways of life are analyzed, the author's position on the matter is stated.

Keywords: economic ways of life, multistructure of the economy, formational approach, formation and economic way, technological and economic ways, types and forms of economic ways.

JEL: O10.

В.В. РЫШКУС

кандидат экономических наук, Российский государственный
торгово-экономический университет

О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «УКЛАД»

В статье рассматриваются актуальные и дискуссионные аспекты понятий «уклад» и «экономический уклад», а также специфика деятельности, формирующей уклад и раскрывающей его сущность, выявляется роль отчуждения, разрушающего уклад.

Ключевые слова: уклад, экономический уклад, общественный труд, развитие экономики, производство, целесообразная деятельность, отчуждение, человеческий потенциал.

JEL: E230, E240, O110, O150.

В понятии «уклад» заложены явления и процессы, раскрывающие его сущность, позволяющие понять причины его появления в национальной мысли. Соотнесение понятия «уклад» с другими понятиями экономической науки позволяет охарактеризовать его место в развитии экономики, оценить изменения, происходящие с укладом по мере этого развития.

На наш взгляд, особого рассмотрения заслуживает аспект, связанный с причинами обращения к понятию «уклад» в русской мысли, а также с тем, как национальные особенности России выражены в этом понятии¹. В условиях обострившихся противоречий между Россией и Западом все более осознается необходимость выбора своей национальной стратегии социально-экономического развития, поэтому обозначенные вопросы становятся особенно актуальными.

Опубликованная в журнале «Вестник Института экономики Российской Академии наук» статья о структуре экономического уклада содержит важные дискуссионные аспекты [1, с. 45–57]. Изучая природу общества, динамику общественного развития, автор статьи, проф. Н.В. Сычев, обратился к специфическому понятию «уклад». Им предложена методология изучения динамики экономического развития через анализ изменений, происходящих в укладе как материальной основе жизни общества, связанной с общественным трудом.

¹ Характерно, что понятие «уклад» сформировалось в России и употребляется только в русском языке. «Слово «уклад» используется только в русском языке, и прямых аналогов этому слову нет» [2, с. 39].

Проф. Н.В. Сычев связывает понятие «уклад» со специфической деятельностью, с общественным трудом. Он дает определение экономическому укладу как «исторически определенной системе социально-трудовой деятельности (общественного труда), которая складывается в рамках конкретного способа производства на основе присущих ему форм собственности» [3, с. 21]. Это позволяет автору рассматривать понятие «экономический уклад» в рамках категориального аппарата экономической науки, соотнося его с понятиями «способ производства», «собственность» и т.д. Чтобы говорить о сущности понятия «уклад», необходимо обратиться к его русскому происхождению. В этом помогает проведенное проф. Н.В. Сычевым историко-аналитическое исследование генезиса понятия «уклад»².

В статье проф. Н.В. Сычева отмечено, что народники не пытались выделить понятие «уклад» в отдельную экономическую категорию и часто употребляли его с другими понятиями, такими как «форма хозяйствования», «хозяйственный быт». Следует сказать, что народники, в силу специфики своих взглядов, в принципе не могли заниматься развитием экономической науки, которое прежде всего было связано с англосаксонской, западной традицией. Более того, традиционная жизнь русского народа, описываемая народниками через понятие «уклад», не могла быть охарактеризована языком экономической науки.

Так чем все-таки является уклад и как определяется его сущность? Как отмечает проф. Н.В. Сычев, сущность уклада выражена в специфически общественной деятельности. Однако остаются не до конца изученными как особенности самой деятельности, так и специфика формирования ею уклада. Когда говорят об укладе, то невольно задумываешься, о чем сейчас пойдет речь: об экономике (экономический уклад), о технологиях (технологический уклад), о жизни людей или о чем-то еще.

Русский мыслитель С.Н. Булгаков, описывая особенности жизни русского народа в отличие от европейских наций, использовал понятие «уклад жизни» [4, с. 383]. Понятие «уклад жизни» характеризует

² Понятие «уклад» появилось в научной литературе во второй половине XIX в. в связи с обсуждением перспектив социально-экономического развития России [3, с. 7]. В то время видными общественными идеологами были народники, ориентированные на сохранение национальной традиции, духовной связи с предками («хождение в народ»). Они выступали за невмешательство в традиционную жизнь русского народа, за сохранение ее основ в противовес либерально настроенным западникам. В работах славянофилов и почвенников, описывающих особый, отличный от западноевропейских стран путь России, встречаются такие выражения, как «хозяйственный уклад», «семейный уклад», «духовно-нравственный уклад», «традиционный национальный уклад», которые по своей сути характеризуют особенности жизни русского народа в то время.

определенную специфику жизни и деятельности людей, в результате чего эта специфика может быть названа укладом. В сочетании со словом «жизнь» понятие «уклад» перестает быть абстрактным, характеризуя реальные процессы жизни людей, формирующие сам уклад. По выражению другого русского философа, А.Ф. Лосева, славянофилы описали «исторический уклад русской земли» [5, с. 85–65]. Действительно, традиционная жизнь русского народа связана с жизнью на земле и эта жизнь является частью исторической памяти народа, продолжающего жить такой жизнью. Особенности жизни русского народа, которые исторически формировали уклад жизни, лежат у истоков происхождения понятия «уклад».

Если быть более точным, то сущность уклада связана с особенностями традиционно русской земельной общины. В сути спора западников и народников об упразднении или сохранении русской общины, на первый взгляд кажущегося идеологическим, лежит вопрос о характере деятельности человека в укладе. Западники воспринимали эту деятельность с точки зрения экономической целесообразности и эффективности, а потому видели в ней причины торможения развития экономики страны. Народники, в свою очередь, выступали за сохранение традиционного уклада жизни. Что же такое специфичное было в жизни народа, что они хотели сохранить, и почему? Понятие «уклад» должно помочь в поиске ответа на этот вопрос.

В связи с вопросом о сущности уклада примечательна переписка русской революционерки Веры Засулич и Карла Маркса о русской общине. К. Маркс занимался анализом капиталистического способа производства, в результате чего обосновал «историческую неизбежность» экспроприации земледельцев в западноевропейских странах. К. Марксу было трудно ответить на вопрос В. Засулич о перспективах русской общины. Анализ, которым он занимался, не дал ему «доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины». К. Маркс, по сути, столкнулся с новым для себя явлением: «Так как земля никогда не была частной собственностью русских крестьян, то каким образом может быть к ним применено это теоретическое обобщение?» [6, с. 400]. В результате проведенных «специальных изысканий» К. Маркс написал В. Засулич, что Россия является единственной в мире страной, в которой «земледельческая община» сохранилась в «национальном масштабе». Он отметил, что существование русской общины обусловлено отсутствием частной собственности на землю и это, в свою очередь, предопределяет специфику отношений между людьми, живущими одним родом, одной общиной, в особом единстве друг с другом. Известно, что русская община связана с коллективным, общинным, земледельческим характером деятельности людей. К. Маркс заключил, что России нет необходимости проходить про-

тиворечащий ее общественным условиям путь западных экономик и «община является точкой опоры социального возрождения России» [7, с. 251].

Материальное начало уклада, деятельность человека, определяет сущность общества. Это начало формирует общественные отношения, структуру потребностей людей, особенности их жизни. В статье проф. Н.В. Сычева таким материальным основанием является труд, сущностная основа производства, «общественно-историческая деятельность, направленная на создание материальных и нематериальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения потребностей людей» [3, с. 20]. Есть ли различия между общественным трудом и деятельностью, присущей тому или иному укладу жизни? Насколько общественный труд по сути может формировать уклад жизни?

Характер деятельности человека определяется ее целесообразностью, связанной с изменением предметов с помощью орудий и получением продуктов деятельности. Для развитой экономики целесообразно развивать производство, приносящее максимальную прибыль за счет повышения производительности труда и минимизации издержек. В обществе с развитой экономикой товарно-денежные отношения играют ключевую роль, а потому и все прочие отношения между людьми, в т.ч. в семье, между поколениями, подчинены этим приоритетным отношениям.

В свою очередь уклад жизни включает деятельность, целесообразность которой связана с развитием самого человека в единстве со своей общиной, со своими предками, со своей семьей. Такое развитие соответствует природе человека как семейно-родового существа. В «Капитале» К. Маркса встречается понятие «уклад» в выражении «общинный уклад жизни». К. Маркс охарактеризовал уклад как «естественнородовые связи с другими людьми», существующие в условиях низкой производительности [8, с. 89]. Развитие человека в укладе жизни связано с единством человека и природы. По этой причине в русской общине не возникало экологических проблем. Целесообразность деятельности в укладе жизни направлена и на продолжение рода, на обеспечение преемственности поколений. В русской общине не было и демографических проблем. Для нее исторически были характерны трёхпоколенные семьи. Это также служило цели развития человека, укреплению духовных скреп между поколениями.

Представление о развитии экономики как двигателе общественного прогресса связано с иным пониманием природы человека. Это понимание уходит корнями в англосаксонскую традицию, в которой А. Смит охарактеризовал природу человека как «склонность к торговле, к обмену одного предмета на другой» [9, с. 76]. Природе человека, по его мнению, присущи своекорыстный интерес, забота о своей

«жизни и здоровом состоянии тела», получение пользы для самого себя («мы должны избегать всего, что может причинить нам вред») через удовлетворение базовых потребностей в питании, тепле, удовольствиях. А. Смит заключил, что без страстей человека, без склонности к роскоши и улучшениям удобств жизни не были бы возможны общественный прогресс, развитие промышленности и торговли.

В России исторически складывались иные представления о жизни человека, поскольку характер деятельности человека был преимущественно общинным, а жизнь людей происходила на земле. Так, если сравнить развитие Англии и России в исторической ретроспективе, то можно отметить, что уже в XVIII в. английская экономика бурно развивалась, наблюдался рост промышленного производства и отток жителей из деревень в города, происходило общественное разделение труда. Это способствовало формированию отношений между людьми как членами гражданского общества, основанных на взаимных выгодах, а потому отчужденных друг от друга. В то же время в России и сегодня экономически развитые регионы существуют вместе с регионами, нерентабельными с точки зрения экономики, но где еще есть очаги народной жизни с сохранившимся традиционным укладом. Это связано прежде всего, с тем, что в России в течение длительного периода времени существовал свой особый уклад жизни, который и определял специфику жизни значительной части страны. Представления об укладе не ушли из исторической памяти русского народа (как это стремительно произошло в истории Англии), а потому он все еще сохраняется в жизни части представителей современных поколений.

Целесообразность деятельности в укладе связана с такими процессами, как строительство дома с целью создания семьи, рождения и воспитания детей, одомашнивание животных, выведение культурных растений, выращивание урожая. Такая целесообразность соответствует развитию человека как семейно-родового существа. В отношении уклада жизни сложно применить экономическое понятие производительности, поскольку целесообразность в нем определяется не высокой или низкой производительностью, а иными принципами, связанными с развитием человека, накоплением человеческого потенциала. Для традиционно русского уклада жизни характерно получение продуктов труда только для собственных нужд и в том объеме, который необходим для внутреннего потребления семьи или общины [10, с. 165]. Вместе с тем существующий в общине товарно-денежный обмен представляет собой «нерыночный» экономический оборот, основанный на принципе «необходимой достаточности». Такой обмен имеет место, например, в случае получения излишка продукта в урожайный год или при увеличении количественного состава семьи.

В общине повышение производительности может иметь место в случае совершенствования ее членами навыков в тех или иных видах целесообразной деятельности. Это высвобождает время для занятий другими видами целесообразной деятельности, но при этом не ведёт к специализации, появлению отдельных занятий, в которых человек стремился бы улучшать навыки для повышения производительности. Для семьи, живущей укладом жизни, характерно разнообразие, многосторонность целесообразных видов деятельности, которыми занимаются ее члены. В свою очередь для производства характерны снижение затрат времени и издержек на получение единицы изготавливаемой продукции, экономия затрат, в т.ч. человеческих ресурсов.

Развитие человека в укладе проявляется не в продукте, который он фактически создает, а в процессе, в результате которого тот или иной продукт создается. Уже при создании орудия человек мыслит, размышляет, определенным образом развивается. В экономике производство становится для человека средством, инструментом удовлетворения, по сути, внешних потребностей. И в силу своей специфики не может быть осознано человеком как главная, базовая потребность, а связано с удовлетворением иных базовых потребностей.

В общине целесообразная деятельность сама воспринимается как потребность, удовлетворение которой соответствует природе человека как семейно-родового существа. Целесообразная деятельность в укладе жизни связана с продолжением рода. В связи с этим член семьи или общины, занимаясь симбиозом разнообразных видов целесообразной деятельности, думает не только о сегодняшнем результате, но и о будущем, о том, насколько совершаемые им действия, опосредованные его природой, принесут соответствующие плоды через какое-то время. Он совершает эти действия полностью, от идеи до потребления конечного продукта, а потому заинтересован в качестве совершаемых им действий.

В развитой экономике человек отчуждается как от производимого продукта, так и от других людей. Более того, он отчуждается от своей семьи и от своего рода. Утрачивается потребность в сохранении традиции, духовной связи с предками. Человек тем самым отчуждается от своей действительной природы, от себя самого. Так происходит разрушение уклада жизни, образование новых форм, противоречащих природе человека как семейно-родового существа. Это отчуждение не иллюзорно, а вполне реально. Оно выливается в экологические и демографические проблемы, в однополые браки, которые характерны сегодня для стран с развитой экономикой. Примеры этих стран показывают, как развитие экономики, кажущееся благотворным для некоего виртуального качества жизни людей, оказывается, по сути, губительным для самой жизни, для уклада жизни,

разрушающегося по мере развития экономики³. Социально-экономические процессы в странах с развитой экономикой показывают, что традиционный российский уклад жизни в них существовать не может. Поэтому, с точки зрения экономического подхода, такой уклад жизни становится «учреждением старины, несовместимым с капитализмом, задерживающим его развитие» [12, с. 509].

Разнообразие живых предметов деятельности в общине влияет на развитие мышления человека, формирует чувственно-созерцательное восприятие, опосредованное характером целесообразной деятельности. Функции сознания рождаются в этой деятельности, «вплетены в нее, поэтому они развивают духовный мир человека, а не ограничивают его абстрактными догмами» [13, с. 86].

Общинный жизненный уклад народа препятствует возникновению экологических, демографических проблем, связанных с созданием семьи и воспитанием детей [14, с. 125]. Разделение разнообразной целесообразной деятельности, формирующей общинный уклад, на специальности, профессии, нарушает присущую укладу целостность, изменяя саму целесообразность деятельности. Фактически это приводит к трансформации общественных отношений, отношений человека к природе, к человеческому роду, к разрушению самого уклада. Целесообразность деятельности в общинном укладе доказывает ее принципиальное отличие от целесообразности производственной деятельности, в первую очередь по характеру воздействия на развитие человека.

Интересное наблюдение сделано проф. Н.В. Сычевым в отношении этимологии понятия «уклад». Понятие «уклад» сопряжено с глаголом «укладывать», класть в известном порядке, уложить, убрать в одно место. Действительно, в укладе заключён, как бы «цельно уложен» определенный характер жизни семьи, общины, связанный с жизнью в единстве с родом. В связи с этим в понятии «экономический уклад» прослеживается противоречие, связанной с природой экономики, являющейся глобальной, расширяющейся, агрессивной, развивающейся, минуя государственные границы. Современные глобальные процессы показывают, что экономика не может быть уложена в рамках отдельно взятой территории, а наоборот, имеет тенденцию к распространению на новые территории. По сути, за глобализацией экономики стоит распространение отчуждения на новые территории. Дополнить этимологию понятия «уклад» может скорее слово «лад», угадываемое в его корне. В общинном укладе человек живет в един-

³ Так, А. Гринспен рассуждает о проблеме выхода целого поколения работников США на пенсию: «Вступающей в трудовую жизнь молодежи слишком мало, чтобы заместить их, а нехватка квалифицированной рабочей силы просто катастрофическая» [11, с. 390].

стве, в ладу с семьей, народом, с природой как биологической средой, и со своей собственной природой – семейно-родовой.

В природе производства заключено отчуждение человека от себя самого, не соответствующее природе человека как семейно-родового существа. Производство скорее изводит человека, растрчивает жизненную энергию, человеческий потенциал, а целесообразная деятельность в укладе накапливает человеческий потенциал, развивает человека. На наш взгляд, вопрос о сущности уклада не может быть сведён ни к какому иному смыслу, нежели к тому, который связан с сохранением традиционно русского уклада жизни. Как ни тривиально это звучит, но только в таком укладе человек и становится человеком.

Общественная природа производительных сил обусловлена их непрерывным прогрессом, связанным в первую очередь с возможностями человека, природными ресурсами [1, с. 53]. По сути, накопление человеком возможностей для реализации собственного потенциала является критерием его развития, показателем того, что в ходе своей целесообразной деятельности он эти возможности накапливает. Производство лишь расходует потенциал человека на цели экономического прогресса: принципы экономии затрат и роста производительности противоречат укладу жизни, а потому их проникновение в жизнь человека ведёт к разрушению уклада, сначала тормозя, а потом и вовсе прекращая процесс накопления потенциала.

Природа производства связана с возникновением демографических, экологических, духовно-нравственных проблем. Это говорит о том, что возможности человека истощаются, но не восстанавливаются. Происходит не формирование нового, так называемого экономического уклада, а разрушение уклада жизни.

К. Марксу было сложно ответить на вопрос В. Засулич о судьбе русской общины, которая продолжала своё существование, в то время как в западноевропейских странах произошла утрата жизненных укладов народов. Уклад жизни связан с деятельностью на земле, что до недавнего времени было характерно для большинства жителей нашей страны. Во многом сохранившийся на территориях России уклад жизни народа связан с природно-географической спецификой средней полосы нашей страны. Эту специфику определяет максимально изменчивый природно-климатический фактор, влияющий на широту мировосприятия человека, имеющего дело в ходе целесообразной деятельности с «постоянным сравнением предметов, представляемых целым миром» [15, с. 280].

Вопрос о сущности уклада – это вопрос судьбы России, сбережения народа. Он вскрывает новые пласты вопросов, связанных с другими понятиями, также имеющими русское происхождение и нигде более, как в русском языке, не употребляемыми.

Литература

1. Сычев Н. Структура экономического уклада (дискуссионные аспекты) // Вестник Института экономики РАН. 2014. № 3.
2. Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2009.
3. Сычёв Н. Экономический уклад: к вопросам трактовки // Вестник Института экономики РАН. 2013. № 3.
4. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2009. С. 383.
5. Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 85–86.
6. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 19.
7. Маркс К. Письмо В.И. Засулич / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 19.
8. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
10. Акимов Н.И. Политическая экономия современного способа производства. Книга 5. Политическая экономия в широком смысле (предыстория социально-экономического развития человека). М., 2008.
11. Гринспен А. Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. 3-е изд. М., 2010.
12. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 3.
13. Пшеницын И. Судьба России // Философия хозяйства. 2010. № 6.
14. Пшеницын И.В. Своеобразие отечественной мысли и его реализация в концепции общей теории экономики / Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы. М., 2013.
15. Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2008.

V.V. RYSHKUS

кандидат экономических наук, Российский государственный торгово-экономический университет, Москва
ryshkus.v.v@mail.ru

ABOUT THE NATURE OF “WAY OF LIFE” TERM

The paper is dedicated to the continuing of the actual discussion about terms of «way of life» and «economic way of life», the particularities of the activity which forms way of life and discloses its nature, the role of subtraction destroying the way of life.

Keywords: *way of life, economic way of life, social labor, economic development, production, useful activity, subtraction, human potential.*

JEL: E230, E240, O110, O150.

С.Э. ЖЕЛАЕВА

кандидат экономических наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий
и управления

КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В РАЗВИТИИ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В статье предложена общенаучная концептуальная система единства представлений о времени, которая отражается в совокупности понятий и специфических свойств его экономической формы и обуславливает исследование экономического времени в качестве междисциплинарной научной категории. Показано, что в основе формирования и развития методологии различных направлений экономической мысли лежат общенаучные представления о времени, которые расширили экономический анализ от количественно-качественной оценки изменений до нелинейного моделирования эволюции экономической системы.

Ключевые слова: время, общенаучные концепции времени, экономическое время, методология, экономическая теория, синергетика.

JEL: B490.

Время в экономике – это особая экономическая категория, отражающая все многообразие видов человеческой преобразовательной активности и временных отношений, присущих хозяйственной деятельности. Многогранность и противоречивость природы экономического времени отражается в общенаучных концепциях времени и должна учитываться при анализе процессов эволюции экономической системы, формируя адекватную методологию экономической теории.

Экономическая теория до сих пор не рассматривала время в качестве объекта исследований. Сама постановка проблемы времени выходила за границы предметного поля экономических знаний. Исследования сущностного аспекта времени, его природы не получили широкого распространения в экономической теории. Существует ограниченное количество работ, посвященных комплексному исследованию множественных проявлений экономического времени как междисциплинарной научной категории.

Концепции времени в структуре научного знания

До недавних пор наука не рассматривала время в качестве объекта исследований по причине сложности его природы. Происходило лишь сведение времени к простой для науки форме. Развитие научных подходов к изучению времени в философии и естествознании традиционно задавало направление развития методологии экономической науки. История экономического знания представлена рядом учений, базовые положения которых изменялись и дополнялись, наследуя представление о времени как об однородной длительности и параметре количественных изменений, характеризующих экономическую деятельность человека и общества. Такое ограниченное отношение ко времени было заложено в основы современной экономической теории выдающимися представителями различных направлений – А. Смитом, Д. Рикардо, К. Марксом, А. Маршаллом, Дж. Кейнсом, М. Фридменом. С 70–80-х гг. XX в. это перестало устраивать самих ученых, что выражается в изменении взглядов на действующие методологии наук и в понимании необходимости объединения различных дисциплин для изучения феномена времени.

Понятно, что наиболее глубокие идеи о сущности и природе времени первоначально принадлежали богословам и философам, которые интуитивно исходили из отношений времени и сознания, опираясь на мировоззренческие подходы. Это привело к формированию двух общенаучных концепций времени: объективистской и субъективистской. Первая, в свою очередь, включает субстанциональную и реляционную теории.

Понятийное представление о времени в субъективистской и объективистской концепциях существенно разнится. Согласно субъективистской концепции, время – неуловимая сущность, постигаемая за счет чувственного восприятия человека. С точки зрения объективистской концепции время – объективная данность, не зависящая от разума субъекта. Данное представление находит свое дальнейшее отражение в двух противоположных утверждениях. В субстанциональном направлении время – самостоятельная и независимая от пространства и материи сущность. Реляционное направление трактует время как неотъемлемое от материального тела свойство, характеризующее его движение и изменение.

Противоречия рассмотренных выше подходов к выявлению природы и сущности времени привели к возникновению в науке проблемы отношений между категориями времени и изменчивости, или проблемы обратимости времени. На их решение были направлены статическая и динамическая концепции. Статическая концепция, опираясь на субстанциональный подход и классическую механику, не

принимала во внимание последовательный ход времени, выражающийся в смене прошлого, настоящего и будущего. Индифферентное отношение к процессам становления привело к идее о существовании универсальных физических законов, действующих во все времена, об отсутствии течения времени, о возможности принципиальной обратимости процессов во времени. Это давало возможность любые разновременные события или процессы рассматривать как настоящий момент времени и измерять их количественно.

В динамической концепции, возникшей на основе реляционного подхода и теории относительности, действует четкое разграничение: прошлое осуществилось и трансформировалось в настоящее, настоящее базируется на прошлом и существует здесь и сейчас, а будущее, возникая из прошлого и настоящего, только будет существовать. Строгая последовательность событий в одном направлении «прошлое–настоящее–будущее» обусловлено действием закона причинности связей и определяет необратимость времени, когда каждое событие или процесс меняется с течением времени и качественно преобразуется.

Можно сделать общий вывод о том, что противоположные по своим представлениям о времени концепции имеют общие точки соприкосновения. Они сводятся к следующему:

- время – единственное универсальное природное явление, которое лежит в основе любых процессов, происходящих в природе и обществе;
- время осуществляет связь между различными процессами, сохраняя целостность системы;
- время является носителем изменений и способно измерять данные изменения.

Реляционное представление о зависимости времени от свойств и структурной организации определенной материи обусловило рождение новой концепции, предполагающей наличие особого внутреннего времени у каждой формы материи – концепции множественности времен. Концепция множественности времен, объединив объективистские и субъективистские представления, рассматривает время как неотъемлемый атрибут и объективную определенность существования живой и неживой систем, каждая из которых имеет свое специфическое время. В такой трактовке время универсально с точки зрения количественного измерения и возможности синхронизации и координации различных событий в системе, но относительно с позиции качественных последовательных изменений в состоянии различных системных объектов. Концепция множественности времен определяет время как необратимое условие эволюции систем любой природы.

Множественность времен объясняется тем, что каждая область материальной и нематериальной реальности отличается специфической особенностью временных свойств, описывать которые только в понятиях обычного астрономического времени невозможно. Как отмечает И.Р. Пригожин: «Неустрашимая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность существования божественной точки зрения, с которой открывается вид на всю реальность» [3, с. 358].

Множественность собственных времен любой системы порождает в науке идею о их неоднородной структуре. Эта идея получила возможность распространения благодаря новой междисциплинарной науке – синергетике. В ее контексте время имеет неоднородную структуру, когда наряду с понятием внешнего времени вводится понятие внутреннего времени системы, связанного с характером протекающих в ней процессов.

Одним из первооткрывателей понятия «внутреннего времени» человеческого сознания является французский философ А. Бергсон (1851–1941). Он полагает, что носителем непрерывного внутреннего времени или «чистой длительности» является человек. «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше «я» просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали...» [1, с. 93]. В качестве времени внешнего мира он рассматривает время окружающей человека среды. Бергсон также разделяет две формы времени. Внутри множества промежутков времени действует «время-качество», а внутри множества непрерывной длительности – «время-количество». «Если мы различим две формы множественности, две формы длительности, то очевидно, что каждое состояние сознания, взятое в отдельности, должно будет проявляться по-разному, в зависимости от того, будем ли мы его рассматривать внутри раздельной множественности или внутри слитной множественности, – во времени-качестве, где оно возникает, или же во времени-количестве, куда оно проецируется... ощущения и вкусы предстают мне в виде вещей, как только я их изолирую и даю им названия...» [1, с. 105–106]. Наличие одновременно внутреннего и внешнего, количественного и качественного времен обуславливает формирование идеи о неоднородной структуре времени и множественности его форм.

Понятие и свойства экономической формы времени с позиции общенаучных концепций

Общенаучные концепции времени служат основой для определения совокупности понятий и выявления свойств, общих для различных форм его проявления. Представления о времени и вытекающие из них свойства сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Система представлений и свойств времени в общенаучных концепциях*

Концепция времени	Представление о времени	Свойства времени
Субъективистская	Время—ощущение; форма восприятия и познания человека; объективно и вне человека не существует; воспринимается как последовательность памятных событий, скорость и длительность которых измеряется субъективно	Субъективно, неуловимо
Объективистская: субстанциональная	Время-субстанция; существует независимо и самостоятельно от материи; внешняя шкала для измерения изменений	Объективно, абсолютно, обратимо, однородно, равномерно
реляционная	Время-реляция; система отношений; существует как атрибут материи; эталон для измерения количественных изменений, внутренний индикатор качественных изменений	Объективно, относительно, необратимо, однородно, равномерно
Статическая	Время-существование; отсутствие течения и направленности времени; возможность фиксации любого момента и измерения интервальной длительности	Универсально, абсолютно, обратимо, однородно, равномерно
Динамическая	Время-становление; линейный порядок последовательностей событий; показатель качественных изменений	Субъективно, относительно, необратимо, неоднородно, неравномерно
Концепция множественности форм	Время-множественность; собственное время для каждого уровня организации материи; несоизмеримость различных времен	Субъективно, относительно, необратимо, неоднородно, неравномерно, многомерно

*Составлено автором.

Представления и свойства времени в указанных концепциях демонстрируют разработанную на протяжении нескольких тысячелетий развития человеческой мысли и общества систему единства противоположных характеристик времени. Мы исходим из положения о том, что все общенаучные подходы не оппонируют, а дополняют друг друга. В таком случае время рассматривается как противоречивое единство общенаучных представлений и свойств.

Экономическое время можно рассматривать как результат взаимодействия и преобразования различных экономических и иных процессов, определяемых закономерностями и спецификой движения экономической системы. Такое понимание экономического времени позволяет представить его как экономическую категорию, объективно отражающую и обобщающую экономическую действительность,

характеризующую взаимосвязи экономики с природным физическим миром, обществом, человеком в разрезе прошлого, настоящего и будущего.

Специфика представлений об экономическом времени в зависимости от его взаимодействия и слияния с иными формами представлена в таблице 2.

Таблица 2

Система представлений об экономическом времени с позиций общенаучных концепций*

Формы времени Результаты синтеза	Астрономическая	Социальная	Историческая	Психологическая	Биологическая
Представления об экономической форме времени	Время-сущность, время-субстанция, время-существование: метризованная длительность (интервалы времени), параметр количественных изменений (скорость, ритм, амплитуда)	Время-реляция: качественный показатель уровня жизни и благосостояния общества	Время-ста новление: порядок последовательностей событий	Время-ощущение и время-множественность: мера собственного времени личности, мера погружения человеческой психики в экономическую деятельность	Время-реляция: ограниченный безвозвратный ресурс, ценность
Шкала измерения	Астрономические единицы: секунды, минуты, часы, сутки и т.д.	Социально-экономические единицы: абсолютные и относительные	Хронологические единицы – события малой и большой длительности	Субъективные единицы распределения «бюджета» времени жизни	Экономические единицы эффективности и продуктивности использования
Свойства в соответствии с общенаучными концепциями	Универсально, объективно, абсолютно, обратимо, однородно, равномерно	Уникально, объективно, относительно, необратимо, однородно, равномерно	Уникально, субъективно, относительно, необратимо, неоднородно, неравномерно	Уникально, субъективно, неуловимо относительно, необратимо, неоднородно, нелинейно, многомерно.	Уникально, объективно-субъективно, относительно, необратимо, неоднородно, многомерно

*Составлено автором.

Проявления экономической формы временных отношений многообразны, что обусловлено различием результатов их взаимодействия с сопутствующими (комплементарными) формами временной организации экономической системы. В целом это приводит к множественности описания и измерения экономического времени и позволяет интерпретировать его как сосуществование с астрономической, социальной, исторической, психологической и биологической формами.

Исследование экономической действительности формирует в экономической науке множественное представление об экономическом времени. Меняя содержательную оболочку при переходе от одной системы отсчета к другой, экономическое время приобретает ряд специфических свойств при сохранении общих, определяемых общенаучными концепциями (см. табл. 3).

Таблица 3

Представления об экономическом времени и его специфические свойства*

Представления об экономическом времени	Специфические свойства экономического времени
Динамический параметр количественных изменений в экономической системе	Асимметричность как несовпадение длительности и скорости экономических процессов
Качественный показатель уровня развития экономической системы и ее составляющих	Нелинейность как множественность неаддитивных элементов экономической системы, различных по метрическим и топологическим характеристикам Многомерность как проявление множественных форм и неоднородной структуры времени
Фактор становления и эволюции экономической системы	Однонаправленность как последовательность и порядок экономических событий Необратимость как невозможность возврата к исходному состоянию экономической системы и ее элементов Управляемость как возможность осуществления воздействия на временные параметры экономической системы и ее элементы с целью перехода на качественно более высокий уровень развития
Регулятор экономических взаимосвязей и отношений	Синхронность/асинхронность как совпадающие/несовпадающие по направлению, скорости, частоте и ритму различные экономические процессы (события)
Ограниченный невозобновляемый ресурс	Ценность как показатель эффективности использования единицы времени при осуществлении экономических процессов

*Составлено автором.

В результате синтеза экономической и астрономической форм времени рождается представление о времени как об универсальном параметре количественных изменений в системе. При слиянии с социальной

формой экономическое время преобразуется в показатель качественных изменений в социально-экономических отношениях и взаимосвязях общества, а в совокупности с историческим временем – в фактор становления и развития экономической системы. При переходе к психологической форме времени происходит субъективное «овременение» экономики, и экономическое время выступает в качестве регулятора экономического поведения субъектов. В сосуществовании с биологической формой экономическое время – уникальный невосполнимый ресурс, по причине ограниченности которого экономические субъекты стремятся получить наибольшие результаты при экономии времени.

Многообразие проявлений экономического времени в ходе взаимодействия с комплементарными формами позволяет выявить ряд его специфических свойств – асимметричность, нелинейность, многомерность, однонаправленность, необратимость, управляемость, синхронность/асинхронность и ценность.

Выступая как параметр продолжительности и скорости изменений процессов, экономическое время характеризуется свойством асимметричности – несовпадении длительности и скорости процессов. Оставаясь неизменным в одной системе координат, относительно другой системы экономическое время может ускоряться или замедляться. Частные процессы экономической системы осуществляются относительно друг друга и самой системы с различной скоростью и длительностью, также как и собственное время системы отлично от времени внешней среды. Такое несоответствие ритмов, темпов, продолжительности времен различных процессов приводит к возникновению ситуаций нестабильности, проявляющихся в циклических колебаниях экономической системы.

Экономическое время как показатель уровня социально-экономического развития системы выражается в свойствах нелинейности и многомерности. По содержанию нелинейность характеризуется разной направленностью, продолжительностью, темпом, частотой множества частных процессов, входящих в состав единого системного процесса. Многомерность экономического времени выражается в том, что наряду с внутренним экономическим временем системы выделяется индивидуальное время экономического субъекта.

Время экономики как фактор ее становления и эволюции обладает свойством упорядочивания или однонаправленности, которое используется для выявления качественных причинно-следственных связей в экономической системе. К примеру, экономическое время циклических колебаний, которое характеризуется «повтором» различных стадий развития системы, предполагает последовательность процессов, возникающих в силу социальных, политических, экономических, экологических и иных причин.

Неизменная последовательность событий означает наличие разницы между прошлым, настоящим и будущим состоянием системы, что приводит к формированию важнейшего свойства – необратимости экономического времени процессов и системы в целом. Данное свойство позволяет утверждать о невозможности возврата к определенной исходной ситуации в экономике. В терминах синергетики необратимость процессов приводит к двойственному результату: к формированию порядка или беспорядка в системе. Оба этих состояния являются неотъемлемыми частями эволюционных процессов. Как отмечает И. Пригожин, в сложной неравновесной динамической системе порядок является наименее вероятным состоянием, а беспорядок – наиболее вероятным состоянием. Последний служит источником согласованного действия множества элементов и их коллективного поведения, что позволяет системе осуществлять самоорганизацию – переход на более высокую ступень развития. Процесс самоорганизации системы сопряжен со временем (длительностью) деструкций, необходимых для достижения более совершенного уровня организации системы. Чем длительнее и интенсивнее хаос, тем глубже трансформация системы, и наоборот, краткосрочный беспорядок приводит к незначительным преобразованиям системы. Таким образом, экономическое время системы обладает очень важным свойством – управляемостью как со стороны самого времени, так и временем самоорганизации системы. Изменяя временные параметры системы, а именно интенсивность процессов взаимодействия элементов, возможно инициировать процесс управляемости системы и перевести ее на новый, более совершенный уровень развития [4].

Представление экономического времени как регулятора экономических взаимосвязей и отношений позволяет выявить не менее важное для исследования самоорганизации экономической системы специфическое свойство – синхронность или асинхронность времени. Действие принципа синхронности, т.е. совпадения разделенных в пространстве и времени событий, впервые описал выдающийся психолог и философ К.Г. Юнг [5]. Он противопоставил данное явление линейному принципу причинности, широко используемому в научных исследованиях.

Синхронность/асинхронность экономического времени проявляется в его способности обеспечить или нарушить временное соответствие в протекании определенных экономических процессов. Под временным соответствием подразумевается обеспечение последовательности, параллельности экономических событий или процессов. Самый распространенный способ синхронизации различных процессов посредством времени – установить единую систему отсчета

в астрономических единицах, единый режим трудовой деятельности и работы технических средств.

Различная степень синхронизации времени отражается в циклических колебаниях экономической системы. В период подъема и качественного скачка на более высокий уровень развития синхронизируются рост производства, потребления, занятости, денежной массы. А одной из причин кризиса является асинхронность перечисленных процессов.

Представление об экономическом времени как об уникальном ограниченном и невозобновляемом ресурсе позволяет выявить ключевое для экономических исследований свойство времени – ценность. Ценность экономического времени определяется его затратами, точнее, интенсивностью или продуктивностью его использования, когда в единицу времени необходимо успеть совершить как можно больше действий (получить больше продукции). В рамках экономических законов растроченное впустую настоящее время неэффективно и не принесет в будущем ожидаемой отдачи. Эти новые принципы поведения сформулировал еще в XVIII в. Б. Франклин. «Тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен – если он расходует на себя всего только шесть пенсов – учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов» [2, с. 71].

Отражением результативности потраченного времени в сочетании с его полезностью в экономической системе являются деньги. Между деньгами и временем существует тесная взаимосвязь, поскольку посредством денег, воплощающих ценность товаров при обмене, выражается соотношение ценности экономического времени, потраченного на их производство и потребление. Поэтому можно говорить об утилитарной ценности времени, способного приносить результат в денежном выражении (благодаря способности приращивать во времени). По сути, деньги, которые человек решает потратить или сберечь, – это сконцентрированное и преобразованное в особые бумаги время жизни человека, то есть это своеобразный заменитель и суррогат времени жизни в экономической системе. Деньги – это возможность купить время жизни других людей и сэкономить свое время жизни.

Перечисленные свойства экономического времени отражают специфику фундаментальных экономических взаимосвязей между субъектами, характеризуют организацию и ритм их жизни, временную структуру экономики, направление и темп экономического развития, раскрывают возможность управления и регулирования процессом самоорганизации экономической системы.

Становление методологических основ экономической теории как отражение общенаучных представлений о времени

В экономической науке можно выделить несколько основных периодов становления различных направлений, демонстрирующих расширение временных рамок методологии в зависимости от существующих общенаучных концепций времени (см. табл. 4).

В конце XVIII – начале XIX вв. классическая экономическая теория под воздействием классического механистического мировосприятия, основанного на субстанциональной и статической концепции времени, рассматривает категорию времени как однородную и абсолютную природную сущность, на фоне которой осуществляются экономические процессы. Экономическая форма времени проявляется лишь как результат слияния с астрономическим временем и выступает как универсальный параметр обоснования экономических взаимосвязей и процессов в длительном периоде. Классики и их последователи рассматривали рыночную экономику как детерминистическую систему, в которой редкие ситуации нестабильности являются следствием внешних факторов. Особое внимание уделялось теории стоимости, в основе которой лежали затраты рабочего времени.

В 70-е годы XIX в. был осуществлен первый динамический анализ, связанный с появлением в экономической науке теории исторической смены социально-экономических формаций и теории воспроизводства капитала К. Маркса. Методологические принципы данной теории основаны на диалектическом материализме, отражающем объективистскую реляционную концепцию времени с точки зрения первичности материи. Диалектика экономического общества осуществляется благодаря действию универсального и объективного закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Общественно необходимое рабочее время как проявление синтеза экономической и социальной форм времени лежит в основе универсальной экономической категории – стоимости. Неоднородная структура рабочего времени (необходимое и прибавочное) порождает неоднородную структуру стоимости (стоимость постоянного, переменного капитала и прибавочная стоимость), что влечет неравномерность в стадиях кругооборота капитала и порождает экономические циклы. Таким образом, общественно необходимое рабочее время является регулятором экономического развития.

С середины XIX в. неоклассическая экономика на основе методов сравнительной статистики (дедуктивного обобщения, анализа и синтеза, разработки математических моделей зависимости одних переменных от изменения других) определяет универсальные законы функционирования и

Таблица 4

Сравнительная характеристика методологии различных направлений экономической теории в зависимости от общенаучных концепций времени*

Концепции времени Направления	Объективистская		Субъективистская	Статическая	Динамическая	Множественности форм времени
	Субстанциональная	Реляционная				
Классическая политэкономия	Время – абсолютный и однородный фон			Универсальность экономических категорий	Детерминированный подход	Рабочее время как параметр измерения стоимости
Марксизм		Диалектический материализм			Цикличность времени – кругооборот капитала.	Общественно необходимое рабочее время – регулятор стадий кругооборота
Неоклассическое направление	Универсальность и активность экономических законов	Механизм саморегуляции рынка		Обратимость времени – равновесие и рациональность	Детерминированный подход	Время как параметр измерения стоимости и полезности
Теория экономических циклов		Экзогенные и эндогенные факторы развития			Неоднородность времени – цикличность развития	Качественное различие в экономическом развитии
Кейнсианское направление	Универсальность и активность экономических законов	Взаимозависимость экономических изменений	Субъективность в экономическом поведении	Смещение равновесия	Детерминированный подход. Цикличность времени – нестабильность рынка.	Минимально эффективная единица экономического времени

Окончание табл. 4

Концепции времени Направления	Объективистская		Субъекти- вистская	Статическая	Динамическая	Множествен- ности форм времени
	Субстанцио- нальная	Реляционная				
Неоклассический синтез		Взаимозависи- мость экономиче- ских изменений		Смещение равновесия	Детерминиро- ванный подход. Непрерывный эко- номический рост.	
Институциона- лизм		Взаимодействие институтов	Психология поведения субъ- ектов		Нелинейность, стохастичность	Междисципли- нарный подход
Эволюционная экономика	Универсаль- ность меха- низма эволю- ции	Механизм эво- люции	Ведущая роль субъектов	Не исключает состояния равно- весия	Неравновесие нелинейность – эволюция	Междисципли- нарный подход.
Экономическая синергетика	Универсаль- ность меха- низма самоор- ганизации	Механизм само- организации	Ведущая роль субъектов	Не исключает состояния равно- весия	Неравновесие, нелинейность – самоорганизация	Междисципли- нарный подход. Фрактальность

*Составлено автором.

взаимодействия экономических объектов. Экономисты расширили временные рамки анализа, осуществив переход от одномоментного точечного созерцания фиксированных во времени величин к масштабному применению экономических законов, действующих во все времена и в любом пространстве. Законы экономического развития формировались на основе принципов рыночного равновесия и рациональности экономических субъектов, что отражалось в утверждениях о «невидимой руке» рынка, о типичных схемах поведения индивидов, о конкурентных силах и тенденции рынков к равновесию. Несмотря на то что анализ методами сравнительной статистики показывает изменения экономических переменных, данные изменения индифферентны ко времени.

20–30-е годы XX столетия связаны с созданием и бурным развитием многочисленных теорий циклов и колебаний, которые продемонстрировали приоритет реляционно-динамических взглядов на необратимую и неоднородную природу времени. Осознание самостоятельной роли времени в механизме воспроизводства и эволюции экономической системы создало возможность расширения анализа эндогенных и экзогенных факторов циклических колебаний экономики, определив фундаментальные закономерности ее качественного перехода на новый уровень развития.

В 30–60-е годы XX в. в рамках кейнсианской теории была разработана динамическая макроэкономическая модель, в соответствии с которой экономическое время является неоднородным фактором субъективного поведенческого выбора, отражающего различия в краткосрочных и долгосрочных ожиданиях потребителей, но способного «усреднить» их индивидуальные предпочтения в потреблении и сбережении на основе действия универсального «основного психологического закона» Кейнса. Данный закон указывает на причинно-следственную связь между изменениями ряда экономических переменных, приводящих к краткосрочной нестабильности и цикличности рынка, что требует вмешательства государства для обеспечения непрерывного экономического роста и перехода от одного равновесного состояния к другому.

В 40–70-е гг. XX в. в рамках неоклассического синтеза, отражающего интеграцию методологических принципов кейнсианства и неоклассики, разработаны многочисленные динамические макроэкономические модели, демонстрирующие межвременную связь между экономическими переменными – доходами, расходами и потреблением; доходами и производством; процентом и ценностью денежных средств. Сочетание статического и динамического представлений о времени (сравнительная статика) выявляет факторы смещения различных состояний равновесия экономики. Большинство экономических моделей неоклассического синтеза являются равновесными и базируются на методе причинно-следственных связей в экономике. Иными словами, они описывают такое макроэкономическое состояние системы,

при котором достигнута совокупная сбалансированность, пропорциональность между экономическими потоками товаров, услуг и факторов производства, доходов и расходов, спросом и предложением, материально-вещественными и финансовыми потоками. При этом речь о равновесии может идти лишь в том методологическом смысле, когда экономика при отсутствии экономической политики находится в неподвижном состоянии, что не соответствует реальности.

В начале XX в. наиболее глубокое и разностороннее исследование феномена времени в экономической науке произошло благодаря институционализму. Институционализм рассматривает экономическое время не просто как определенный период экономической динамики (краткосрочный, среднесрочный или долгосрочный), а учитывает социально-психологическую основу его проявления – институты или обычаи, привычки и правила, определяющие отнюдь не рациональное экономическое поведение человека или группы людей. Институционализм характеризует длительную эволюцию экономической системы, когда наблюдаются случайные многократные и необратимые изменения ее институционально-технологической структуры.

Конец XX в. связан с развитием эволюционной экономики, представляющей собой приложение идей биологической эволюции к динамическому анализу нелинейных и стохастических экономических процессов. Методология эволюционной экономики вбирает все существующие общенаучные представления о времени. Время-сущность и время-реляция позволяют разработать универсальный механизм эволюции экономической системы на основе процессов наследственности, отбора и адаптации ее элементов. Время-ощущение дает возможность проводить микроэкономический анализ изменений в поведении экономических субъектов. Время-существование не исключает кратковременного равновесия в системе, но предметом изучения является время-становление как преобладание неравновесных состояний и качественных изменений в эволюции системы. Концепция множественности форм времени отражается в междисциплинарном подходе с использованием философского и естественнонаучного опыта для комплексной научной категории экономического времени.

Начиная со второй половины XX в. по настоящее время наблюдается бурное развитие одного из основных направлений эволюционной теории – синергетики, синтезирующей внутренние принципы отдельной науки с внешними принципами общенаучной картины мира. Позиционируя себя в качестве универсальной теории эволюции, синергетика изучает общие закономерности самоорганизации сложных систем, тем самым предоставляя возможность описания явлений и процессов любой природы. Специфика синергетического подхода заключается в том, что он позволяет рассматривать механизм самоорганизации

социально-экономической системы как работу сложного и открытого организма, развивающегося благодаря способности под воздействием необратимого и многомерного времени осуществлять качественный переход к новому, более сложному уровню развития. Поскольку время является объектом исследования многих наук, каждая из которых формирует собственное представление о времени, именно синергетика и ее методологические принципы позволяют рассматривать экономическое время в многообразии проявлений экономической действительности как неотъемлемой части окружающего мира.

Проведенное исследование экономического времени позволяет сделать следующие выводы.

- Множество представлений о времени в философии и естествознании не сводится к единственному описанию. Можно выделить шесть концепций: объективистскую и субъективистскую, субстанциональную и реляционную (как направления объективистской), статическую, динамическую и концепцию множественности времен.
- Согласно рассмотренным общенаучным концепциям, время имеет неоднородную структуру: объективно и субъективно, универсально и относительно, статично и динамично, с точки зрения способности к сохранению и изменению, является индикатором количественных и качественных изменений, и, наконец, внутренне присуще объектам любой природы, а внешне – окружающей их среде. Многочисленные многоуровневые системы имеют свое собственное внутреннее время. Относительная природа времени и его неоднородная структура приводят к положению о существовании экономического времени в системе собственных координат экономики.
- Противоречивые представления о времени в системе научного знания, неоднородная структура и множественность форм времени требуют применения расширенной междисциплинарной методологии исследования экономического времени, позволяющей изучать эволюцию экономической системы на основе существующих концепций. В качестве такой области знаний, базирующейся на опыте междисциплинарных исследований процессов самоорганизации системы во времени, выступает синергетика.
- По итогам проведенного историко-методологического исследования времени в различных направлениях экономической теории необходимо отметить, что представление об экономическом времени было весьма сложным и противоречивым, что объясняется нелинейностью и противоречивостью мысли о времени в общенаучных концепциях. Так или иначе, экономическая наука до недавних пор учитывала лишь некоторые свойства времени в

методологии экономического анализа, однако не рассматривала данную категорию в качестве непосредственного объекта исследования. Представления о времени в философии и естественных науках отразились и в методологии экономической науки. Субстанциональная теория дала возможность количественного измерения изменений в экономике, а реляционная – качественной характеристики экономических отношений и процессов. Субъективистская концепция направила исследования в область микроэкономического анализа поведения субъектов, статическая обусловила поиск универсальных экономических законов, а динамическая выявила цикличность экономического развития и ее факторы. Концепция множественности времени обосновала нелинейность, неравновесность и многовариантность эволюции сложной экономической системы.

Литература

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч. Т. 1. М., 1992.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 71.
3. Пригожин П., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
4. Режабек Е.Я. Становление понятия организация. Очерки развития философских и естественнонаучных представлений. Изд-во Ростовского Университета, 1991.
5. Юнг К.Г. Синхронистичность: акаузальный объединяющий принцип / В сб. К.Г. Юнг. Синхронистичность. М.: «Рефл-бук», Ваклер, 1997.

S.E. ZHELAEVA

PhD in economics, associate professor of East-Siberian State University of technology and management, Ulan-Ude, Russia
zhelay@yandex.ru

THE CONCEPT OF ECONOMIC TIME IN THE DEVELOPMENT OF THE METHODOLOGY OF ECONOMIC THEORY

The paper proposes a general scientific conceptual system of ideas about the unity of time, which is reflected in the aggregate of concepts and the specific properties of its economic form, and makes the study of economic time as an interdisciplinary scientific category. It is shown that the basis of the formation and development of the methodology for the various areas of economic thought are common scientific notion of time, which expanded the economic analysis of the quantitative and qualitative assessment of changes to the non-linear modeling of the evolution of the economic system.

Keywords: *time, general scientific concept of time, economic times, methodology, economic theory, synergetics.*
JEL: B490.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

А.Г. ЗЕЛЬДНЕР
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА: КОНСЕНСУС БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА В МОДЕЛИ СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье анализируются причины кризисного состояния российской экономики, показывается необходимость перехода к смешанной модели экономики на базе государственно-частного партнерства, рассматривается опыт развитых стран.

Ключевые слова: модели развития, экономика, кризис, трансформация, эффективность.

JEL: O10, P13.

Нарастающий кризис в российской экономике, особенно обострившийся в конце 2014 г., – это не столько следствие введенных против России санкций и изменения конъюнктуры мировых цен на топливные ресурсы, сколько следствие провала той либеральной экономической модели (с сырьевым уклоном и опорой на всеислие рынка и эффективность частной собственности), по которой пыталась развиваться наша экономика в послереформенный период и которая подвела Россию к системному кризису.

Положение в российской экономике складывается таким образом, что перспективы ее развития практически (почти полностью) зависят от конъюнктуры мировых цен на нефть. Сырьевое проклятие начинает сбываться. Этот рукотворный тренд развития был заложен четверть века назад и с упорством, достойным лучшего применения, осуществлялся и продолжает осуществляться в условиях монополизма и в ущерб развитию несырьевых отраслей экономики и ограниченной переработки добываемых сырьевых ресурсов на современной технологической базе.

России необходимо осуществить перезапуск функционирующей ныне модели развития, переориентировав ее на структуризацию и модернизацию экономики на базе инновационного развития. Без

этого чрезвычайно сложно будет обеспечить устойчивое развитие экономики и социальную стабильность.

Как известно, Россия достаточно активно задействована в мирохозяйственных связях. Поэтому складывающиеся понижительные тенденции среднегодовых темпов прироста ВВП в мире также отражаются и на российском ВВП (см. табл.).

Таблица

**Среднегодовые темпы прироста ВВП в различных странах
за 2010–2013 гг.**

Страны	Годы				В среднем за 2010–2013 гг.
	2010	2011	2012	2013	
Мир в целом	5,4	4,1	3,4	3,3	4,1
Развитые страны	3,1	1,7	1,2	1,4	1,8
в том числе:					
США	2,5	1,6	2,3	2,2	2,2
Германия	3,9	3,4	0,9	0,5	2,2
Развивающиеся страны	7,5	6,2	5,1	4,7	5,9
в том числе:					
Китай	10,4	9,3	7,7	7,7	8,8
Индия	10,3	6,6	4,7	5,0	6,6
Россия	4,5	4,3	3,4	1,3	3,4
Бразилия	7,5	2,7	1,0	2,5	3,4

Источник: Росстат, OECD, IMF. См.. [7, с. 9–10].

Начиная с 2010 г. снижение темпов прироста ВВП не избежала ни одна ведущая страна мира. В развитых странах темпы прироста ВВП в среднем сократились более чем в два раза. Существенное падение темпов наблюдается и в ведущей (в экономическом плане) европейской стране – Германии. Для российской экономики особенно чувствительно падение темпов прироста ВВП. В Китае – растущая экономика, которая поддерживает и наш сырьевой рынок, расширяя импорт нефти и газа. Падение темпов характерно для всех стран БРИКС, но Россия и среди них выделяется по темпам снижения за период с 2010 по 2013 гг. На этом фоне относительной стабильности отличается экономика США, где, по прогнозу МВФ при среднегодовых темпах прироста ВВП в 2013 г. в 2,2%, в 2014 г. – 2,8, а в 2015 г. – ожидается около 3,4%.

Вызывают интерес причины и условия обеспечения такой стабильности.

1. Следует обратить внимание на продуманную системную политику по обеспечению стабильного экономического роста в США. Более десяти лет тому назад в США была поставлена задача за счет

разработки и внедрения энергосберегающих технологий отказаться от закупок нефти (в то время США закупали примерно половину необходимой им нефти, т.е. около 400 млн т). На разработку и внедрение новых технологий выделялось порядка 4 млрд долл.¹ Прошло больше 10 лет. Правительство России недооценило возможную угрозу снижения цен на нефть, сланцевую революцию, активную разработку в мире и в США альтернативных источников энергии. А США за этот период, благодаря научному прорыву в технологии добычи сланцевой нефти и газа, вышли на первое место в мире по добыче как нефти, так и газа, оказывая при этом существенное влияние на конъюнктуру мировых цен на эти ресурсы. В самих США наблюдается тенденция снижения розничных цен на бензин, в отличие от России, где, как и при высоких мировых ценах, так и при низких, растут цены на топливо.

Не следует недоучитывать и тот существенный прорыв, который произошел с развитием в США альтернативных источников получения электроэнергии и экономии ресурсов для ее получения. Но, разработав технологии, необходимо организовать их внедрение. И в США были приняты специальные меры, стимулирующие население устанавливать, в частности, солнечные батареи. Эти меры, например, в штате Гавайи включают компенсацию затрат на оборудование и установку солнечных батарей за счет федерального бюджета в размере 30%-ного погашения суммы кредита и 35%-ного – за счет бюджета штата, плюс кредит под нулевой процент. Имеется еще одна схема установки оборудования: аренда или лизинг солнечных батарей на 20 лет. При этом уже фирма, как владелец оборудования, получает федеральные 30% и региональные (штатовские) 35% компенсационных выплат, вычитая эти суммы из общей стоимости оборудования и работ по его установке. То есть в любом случае потребитель платит только 35% стоимости. Поскольку потребитель подключен к энергокомпании, он платит за электроэнергию, если потребляет больше, чем производят солнечные батареи. При обратной ситуации энергокомпания покупает избыточную энергию. По расчетам, система окупается примерно за 6 лет.

2. В начале 2000-х годов, учитывая дешевую рабочую силу в Китае, США перевели существенную часть предприятий в эту страну. В настоящее время в Китае наблюдается значительный рост затрат, особенно за счет заработной платы. В этой связи начинает проявляться обратная тенденция: более половины опрошенных топ-менеджеров американских производственных предприятий с оборотом более одного миллиарда долл. высказали интерес к возвращению производства в США.

¹ Мы тогда писали, что реализация этого плана США приведет к существенному снижению мировых цен на нефть и росту проблем в российской экономике [4, с. 34].

Число компаний, которые уже переводят производство из Китая обратно в США, выросло за последний год на 20%. Возвращение производства позволит создать дополнительно до 1 млн рабочих мест, что сократит и так достаточно низкую для развитых стран безработицу. Доля безработных в США в сентябре 2014 г. составляла 5,9% экономически активного населения².

Мы уже отмечали, что форма проведения либерального реформирования экономики России («больше рынка, меньше государства, частный сектор самый эффективный» и т.п.) привела к деградации несырьевой экономики, развитию сильнейшей коррупции, сращиванию бизнеса с чиновниками. При сложившемся менталитете представителей крупного сырьевого бизнеса высокие цены на нефть «расслабили, преобразования затормозились», и России не удалось уйти от «нефтяного проклятья». При этом, несмотря на кризисное состояние российской экономики, Е. Ясин считает, что «та модель организации рыночной экономики, которая ставилась в качестве цели в начале 1990-х, выстроена»³. Если все так хорошо выстроено, то почему Россия попала в такую серьезную зависимость от конъюнктуры мировых цен на топливные ресурсы? Конечно, можно все списать на происки зарубежных конкурентов. Как показал опыт прошедших лет, проводимые рыночные реформы лихих 1990-х, заложившие основу рыночной экономики, не имели четко продуманной модели, стратегии и тактики в обеспечении верховенства закона, и в результате нити управления экономикой были переданы сырьевому лобби с ежегодным ростом цен и тарифов, что не могло не отразиться на развитии несырьевой экономики, и как следствие, привести к кризисной ситуации⁴.

Сложившуюся российскую модель развития А. Бузгалин и А. Колганов характеризуют как модель позднего капитализма полупериферийного типа при господстве корпоративно-бюрократического отчуждения (присвоение ключевых прав собственности корпоративно-государственной номенклатурой)⁵. Более того, как справедливо отмечает Я. Корнаи, «Беда (не единственная, но главная) заключалась в том, что в России не было создано институциональной системы для

² Кошкарёв А. Снова «сделано в Америке». Эксперт. 2014. № 46, С. 48–49.

³ Российская газета. 20.11.2014.

⁴ На Гайдаровском форуме (январь 2015 г.) так и не прозвучало серьезного разбора истоков кризиса и путей выхода из него. Председатель Правительства Д. Медведев считает, что «похоже, наши проблемы настолько мелки на фоне конца капитализма и того, к чему готовиться в ближайшие 25 лет, так что само по себе это уже внушает оптимизм». Кого это может успокоить, сложно понять. (Цитируется по статье Чеботарева А. Тупик имени Гайдара. Аргументы и факты. 2015. № 4).

⁵ Альтернативы. 2014. № 1. С. 29.

поддержания и укрепления макроэкономического равновесия ни до этого момента, ни после» [2].

Обострившиеся кризисные тенденции в российской экономике во второй половине 2014 г., по мнению руководителя экономического блока правительства, носят системный характер. По мнению министра Минэкономразвития А. Улюкаева, мы имеем дело со структурным кризисом, с экономикой «постоянно растущих издержек», обгоняющей темпы роста экономики. Вторая часть этого кризиса – деловая, связанная с ограничениями по спросу, а третья часть кризиса – политическая, приведшая к санкциям и контрсанкциям. Сочетание структурного кризиса, делового и геополитического в российской экономике, по мнению министра Минэкономразвития А. Улюкаева, – «случайность, но то, что база была подготовлена, – это закономерность»⁶.

Следует отметить, что и Президент России В. Путин также видит корни современных проблем в том, что не были реализованы возможности предыдущих десятилетий. «Нами много не сделано из того, что планировали сделать и говорили, что мы должны сделать по диверсификации нашей экономики в течение практически предыдущих 20 лет. Сделать это было достаточно сложно, если вообще возможно, с учетом как раз этой благоприятной в данном случае внешнеэкономической конъюнктуры, когда бизнес старался деньги вкладывать в основном туда, где можно было извлечь максимальную и быструю прибыль. Перестроить этот механизм достаточно сложно»⁷. Но необходимо, если Россия стремится вскочить на подножку поезда, уходящего в постиндустриальное будущее.

Кризис в России – это следствие крупных просчетов, допущенных в процессе реформирования начиная с 90-х годов прошлого столетия и последующих лет, в связи с недооценкой развития несырьевой экономики на инновационной основе. Введенные санкции и контрсанкции несколько ускорили кризис, но он был неминуем, ибо экономическая политика России все прошедшие годы строилась вокруг двух труб (нефтяной и газовой), исключая в широком масштабе структуризацию, модернизацию и инновационное развитие несырьевой экономики. В России в результате сформировалась колониальная модель развития: экспорт сырья и импорт всего необходимого – от техники и технологий до продовольствия. В условиях, когда бюджет страны существенно зависит от конъюнктуры мировых цен на нефть, риск кризиса из-за изменения технологических или политических условий мог произойти в любой момент.

⁶ Этот шторм мы сами и готовили // Ведомости. 18.12.2014.

⁷ Путин В.В. Ответы на вопросы журналистов. «Логика жизни заставит нас выйти из кризиса» // Российская газета. 19.12.2014.

Основываясь на взаимосвязи получаемых нефтегазовых доходов и темпов роста ВВП, А. Кудрин и Е. Гурвич отмечают, что если в докризисный период корреляция между приростом нефтегазовых сверхдоходов и темпами прироста ВВП составляла 0,57, то в 2009–2013 гг. она достигла 0,93. Авторы делают на этой основе вывод о том, что основой роста экономики России в докризисный период был внешний приток ресурсов, что и позволило им назвать функционирующую модель экономики как «модель импортированного роста» [8, с. 12]. Такая модель крайне неустойчива и в значительной мере зависит от внешних источников. При малейшем колебании внешнеполитических или экономических факторов экономику страны начинает лихорадить. Примером тому служат украинские события, падение мировых цен на нефть и ограничение по внешним кредитам, которые вплотную подталкивают страну к крупномасштабному кризису.

Как показывает опыт ряда азиатских стран, был и другой путь трансформации плановой экономической системы России – путь постепенного перехода от социализма к его модификации, как это было сделано в Китае. Путем постепенного реформирования (без шока и ускорения) Китаю удалось построить смешанную экономку с китайской спецификой.

В Китае процесс трансформации проводился в двух направлениях. «С одной стороны, – это переход от системы централизованной плановой экономики к системе современной социалистической рыночной экономики, с другой стороны, – это преобразование отсталой аграрной страны в современную индустриальную страну. Следовательно, преобразование системы и экономическое развитие, то есть двуединая задача, составляет основное содержание трансформации в Китае» [6, с. 7, 12].

Российская экономика функционирует без научно обоснованной модели развития. Скорее можно говорить о направлении развития, формируемого конъюнктурой мировых цен на нефть и газ. Обвал этих цен привел экономику страны к серьезному кризису, вынуждающему правительство разрабатывать и реализовывать программу импортозамещения, при резком ухудшении инвестиционной составляющей бюджета. Учитывая мировой опыт и российскую специфику реформирования экономики, наиболее перспективной для современной России может стать смешанная модель развития с использованием механизмов государственно-частного партнерства. Смешанную модель развития России прогнозировал и Нобелевский лауреат В. Леонтьев еще в 1990 г. На заре перестройки он писал: «Идеальным результатом успешной перестройки может быть создание в отдаленной перспективе смешанной системы европейского образца, в которой рыночный

механизм основан на конкуренции, но действует под строгим контролем государства»⁸.

Смешанная экономика (более точного термина пока не найдено) – это качественно новая, целостная, гармонично сбалансированная и именно по данной причине устойчивая система. Она обеспечивает синтез индивидуальной свободы и социализации общественной жизни, а также многообразие форм проявления трудовой энергии и духа предпринимательства. Ей соответствует и качественно иной тип политической культуры, основанной не на антагонизме, а на поисках взаимодополняемости интересов и общественного согласия [1, с. 148].

Смешанная экономика – это, по сути, такая экономическая система, к специфике которой относится осуществление воспроизводственного процесса на основе системного подхода, объединяющего интересы государства и бизнеса, обеспечивая при этом и социальную устойчивость. Смешанная экономика – это не только разнообразие структурных элементов, форм и моделей ГЧП, но и их различная комбинация, в принципе обеспечивающая синергетический эффект. Таким образом формируется смешанная социально устойчивая экономическая формация, интегрирующая (за счет различных форм и моделей государственно-частного партнерства) предпринимательство с социализацией экономической системы путем консолидации личных, общественных и государственных интересов.

Разработка стратегии России на базе модели смешанной экономики требует учета реального состояния экономики и поиска путей активного выхода из кризиса, одним из условий которого является обеспечение притока инвестиций за счет активизации функционирования институтов развития, в том числе и использование механизмов государственно-частного партнерства. Выступая на заседании Госсовета в сентябре 2014 г., Президент страны В. Путин, говоря об ускорении экономического развития, подчеркнул: «...нужно максимально широко использовать инструменты государственно-частного партнерства, причем не только на федеральном, но и на региональном уровне», позволяющего привлечь в воспроизводственный процесс частный капитал и концентрированное его использование.

Сложившаяся в развитых странах современная модель смешанной экономики не может быть однозначно отнесена к капиталистической, так как не направлена всецело на интересы крупного капитала (исходя хотя бы из того, что почти две трети добавленной стоимости достается в развитых странах представителям наемного труда). Скорее это социально-рыноч-

⁸ Леонтьев В. К рынку под контролем государства // Экономика и жизнь. 1990. № 16. С. 6.

ная⁹ модель, в основе которой лежат партнерские отношения. Западные экономисты (в частности П. Самуэльсон) определяют смешанную экономику как преобладающий тип экономической организации. «Наша экономическая система, – считает П. Самуэльсон, – это смешанная система свободного предпринимательства, экономический контроль в которой осуществляется со стороны, как общества так и частных институтов» [9, с. 53].

Специфика различных стран, уровень их социально-экономического развития, менталитет населения и другие факторы приводят к большому разнообразию моделей смешанной экономики (американская, германская, шведская, японская и др.).

Выделим близкую нам по менталитету китайскую модель смешанной экономики, формирующуюся в условиях эволюции экономики «чистого социализма». Рыночный механизм и негосударственный сектор экономики стали играть значительно большую роль в годы реформ, однако государственное регулирование (во многом в форме «направляющего планирования»), распределение по труду и социальные гарантии государства продолжают занимать приоритетное значение в социально-экономической политике. Данная модель может быть определена как преимущественно социалистическая модель смешанной экономики¹⁰.

«По существу общественно-экономический строй, который сегодня называется “социализмом с китайской спецификой”, является конвергентной по своей природе “смешанной экономикой”, где сосуществуют (и достаточно успешно) различные по формам собственности типы хозяйств и соответствующие им отношения по производству и распределению материальных благ, где в последнее время пытаются привести в соответствие с «многоцветным» базисом и политическую надстройку» [6, с. 168]. Китай продолжает реформы по испытанному сценарию «переходить реку, нащупывая камни»: постепенно, путем экспериментов осуществляется процесс рыночных преобразований, направленных на создание регулируемой государством и социально ориентированной рыночной экономики.

⁹ В 1947 г. А. Мюллер-Армач впервые системно изложил концепцию «социально-рыночного хозяйства», которое может быть определено “как идея политического упорядочения, цель которого состоит в соединении общества, построенного на конкуренции, частной инициативе, с социальным прогрессом, обеспеченным именно производительностью рыночной экономики. На основе рыночного экономического порядка может быть создана многообразная и всеобъемлющая система социальной защиты (Muller-Armack A. Soziale Marktwirtschaft // Handörterbuch der Sozialwissenschaften. Stuttgart. 1965. P. 37).

¹⁰ Кульков В.М. // Вестник МГУ. Экономика. 1996. № 5. С. 27–28; Разновидности рыночного хозяйства. Материалы “круглого стола” // Вестник Московского университета. Серия Экономика. 1993. № 2; Собственность и реформа / Под ред. В. Черковца, В. Коньшева. М.: 1995. С. 47–49. См. также [3, с. 114–121].

«Смешанная экономика» как концепция возникла во второй половине XIX в., не имея четкого определения. К смешанной экономике относили и сочетание секторов экономики (государственного и частного), и интеграцию государственного регулирования и рыночного механизма. В определении смешанной экономики, данном П. Самуэльсоном для промышленно развитых стран, подчеркивается, что это преобладающий тип экономической организации, «...в которой рынок определяет большинство цен на отдельные товары и их количество, а государство управляет экономикой в целом с помощью программ налогообложения, расходов и кредитно-денежного регулирования»¹¹.

Один из наиболее серьезных российских исследователей смешанной экономики, В.М. Кульков, считает, что смешанная экономика «есть целостная социально-экономическая система, адекватная форма развитого индустриального общества, органически включающая в себя ряд взаимосвязанных противоречивых элементов»¹². По его мнению, «смешанная экономика, взятая во всем многообразии ее вариантов и моделей, выступает сложным цивилизационно-формационным образованием. Отражая цивилизационные закономерности развитого индустриального общества, она может иметь разные доминанты и “коэффициенты смешения” в зависимости от целого ряда факторов: материально-технических, исторических, национальных, социокультурных, социально-политических и т.п.» Имеются и другие подходы к определению смешанной экономики, заключающиеся в утверждении, что «...развитая рыночная экономика (как экономика развитых стран, как поздняя рыночная экономика) и есть смешанная экономика»¹³.

Основоположником теории смешанной экономики считается А. Вагнер, но наиболее четкое понимание сути смешанной экономики дал В. Зомбарт, выдвинувшему идею «социального плюрализма», согласно которой общественное развитие должно идти по пути взаимодействия форм хозяйствования при определяющей роли государства. Возникшие впоследствии различные модификации теории смешанной экономики связаны с такими именами, как С. Чейз, П. Самуэльсон, Р. Солоу и др. В целом следует отметить, что в вопросе понимания смешанной экономики нет консенсуса. Наиболее распространенная трактовка термина смешанной экономики охватывала сочетание форм хозяйствования и форм собственности. Кейнсианская позиция основывалась на сочетании государственного регулирования и рыночного механизма. Имеются также позиции, основанные на гар-

¹¹ Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. М. 1999. С. 80.

¹² Вестник Московского университета. Серия 6 – экономика. 1996. № 5. С. 18; Кульков В. В координатах смешанной экономики. М.: Знание, 1994.

¹³ Собственность в экономической системе России. М.: МГУ. ТЕИС. 1998. С. 61.

монизации интересов на условиях Парето-оптимум¹⁴. Хотя каждый из перечисленных подходов имеет свою четкую специфику, все они лишь в системе дают полное представление о смешанной экономике. Но общая линия просматривается достаточно четко – направленность на формирование устойчивой социально-рыночной стабильной экономики, что и выступает ключевой идеей современной экономической модели с максимально широким использованием механизмов ГЧП при выборе приоритетов, обеспечивающих за счет мультипликативного эффекта ускорение экономического роста.

Литература

1. Абалкин Л.И. Судьба России: связь времен. М.: ИЭ РАН, 2004.
2. Корнаи Я. Путь к свободной экономике: десять лет спустя // Вопросы экономики. 2000. №12.
3. Кульков В.В. В координатах смешанной экономики. М., 1994.
4. Зельднер А.Г. и др. Государство и экономика: факторы роста. М. Наука. 2003.
5. Мао Тяньцзы. Китай и Россия: развитие экономических реформ. М.: Наука, 2003.
6. Пивоварова Э.П. «Смешанная экономика» как результат рыночных преобразований в КНР // Экономическое возрождение России. 2008. №1.
7. Мау В., Улюкаев А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. 2014. №11.
8. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. №12.
9. Самуэльсон П. Экономикс. М., 1964.

A.G. ZELDNER

doctor habilitatus in economics, professor , chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
zeldner@inecon.ru

RECOVERY FROM THE CRISIS: CONSENSUS OF BUSINESS AND THE STATE IN A MODEL OF MIXED ECONOMY

This paper analyzes the causes of the crisis of the Russian economy, demonstrates the necessity to transition to a mixed-economy model based on PPP, shows the experience of developed countries.

Keywords: *development models, economy, crisis, transformation, efficiency.*

JEL: O10, P13.

¹⁴ Парето-оптимум означает ситуацию, при которой нельзя улучшить благосостояние ни одного участника, не ухудшив при этом благосостояние другого.

А.А. ВОЛОШИНСКАЯ

старший научный сотрудник лаборатории экономики знаний ИПЭИ
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

В.М. КОМАРОВ

кандидат экономических наук, заведующий лабораторией экономики
знаний ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Работа посвящена изучению международного опыта совершенствования системы государственного управления и возможности его применения в России. Проведен анализ нового тренда в государственном регулировании – разработки доказательной государственной политики. Исследованы основные преимущества и недостатки доказательной политики, разработаны рекомендации для улучшения механизма принятия решений органами государственной власти в России.

Ключевые слова: *государственное управление, доказательная государственная политика, методология, доказательство, оценка регулирующего воздействия.*

JEL: H10, H11, B40, L50.

Доказательная государственная политика: общая характеристика

За последнее десятилетие в развитых странах мира широко распространился новый подход к совершенствованию системы государственного и муниципального управления, в основе которого – разработка и реализация так называемой «доказательной государственной политики» (далее – ДГП), или «государственной политики, основанной на доказательствах» (от англ. «evidence-based policy», ЕВР, или «evidence-based policy-making», ЕВРМ). Данный подход предполагает обоснование предлагаемых вариантов нормативно-правового регулирования, отдельных мер и мероприятий социально-экономической политики с помощью результатов научных исследований, научно обоснованных

фактов и широкой доказательной базы. Применение «доказательного подхода» призвано повысить качество государственного управления, преодолеть субъективизм и идеологическую ангажированность разработчиков мер и инструментов государственной политики [1].

Впервые термин «доказательно-обоснованный» (или «подкрепленный доказательствами», от англ. «evidence-based») предложил в 1990 г. Дэвид М. Эдди применительно к медицинской практике [2]. И уже в 1990-х годах получает широкое распространение доказательный подход в медицине (от англ. «evidence-based medicine», «медицина, основанная на доказательствах») – подход, предполагающий, что решения о лечебных мероприятиях принимаются исходя из имеющихся доказательств их эффективности и безопасности. На сегодняшний день «доказательность» как универсальный подход широко применяется не только в сфере государственной политики, но и в управлении, консалтинге, психологии, образовании и в других сферах [3]. Разработка доказательной государственной политики становится долгосрочным императивом повышения качества государственного управления в мире¹ [4].

Как правило, при проведении доказательной государственной политики создается теоретическая модель; на основе этой модели предлагается объяснение, почему предложенная мера будет эффективной и к каким именно результатам она приведет. Рассмотрению подлежат прямые и косвенные эффекты от реализации мер, а также альтернативные варианты достижения поставленных целей, в том числе вариант отсутствия государственного вмешательства. Далее, для выбранных вариантов мер сравниваются выгоды от их реализации и расходы на их осуществление (учитываются прямые и косвенные издержки, отрицательные внешние эффекты). Результаты расчетов должны быть публичными, доступными для проверки и пересчета третьими лицами. Зачастую проведению исследований мешает отсутствие достоверной статистической базы, что вынуждает искать другие способы обоснования принимаемых решений (социологические опросы, экспертные оценки и т.п.). Поэтому неотъемлемым элементом доказательной государственной политики является формирование широкой доказательной базы, накопление, систематизация и интерпретация статистических и иных данных, включая анализ эффективности уже реализованных мер.

¹ Отметим, что в США данный подход отмечен президентом в бюджетном послании 2014 финансового года. См. подробнее: Building the Evidence Base for What Works // www.whitehouse.gov, Веб-сайт Белого дома. Дата обновления: 17.12.2013. <http://www.whitehouse.gov/blog/2013/12/17/building-evidence-base-what-works> (дата обращения: 17.02.2015).

В целом доказательный подход успешно применяется на всех этапах разработки и реализации государственной политики [5, с. 5–6]. На начальном этапе, когда ставится задача о необходимости государственного вмешательства, научные данные призваны обосновать масштабы существующей проблемы (например, растущего уровня загруженности дорог) и донести до лиц, принимающих решения, необходимость работы в данном направлении. Далее, на этапах целеполагания (формулировка целей и задач) и сравнения вариантов достижения поставленных целей с помощью научных данных можно определить альтернативные варианты государственной политики и выбрать из них наилучший. Во многих странах это реализуется через установленную законом процедуру «оценки воздействия» (от англ. «impact assessment», аналог в русском языке – «оценка регулирующего воздействия», ОРВ). На этапе детальной проработки предложенных мер использование научного метода позволяет углубленно изучить выбранный вариант достижения поставленных целей.

Далее, на этапе реализации и мониторинга доказательная государственная политика применяется для осуществления объективного и независимого мониторинга, обоснования необходимых корректировок, организации эффективной обратной связи. Наконец, на заключительном этапе, при анализе достигнутого результата, данный подход может быть полезен для определения общей эффективности реализованной инициативы – эта информация может пригодиться для корректировки будущих решений и формирования базы лучших практик для их последующего тиражирования.

Методология доказательной государственной политики

В настоящее время методология доказательной политики продолжает активно развиваться: в теоретической литературе широко обсуждается вопрос о том, что представляет собой доказательный подход на практике [6], изучаются лучшие практики применения подхода [7], анализируются его методологические проблемы [8].

Вместе с тем ряд исследователей высказывается о возможностях использования доказательного подхода применительно к государственной политике достаточно скептически. Так, в одной из последних работ [9] была обоснована несостоятельность доказательного подхода в таких сферах, как регулирование цен на алкоголь, запрет курения в общественных местах, сохранение климата и повышение для общества уровня удовлетворенности жизнью. Некоторые авторы указывают на несостоятельность самой идеи возможности строгого доказательства применительно к традиционным сферам гуманитарных наук и предлагают использовать комплексный подход, включающий доказательный подход только в качестве одного из элементов [1].

Однако в целом, несмотря на широкую дискуссию о сильных и слабых сторонах доказательной государственной политики, данный подход становится все более распространенным и вызывает все больший интерес [10].

По нашему мнению, основным дискуссионным вопросом доказательного подхода является вопрос о «статусе» обоснования. Насколько строгим должно быть обоснование, если мы имеем дело с реальной ситуацией, а не с абстрактной теоретической моделью? Насколько выводы, полученные при анализе теоретической модели, применимы к сфере реальной государственной политики, и что в таком случае можно понимать под «доказательством»?

Сторонники доказательной государственной политики считают, что термин «доказательство», понимаемый в логике, математике, физике или юриспруденции, – это идеал, к которому необходимо стремиться и в сфере социально-экономических отношений. Однако при разработке доказательной политики под термином «доказательство» в большинстве случаев понимается «обоснование» или «подкрепление фактами».

Проанализировав обоснования, применяемые в качестве доказательств (в вышеупомянутом значении данного слова) при разработке государственной политики, мы условно разделили их на три группы:

- факты и результаты научных экспериментов (объективные научные данные);
- результаты изучения общественного мнения (коллективный интеллект);
- неофициальные и экспертные данные (экспертное мнение).

В работе S. Campbell, S Benita, E. Coates, P Davies, G. Penn, [6] приведена более развернутая классификация обоснований, однако все предложенные авторами типы обоснований можно отнести к одной из трех предложенных нами групп. Так, к первой группе можно отнести доказательства в традиционном научном смысле этого слова – результаты научных исследований и экспериментов, результаты пилотных проектов, выявленные закономерности, статистические и количественные данные, результаты мета-анализа применения «лучших практик», результаты использования группы методов «большие данные» и другие.

Как показал результат недавнего опроса², данные виды обоснований, особенно научные исследования, считаются наиболее надежными и объективными доказательствами и широко применяются на практике [6]. Сведения, полученные на основе изучения международного опыта, также считаются достаточно надежными при условии адапта-

² По результатам опроса 42 политиков и чиновников высшего и среднего звена, работающих в 10 правительственных департаментах Шотландии и Уэльса.

ции международного опыта к местным условиям. Вместе с тем обоснования первой группы эффективны только в том случае, если разработчики государственной политики могут правильно интерпретировать полученные результаты: ценностные и мировоззренческие установки могут стать барьером на пути объяснения результатов эксперимента [6, с. 22–23].

Вторая группа обоснований не имеет под собой строгой научной основы, но тем не менее также часто используется на практике. Сюда можно включить консультации с заинтересованными сторонами, в том числе с представителями гражданского общества, результаты онлайн-голосований, опросы и изучения общественного мнения, результаты исследований в фокус-группах и полевых исследований – все это помогает лучше выявить общественные предпочтения. В то же время, как правило, возникают сомнения в методах проведения подобных исследований и качестве полученных данных. Проблема состоит в том, что методика проведения публичных консультаций или изучения общественного мнения может оказать существенное влияние на полученный результат и дать широкие возможности для манипулирования. При проведении опроса общественного мнения можно некорректно поставить вопрос, для изучения мнения экспертного сообщества пригласить только лояльных экспертов, позиция которых известна заранее [6].

Наконец, к третьей группе обоснований, используемых время от времени в доказательной государственной политике, относятся так называемые «неофициальные данные» – практический опыт лиц, принимающих решения, мнения отдельных экспертов и чиновников. По мнению широкого круга исследователей, «неофициальные данные» не могут служить «доказательством», даже в самом широком понимании данного слова. Тем не менее они могут эффективно дополнять обоснования первой и второй групп [6].

Таким образом, при обсуждении методологии доказательного подхода неизбежно возникают философско-мировоззренческие вопросы, характерные для методологии гуманитарных наук и экономической науки в целом, в частности, субъективность интерпретации, эндогенность, потенциальная опровержимость (фальсифицируемость), сочетание позитивного и нормативного, строгость обоснования при использовании научного метода [11].

Инструменты доказательной государственной политики

Разные типы данных, используемых в качестве обоснований для разработки доказательной государственной политики, требуют применения широкого комплекса инструментов. Инструменты ДПП, по нашему мнению, можно условно разделить на три группы:

- инструменты для формирования доказательной базы, сбора информации и формирования баз данных;
- инструменты для оперативного извлечения нужной информации и ее применения на практике (систематизированные базы данных, руководства и разъяснения по реализации доказательного подхода, сборники лучших практик);
- инструменты для реализации полного цикла доказательной политики (официально утвержденные процедуры – целеполагание, оценка регулирующего воздействия, оценка эффективности принятых законов и т.п.).

К инструментам формирования доказательной базы можно отнести результаты научных исследований, специализированные статистические обследования, опросы общественного мнения и т.п. В эту группу, по нашему мнению, можно включить и публикацию так называемых «открытых государственных данных».

Поскольку имеющиеся данные необходимо систематизировать и представить в удобном для пользователей виде, не менее важную роль играют и инструменты для представления и оперативного извлечения собранной информации – электронные базы данных, статистические справочники, аналитические доклады и т.п.

Среди инструментов для реализации полного цикла доказательной политики можно выделить включение в законодательную практику Евросоюза процедуры «оценки воздействия»³ (от англ. «impact assessment», IA)⁴, которая проводится как на этапе разработки нового закона, так и по итогам его реализации. Важно упомянуть также интернет-порталы совместной работы власти и общества (например, портал «Российская общественная инициатива»), которые позволяют представителям гражданского общества обосновывать выдвигаемые ими инициативы.

Интересно отметить, что существующая в разных странах нормативно-правовая база для проведения ОРВ может как включать положения, обязывающие проводить оценку на основе доказательного подхода (например, это реализовано на уровне Евросоюза), так и не включать таких положений⁵. В то же время в теоретической лите-

³ European Commission. Impact Assessment Guidelines. 2009. P. 4.

⁴ В России используется термин «оценка регулирующего воздействия» (ОРВ), в ОЭСР – «анализ регулирующего воздействия» (от англ. «regulatory impact analysis»), в США и Великобритании – «оценка регулирующего воздействия» (от англ. «regulatory impact assessment»). См. подробнее: OECD. A Review of Impact Assessment Systems in selected OECD countries and the European Commission. 2012. P. 23, 25–27.

⁵ Самым очевидным примером здесь является процедура ОРВ в России, проведение которой не предполагает сравнение альтернатив и использование статистических данных.

ратуре подчеркивается, что данная процедура должна быть основана только на проведении научного анализа. Так, Мэтью Кашмор, изучая взаимосвязь между традиционной наукой и ОРВ, рассматривает оценку экологического воздействия (один из видов ОРВ) одновременно как отрасль прикладной и гражданской науки [12, с. 408]. В первом случае проведение ОРВ должно быть основано на научном методе и должно полностью представлять собой «рациональный процесс поиска объективной реальности». Рассматривая ОРВ как отрасль гражданской науки⁶, автор отмечает, что ОРВ не может не учитывать всех обстоятельств законотворческого процесса, проходящего в сжатые сроки в обстановке идеологических дискуссий и конфликта интересов. Поэтому не всегда стоит ожидать от результатов ОРВ той же степени научной строгости и объективности, которая присутствует в академических исследованиях [12, с. 408].

Ограничения и преимущества доказательной политики

Реализация доказательного подхода в сфере государственной политики имеет ряд ограничений, обусловленных как субъективными, так и объективными факторами.

Во-первых, это сохраняющаяся субъективность подхода: анализ собранных данных, разработку мер и инструментов регулирования проводят люди, которые могут быть подвержены политическому либо идеологическому влиянию, преследовать собственные интересы или иметь предубеждения, мешающие им увидеть истину [5, с. 7–8]. На разработчиков также могут оказывать влияние общественное мнение, корпоративная культура, жесткие временные рамки, ценности и идеология, а также прямое давление властей и групп специальных интересов [13, с. 41–48].

Даже если абстрагироваться от возможности фальсификации доказательств, результаты анализа могут быть неоднозначными, что позволяет их использовать для обоснования диаметрально противоположных подходов и мер. Более того, зачастую доказательства могут вообще не поддаваться объяснению. Доказательная база может быть противоречивой и неточной из-за ограничений методики сбора данных, отсутствия учета специфики конкретной территории или наличия объективных факторов, количественное влияние которых оценить не представляется возможным [5, с. 4–5].

Во-вторых, в рамках доказательной политики не всегда возможно определить стратегические цели регулирования, то есть провести

⁶ То есть науки, подразумевающей привлечение к проведению научных исследований ученых-любителей и добровольцев.

целеполагание, на основе которого будет развернута система целей, задач и мероприятий. В большинстве случаев реализация ДГП только помогает наметить наиболее эффективные пути достижения уже поставленных целей и задач. Таким образом, если цели государственной политики изначально были поставлены неверно, реализация ДГП может оказаться бесполезной или даже нанести обществу существенный ущерб [13, с. 45].

В-третьих, доказательства сами по себе еще не могут обеспечить реализацию какого-либо варианта регулирования. В реальности часто нужно действовать в условиях временного цейтнота, ограниченных ресурсов и ограниченных возможностей исполнительной власти, наличия заинтересованных сторон и лоббистских групп, неблагоприятной макроэкономической ситуации и других факторов, которые могут затруднить реализацию даже самых продуманных решений.

Кроме того, лица, принимающие решения, должны обладать необходимыми навыками и компетенциями для применения полученных результатов научного анализа, что далеко не всегда имеет место на практике [6, с. 9–10, 34]. В одном из последних исследований были обнаружены многочисленные ошибки лиц, принимающих решения, при применении доказательного подхода: не был учтен эффект замещения при введении минимальной цены на алкоголь, игнорирование расходов, связанных с введением регулирования, принятие мер для сокращения выбросов парниковых газов, которые не могут изменить ситуацию в глобальном масштабе и т.д. [9, с. 11–13, 21–23, 66–95]. Поэтому нельзя не признать, что реальная ситуация далека от так называемой предпосылки «полной рациональности» неоклассического подхода.

В-четвертых, доказательный подход оказывается эффективным только в том случае, если он применяется на всех этапах жизненного цикла, то есть в том случае, если в стране реализован полный жизненный цикл разработки и реализации государственной политики.

И, наконец, если в целом система управления в стране неэффективна и забюрократизирована, значительна роль лоббирующих групп или отсутствует подотчетность государственного аппарата перед обществом, то даже эффективное подкрепление государственной политики научно обоснованными данными вряд ли может кардинально изменить ситуацию.

Несмотря на указные слабые стороны подхода, проведение доказательной государственной политики может обеспечивать широкий ряд преимуществ, среди которых:

- совершенствование механизма принятия решений, повышение качества и эффективности нормативно-правового регулирования;
- повышение эффективности государственных расходов и более эффективное предоставление общественных благ;

- минимизация рисков и отказ от принятия решений, имеющих существенные негативные последствия;
- учет альтернативных издержек, в том числе учет экологической составляющей;
- консолидация позиции общества по важнейшим решениям и т.д.

Но основное преимущество доказательного подхода, по нашему мнению, состоит в следующем: если научное обоснование принимаемых мер публично и объективно, то у граждан появляется больше шансов отстоять общественные интересы, нивелировать влияние лоббистских групп и снизить риски заведомо ошибочных решений.

Возможности применения доказательной политики в России

По нашему мнению, включение доказательного подхода в систему государственного и муниципального управления в России может идти по трем основным направлениям, соответствующим предложенной нами выше классификации инструментов ДГП:

а) совершенствование действующих процедур разработки законодательства и внедрение полного цикла разработки доказательной политики, в том числе совершенствование процедуры ОРВ нормативно-правовых актов (далее – НПА), и других процедур для обоснования НПА;

б) формирование базы знаний о лучших практиках доказательной политики в России и в мире, подготовка инструкций и методических рекомендаций для лиц, принимающих решения;

в) совершенствование работы Открытого правительства и интернет-порталов для совместной работы власти и общества с тем, чтобы общество могло шире использовать объективные данные при выработке предложений для государственной власти.

Рассмотрим предложенные направления более подробно.

Анализ действующих процедур разработки законодательства показывает, что на сегодняшний день в России складывается парадоксальная картина: самые дорогостоящие расходы федерального бюджета проходят финансово-экономическое обоснование (ФЭО), но не всестороннюю оценку ожидаемых последствий, в том числе социальных и экологических эффектов. ФЭО, в свою очередь, в явном виде не предусматривает анализ возможных альтернатив или применение научного метода и описывает только движение финансовых потоков – повлечет ли реализация принятых мер дополнительные расходы федерального бюджета? Эффективность государственных программ, через которые распределяется более половины средств федерального бюджета, оценивается только постфактум Счетной

палатой России⁷. При этом заключение об оценке эффективности государственной программы касается преимущественно выделения и целевого использования бюджетных средств, а не эффективности выбранных направлений расходования средств, мероприятий государственных программ как таковых с учетом возможных альтернатив и внешних эффектов и т.п.

Существующая процедура ОРВ в России предполагает проведение оценки НПА на стадии его разработки: на официальном портале regulation.gov.ru размещаются проекты НПА, подлежащие ОРВ⁸. Однако даже беглый сравнительный анализ ОРВ в России и аналогичных процедур за рубежом⁹ позволяет сделать вывод о кардинальных различиях в практике применения этой процедуры. В международной практике в ходе ОРВ, как правило, оцениваются возможные экономические, социальные и экологические последствия инициативы. В России предметом ОРВ является только административное, налоговое и таможенное бремя для бизнеса. За рубежом ОРВ проходят только решения, имеющие значимые для общества последствия, в России же круг оцениваемых НПА крайне широк¹⁰. За рубежом объем отчета об ОРВ занимает несколько десятков страниц, представляя собой серьезный научно обоснованный анализ нескольких вариантов действий, а также варианта «все остается, как есть»; российский сводный отчет, за редким исключением, представляет собой короткую структурированную пояснительную записку.

Невысокую эффективность института ОРВ в России подтверждает и тот факт, что обсуждение размещенных на официальном сайте проектов НПА практически не ведется, то есть бизнес-сообщество не проявляет значительного интереса к участию в процедуре ОРВ.

В этой связи предлагается внести в действующее законодательство ряд изменений, призванных приблизить ОРВ к мировым стандартам и сделать ОРВ реальным инструментом доказательной политики:

⁷ Веб-сайт Счетной палаты Российской Федерации, раздел Деятельность / Аудит федерального бюджета. <http://audit.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/> (дата обращения: 17.02.2015).

⁸ О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 г. № 1318 // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 52, ст. 7491.

⁹ См. подробнее: European Commission. Impact Assessment Guidelines. 2009. С. 6.

¹⁰ По данным портала regulation.gov.ru по состоянию на начало 2015 г. процедуру ОРВ проходили более 2000 проектов НПА.

сократить количество НПА, которые должны проходить через процедуру ОРВ и ввести ОРВ для государственных инициатив, имеющих наиболее важные для общества последствия. Кроме того, представляется важным рассматривать в оценочном отчете альтернативные варианты регулирования, указывать источники данных для независимой проверки вычислений, предоставлять комментарии по сути проекта НПА и его последствий в форме, понятной для бизнеса и гражданского общества.

Стоит отметить, что работа по совершенствованию института ОРВ уже началась¹¹: так, в 2015 г. предметная область ОРВ была расширена, введено заполнение сводных отчетов в зависимости от степени регулирующего воздействия законопроекта и т.д. (Изменения вступают в силу с 1 июля 2015 г.). Вместе с тем, даже с учетом последних изменений законодательства, процедура ОРВ в России по-прежнему будет существенно отличаться от мировых практик и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Второе направление внедрения доказательного подхода в России – это создание полноценной аналитической поддержки разработчиков НПА: разработка методических рекомендаций и инструкций, создание публичных баз данных для различных сфер государственной политики, создание каталогов и баз лучших практик доказательной политики в России и мире. Большинство подобных баз данных должны быть общедоступными и наполняться любым желающим, но с обязательной ссылкой на достоверный источник данных (аналогично Википедии). Например, для более взвешенного принятия решений в части решения транспортных проблем можно формировать базы данных о сравнительной эффективности различных видов общественного транспорта и лучших практиках решения транспортных проблем городов мира.

В рамках третьего направления – совершенствования работы Открытого правительства и интернет-порталов для совместной работы власти и общества и т.п. – предлагается шире привлекать общественные знания, коллективный интеллект к процессу принятия и реализации решений, например, для разработки и реализации стратегий развития регионов и территорий, разработки проектов значимых для общества НПА. Одним из возможных решений является встраивание интернет-площадок для организации коллективных действий

¹¹ О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30.01.2015 г. №83 // Министерство экономического развития Российской Федерации. 04.02.2015. <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/ria/info/lib/201502041> (дата обращения: 18.02.2015).

в систему государственного и муниципального управления. Например, портал «Наш город» уже активно используется для оперативного сбора данных, которые могут применяться как при разработке, так и при реализации и мониторинге мер и инструментов государственной или муниципальной политики. Обоснования выбора той или иной альтернативы, подбор доказательной базы также может проводиться заинтересованными лицами дистанционно и добровольно.

Подводя итог сказанному выше, можно сделать вывод о том, что внедрение в России полноценной системы доказательной государственной политики может стать одним из важнейших шагов для повышения качества системы государственного управления и перехода к «новой модели роста», что особенно актуально в современной кризисной ситуации. Но нужно особо подчеркнуть, что в России доказательная политика приобретет практическую значимость только в том случае, если анализ будет проводиться максимально открыто для общества. Публичность позволит преодолеть асимметрию информации между обществом и государством, обеспечить эффективный общественный контроль над лоббистскими структурами и группами специальных интересов, сократить риски оппортунистического поведения и избежать возможных ошибок.

Литература

1. *Marchi G. De, Lucertini G., Tsoukias A.* From Evidence-Based Policy-Making to Policy Analytics. 2012. In: Working Papers. RePEc: hal: wpa-per: hal-00875488.
2. *Eddy D.M.* Practice Policies – Where Do They Come from. 1990. // Journal of the American Medical Association 263: 1265, 1269, 1272, 1275. Doi:10.1001/jama.263.9.1265.
3. *Pfeffer J., Sutton R.I.* Book Review and Commentary on Evidence-Based Management: Hard Facts, Dangerous Half-Truths and Total Nonsense: Profiting from Evidence-Based Management. Harvard Business Press. 2006.
4. *Liebman J.B.* Building on Recent Advances in Evidence-Based Policy-making. Brookings Institute. 2013. – 36 p.
5. *Sutcliffe S., Court J.* Evidence-Based Policymaking: What is it? How does it work? What relevance for developing countries? London: ODI, 2005.
6. *Campbell S., Benita S., Coates E., Davies P., Penn G.* Analysis for policy: evidence-based policy in practice. London: Government Social Research Unit, 2007.
7. *Lenihan A.* Lessons from abroad: International approaches to promoting evidence-Based social policy. London: Alliance for Useful Evidence. 2013.

8. Marks D.F. Perspectives on evidence-based practice. London: Health Development Agency, 2002.
9. White J. Quack Policy Abusing Science in the Cause of Paternalism. London: The Institute of Economic Affairs, 2013.
10. Newman K., Capillo A., Famurewa A., Nath C., Siyanbola W. What is the evidence on evidence-informed policy making? Lessons from the International Conference on Evidence Informed Policy Making. UK, Oxford: International Network for the Availability of Scientific Publications (INASP), 2013.
11. Блауз М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / Пер. с англ. Ю. В. Автономова. М.: НПО Журнал «Вопросы экономики», 2004.
12. Cashmore M. The role of science in environmental impact assessment: process and procedure versus purpose in the development of theory// Environmental Impact Assessment Review. 2004. 24. P. 403–426.
13. Evidence-based policy research: critical review of some international programmes on relationships between social science research and policy-making. Federal University of Bahia, Brazil // Policy Papers, 2009. №18.

A.A. VOLOSHINSKAYA

senior research fellow of the laboratory of knowledge economy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
voloshinskaya-aa@ranepa.ru

V.M. KOMAROV

PhD in economics, head of the laboratory of knowledge economy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
komarov-vm@ranepa.ru

EVIDENCE-BASED POLICY: PROBLEMS AND PROSPECTS

The authors study the international government regulation experience and its application to the Russian legislative practice. They discuss evidence-based policy as a new trend in government regulation and define its basic advantages and disadvantages, finally proposing recommendations to improve the legislative process in Russia.

Keywords: *public administration, evidence-based policy, methodology, evidence, impact assessment.*

JEL: H0, H11, B40, L50.

И.В. СОБОЛЕВА
доктор экономических наук, руководитель центра
Института экономики РАН

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы реформирования сферы образования. С учетом особенностей образования как социального блага обоснована необходимость существенного ограничения действия рыночных регуляторов в этой сфере. Особое внимание уделено проблеме расхождения траекторий развития образования и структуры спроса на труд. Автор исследует возможные подходы к преодолению диспропорций и предлагает механизмы коррекции сложившейся ситуации на современном витке реформы образования.

Ключевые слова: образование, инвестиции, потребность, человеческий капитал, эрозия качества, структурный дисбаланс, социальная мобильность.

JEL: I210, I280, J210, J230, J240.

Одним из ключевых элементов социальной политики является поддержка сферы образования. Производимые здесь блага удовлетворяют важнейшие потребности человека, значение и доля которых в общем спектре потребностей неуклонно растет. Продукт сферы образования не только обладает самостоятельной ценностью для непосредственных потребителей, но и представляет собой инвестиции, способные накапливаться и приносить экономическую и социальную отдачу в будущем. Наличие позитивного внешнего эффекта и длительный период окупаемости таких инвестиций диктуют необходимость существенного ограничения действия рыночных регуляторов. При опоре на рынок траектории развития системы образования расходятся с объективными потребностями экономики и общества, она начинает работать «вхолостую», попусту растрачивая вложенные ресурсы.

Эта проблема как нельзя остро дает о себе знать сегодня в России. Если на старте трансформационных процессов качество отечественного человеческого капитала практически безоговорочно признавалось важнейшим конкурентным преимуществом национальной экономики, то сегодня и эксперты, и работодатели, на практике сталкива-

ющиеся с «продуктом» системы образования, в один голос твердят об ухудшении его качества. Недавно разработанный Всемирным экономическим форумом индекс человеческого капитала [10] ставит Россию на 51 место из 122 стран. Международные эксперты в лучшем случае говорят об «оставшемся с советских времен наследстве человеческого капитала» [7, р. 104], в худшем – о «кризисе человеческого капитала в России» [8, р. 614–617].

Утрата страной лидирующих позиций и нарастание кризисных явлений в сфере образования во многом связаны с тем, что проводимая здесь государственная политика игнорирует особенности образования как социального блага, диктующие специфические механизмы его производства.

Особенности образования как социального блага

В сфере образования удовлетворяется «целый букет» различных индивидуальных и общественных потребностей, которые могут вступать в противоречие друг с другом и которые необходимо ранжировать (см. табл. 1). На индивидуальном уровне образование удовлетворяет, во-первых, естественную потребность человека в познании мира, развитии и самовыражении. Во-вторых, инструментальную потребность в приобретении полезных навыков и свойств, которые в будущем могут принести не только дополнительный доход, но и обширный спектр нематериальных выгод, связанных с возможностями карьерного и профессионального роста, условиями и содержанием труда, образом жизни, уважением окружающих, то есть в накоплении *человеческого капитала*. Существует также «второй круг» важных для индивида полезных эффектов образования, связанных с приобретением социальных связей и статусных характеристик.

Таблица 1

Потребности, удовлетворяемые в сфере образования

Общественные потребности	Индивидуальные потребности
1. Передача следующим поколениям знаний и навыков, связанных с освоением и применением новых знаний 2. Обеспечение экономики квалифицированными кадрами 3. Социализация, усвоение принятых ценностей и норм, интеграция в общественную жизнь 4. Повышение социальной мобильности	1. Познание мира, духовное обогащение, саморазвитие 2. Приобретение знаний, навыков, компетенций (накопление человеческого капитала) 2. Установление социальных связей (накопление социального капитала) 3. Приобретение формального статуса – аттестата, сертификата, диплома (накопление символического капитала)

К числу функций образования, удовлетворяющих общественные потребности, относятся передача следующим поколениям накопленного запаса знаний и навыков, усвоение принятых в обществе ценностей и норм, обеспечение социальной мобильности и укрепление социального единения, а также обеспечение экономики рабочей силой требуемого качества.

Масштабность и разнообразие спектра общественных и индивидуальных потребностей, удовлетворяемых посредством образования, диктуют необходимость вовлечения в эту сферу значительных ресурсов. Общепризнанной является точка зрения о недостаточности одних лишь государственных усилий для успешного развития этой сферы и необходимости ее многоканального финансирования. Однако в отношении того, каким образом такое финансирование должно быть организовано, существуют различные концепции.

Сегодня даже либеральное крыло российских экономистов вынуждено признать недостаточность государственных инвестиций в образование. В качестве целевого ориентира развития этой сферы ими выдвигается создание комфортных условий для удовлетворения платежеспособного спроса на образование со стороны относительно обеспеченных слоев российского общества. Такой подход основан на постулатах экономического мейнстрима, абсолютизирующих индивидуальный интерес и опору на рыночные механизмы, которые, как предполагается, в любой ситуации демонстрируют наибольшую эффективность.

Однако образование не является чисто рыночным благом. Издержки и выгоды его получения не могут быть полноценно рассмотрены в рамках неоклассической парадигмы. Мотивы инвестирования в образование имеют сложную структуру, определяются не только экономическими, но и социальными, культурными, психологическими факторами. От структуры индивидуальной мотивации (и соответственно структуры потребностей, на удовлетворение которых человек ориентируется при получении образования) во многом зависит результат обучения.

Получение образования представляет собой интерактивный процесс, который предполагает не только инвестирование материальных и финансовых ресурсов, но и значительный вклад собственного труда учащегося¹. Поэтому отдача от инвестиций в значительной степени зависит от факторов, лежащих на стороне обучаемого: его личных трудовых усилий и природных задатков. В последнем случае налицо

¹ Отметим, что на это обстоятельство указывал основоположник теории человеческого капитала Теодор Шульц, в целом рассуждавший в русле неоклассической парадигмы (См. [11. Р. 82–83]).

эффект дифференциальной ренты: подобно тому, как в сельском хозяйстве равные вложения капитала и труда дают разный урожай в зависимости от свойств земли, более одаренные студенты при равном объеме усилий достигают лучших результатов. Поэтому доступ к той или иной ступени образования должен быть либо свободный, либо на основе конкурсного отбора наиболее подходящих по индивидуальным характеристикам кандидатов. Наличие другого рода барьеров, связанных, например, с территориальной удаленностью, социальным статусом родителей или высокой оплатой обучения, которые затрудняют доступ к образованию выходцам из менее благополучных семей, выступает фактором, снижающим *внутреннюю эффективность* образовательного процесса.

Внешняя эффективность образования, его индивидуальная отдача и полезный эффект для общества в целом во многом зависят от того, в какой мере полученные в процессе обучения знания и навыки соответствуют народно-хозяйственной потребности, выраженной через спрос на труд со стороны работодателей. Даже если рассуждать в рыночной логике, следует обратить внимание на риски, связанные с тем, что решения об инвестировании в те или иные виды образования принимают экономические агенты, располагающие весьма ограниченной информацией о складывающейся в экономике структуре спроса на труд.

Расслоение школьного образования

Сокращение государственных инвестиций в образование на протяжении первого десятилетия реформ привело к ухудшению состояния материально-технической и кадровой базы отрасли. Этот процесс в наибольшей мере затронул массовые общеобразовательные школы, финансируемые преимущественно из местных бюджетов, которые обладали ограниченными возможностями самостоятельно зарабатывать средства через расширение коммерческих программ. В более благополучных регионах, особенно в столичных мегаполисах, привлечение средств населения и поддержка местных бюджетов позволили создать ограниченное число элитных школ, доступ в которые ограничен местом проживания, а также социальными связями и финансовыми возможностями родителей. Таким образом, школьники, проживающие в депрессивных регионах, малых городах и сельской местности поставлены в заведомо худшие условия при получении среднего образования, что снижает их шансы перехода на следующую ступень.

Существенным фактором снижения качества образования в массовой школе стала постепенная утрата стимулов к добросовестной работе как у преподавателей, так и у учащихся. Низкие заработки учителей заставляли их не только работать на полторы-две ставки, что

приводило к снижению качества уроков, но и строить учебный процесс таким образом, что значительная часть учащихся была не в состоянии усвоить материал на уроке. Это способствовало широкому распространению практики перекрестного репетиторства, которое за два десятилетия приобрело статус социальной нормы, пересмотр которой не может произойти «автоматически» в связи с некоторым повышением оплаты труда работников образования в последние годы.

В свою очередь старшеклассники утрачивают стимулы к усвоению знаний, так как вероятность успешного поступления в вуз все в большей мере зависит не от их личных усилий, а от платежеспособности и статуса семей. Тем самым происходит утрата традиционных, ассоциирующихся с советским прошлым нормативных установок, поддерживающих нормальное протекание учебного процесса. Уже на этапе школьного образования начинают действовать механизмы эрозии качества.

В отличие от высшего профессионального образования, где доля студентов, обучающихся на платной основе, устойчиво растет, коммерциализация школьного образования пока еще носит в основном скрытый характер. Тем не менее по оценкам, полученным на основе результатов мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ, более четверти совокупных инвестиций в школьное образование (26,7%) в 2012 г. составляли инвестиции домохозяйств. Средние затраты на обучение ребенка общеобразовательной школе в 2012 г. составили 32 тыс. руб. при их весьма высокой дифференциации по типам семей [6, с. 31].

Результаты исследования доступности качественного школьного образования, проведенного Национальным фондом подготовки кадров и Институтом социологии РАН, показали, что большая часть населения страны не имеет возможности получить полноценное школьное образование. В исследовании в зависимости от качества образования было выделено восемь кластеров школ. Если в первом кластере, объединяющем самые неблагополучные школы, 40% родителей указали, что получаемое детьми образование полностью бесплатно, то в восьмом кластере с наиболее высоким качеством образования соответствующая доля составила лишь около 10%. Более 10% школ элитного кластера оказывают образовательные услуги исключительно на платной основе, а еще 12% предполагают, по словам родителей, внесение платы при поступлении. Если ученик живет не в мегаполисе или хотя бы областном центре (где расположено подавляющее большинство хороших школ), а в маленьком городе или на селе, его шансы получить среднее образование на уровне, позволяющем успешно участвовать в конкурсных экзаменах для продолжения обучения на бесплатных отделениях вузов, близки к нулю [3, с. 51–52].

Таким образом, допуск коммерческих отношений в систему школьного образования способствует росту его дифференциации по

качеству производимых благ при снижении среднего уровня. Иными словами образование все хуже выполняет важнейшую общественную потребность в обеспечении социальной мобильности и укреплении социального единения. Неравенство закладывается уже на первых ступенях системы образования, на старте жизненного пути.

Деформации профессионального образования

После шокового сокращения загрузки системы высшего образования в начале 90-х годов прошлого века, на фоне сокращения государственного финансирования наблюдалось значительное расширение студенческого контингента. Рост охвата населения послешкольным образованием отражает объективные требования современного этапа социально-экономического развития и находится в русле мировых тенденций становления экономики знаний и повышения требований к интеллектуальным, общекультурным, творческим способностям человека. С точки зрения многих специалистов, первое высшее образование сегодня постепенно утрачивает характер профессионального и превращается в еще одну ступень общего образования, необходимую для усвоения общих сквозных компетенций, повышающих потенциал мобильности и адаптации к изменениям социально-экономической среды.

Эту позицию адвокаты неolibеральной реформы образования в России используют для оправдания расширения коммерческого сектора высшей школы. На протяжении последних двух десятилетий число вузов выросло более чем вдвое, в основном за счет бурного роста негосударственных учебных заведений, предоставляющих плат-

Таблица 2

Расширение системы высшего профессионального образования в РФ

	1990	2000	2005	2010	2011	2012
Число вузов	514	965	1068	1115	1080	1046
государственных	514	607	655	653	634	609
негосударственных	–	358	413	462	446	437
Численность студентов (тыс. чел.)	2825	4741	7065	7050	6490	6075
в государственных вузах	2825	4271	5985	5849	5454	5145
в негосударственных вузах	–	471	1079	1201	1036	930
Охват образованием*	–	50,1	68,0	91,1	80,0	90,0

*отношение численности принятых на первый курс студентов к численности возрастной когорты семнадцатилетних.

Источник: Росстат. www.gks.ru.

ные образовательные услуги (см. табл. 2). Сегодня высшим образованием охвачено подавляющее большинство молодежи и на первый взгляд кажется, что оно постепенно становится общедоступным благом, широко и демократично потребляемым всеми слоями населения. Между тем сочетание недостаточного финансирования, пассивности государства и ускоренной коммерциализации запускает механизмы эрозии качества в высшем профессиональном образовании.

Традиционно ведущим мотивом получения образования была потребность в приобретении знаний и навыков, развитии способностей, а формирование социальных связей и повышение формального статуса воспринималось как естественный сопутствующий результат. Именно такая иерархия мотивов была социально одобряемой и способствовала поддержанию высоких стандартов качества в системе образования. Ситуация, сложившаяся сегодня, формирует иную структуру индивидуальной мотивации.

Столкнувшись с растущим предложением выпускников вузов на рынке труда, работодатели активно используют наличие диплома о высшем образовании в качестве фильтра при приеме на работу. В этих условиях потребность в накоплении человеческого капитала уступает место потребности в капитале символическом, дающем требуемый формальный статус. Как показывают регулярные социологические опросы ИСПИ РАН, на протяжении последних пятнадцати лет доминирующим мотивом поступления в вуз устойчиво выступает получение диплома о высшем образовании [2]. Многие студенты сознательно выбирают более дешевое (по совокупности трудовых и финансовых затрат) образование, что означает прямую заинтересованность в низком качестве приобретаемой «образовательной услуги». Это стимулирует распространение мягких форм коррупции, связанных со снижением стандартов качества в системе массового высшего образования по обоюдному согласию производителя (образовательного учреждения) и потребителя (студента).

Таким образом, в системе коммерческого образования как производитель, так и потребитель «образовательных услуг» заинтересованы в снижении их качества. Отсюда массовые жалобы со стороны работодателей на качество подготовки выпускников – соискателей рабочих мест. Печальный итог подводится в докладе международной некоммерческой организации Freedom House: «В российской системе образования, когда-то по праву гордившейся тем, что она сумела обеспечить доступ к качественному разностороннему образованию, зависящий исключительно от способностей и академических успехов, сегодня процветает такая же коррупция, как и во многих других сферах российской жизни – от парковки автомобилей до открытия собственного бизнеса» [9].

Деформации спроса на труд

Народно-хозяйственная эффективность образования, т.е. его вклад в экономический рост, зависит от того, в какой мере приобретенные навыки и компетенции соответствуют потребностям экономики в работниках различного профиля, структуре спроса на труд.

При всей сложности конкретных проблем, сопряженных с определением перспективной потребности в кадрах, следует отметить, что главные болевые точки этой потребности сегодня хорошо известны. До 75% вакансий, заявленных в службы занятости, стабильно приходится на рабочие профессии и специальности, которые должна готовить система среднего профессионального образования. Известен и перечень дефицитных специальностей, регулярно предоставляемых в профильные министерства региональными службами занятости. Тем не менее не только высшее, но и среднее профессиональное образование упорно поставляет на рынок труда кадры, ни по структуре, ни по качественным характеристикам не отвечающие текущим потребностям работодателей, не говоря уже о перспективных. Данные Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом, показали, что в соответствии с полученной в системе формального профессионального образования специальностью работает менее половины занятого населения России. При этом соответствие смещено в направлении старших возрастных групп, начинавших свою профессиональную карьеру в дореформенный период (см. табл. 3).

Таблица 3

Соответствие полученного профессионального образования выполняемой работе различных групп респондентов

Степень соответствия	Доля		
	всех респондентов	до 29 лет	старше 60 лет
Соответствует	45,3	42,7	48,5
Частично соответствует	14,6	15,1	12,4
Не соответствует	39,6	42,0	38,8
из них			
получили переподготовку	38,7	41,0	24,7
не получили переподготовки	60,8	58,5	74,6

Источник: Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения. Росстат, 2012. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/tabl2.html

Происходит это потому, что рыночный механизм не реагирует на неподкрепленные финансированием общественные потребности. В связи с этим направления деятельности образовательных учреждений формируют те экономические агенты, от которых зависят перспективы их выживания и конкурентоспособности, – государство в мере, пропорциональной доле финансируемого им госзаказа, и индивидуальные потребители «образовательных услуг», оплачивающие услуги из собственного кармана, но имеющие слабое представление о реальных потребностях экономики. Голос работодателей принимается во внимание лишь в той мере, в которой они готовы финансировать образовательный процесс. В результате избыточный приток всех видов ресурсов в наиболее популярное у индивидуальных потребителей высшее образование обескровливает системы начального и среднего профессионального образования и усугубляет структурный дисбаланс на рынке труда (см. табл. 4).

Таблица 4

**Динамика выпуска специалистов учреждениями
профессионального образования РФ**

Уровень профессиональ- ного образования	Выпуск специалистов (индекс, 1990=100)								
	1995	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011	2012
Начальное профессиональное	66,1	60,0	58,6	55,7	53,4	47,5	45,6	40,6	38,0
Среднее профессиональное	74,5	91,1	105,0	110,1	109,9	105,4	98,4	89,1	83,6
Высшее	100,4	158,4	209,5	268,4	312,5	338,7	331,4	25,6	315,2

Источник: рассчитано по данным Росстата (Российский статистический ежегодник. 2003 г., 2009 г., 2013 г. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078)

Сегодня работодатели заявляют, что формальная система образования не готовит в нужном количестве, а часто не готовит вообще, необходимые им кадры. Поэтому вновь нанимаемых работников, если только у них не было опыта работы на аналогичном производстве, приходится переучивать или доучивать самостоятельно [1]. В свою очередь представители образовательных учреждений жалуются, что не имеют внятного заказа от работодателей в отношении профилей подготовки и наполнения учебных программ. В качестве одной из центральных проблем часто указывают несовершенство процедуры составления госзаказа, когда контрольные цифры приема на бюджетные места по различным профилям подготовки с минимальной коррекцией экстраполируются на будущий период и формально визируются представителями работодателей.

Однако даже грамотное формирование госзаказа в условиях, когда система высшего профессионального образования почти на две трети, а система среднего профобразования более чем на треть формируется за счет коммерческих студентов, не сможет развернуть совокупный профиль подготовки специалистов в направлении потребностей рынка труда. В отличие от корпоративных инвестиций в человеческий капитал, по природе своей ориентированных на потребность конкретных производств в работниках определенного профиля, направленность индивидуальных инвестиций иная. Сегодня молодежь делает социальный выбор в пользу высшего образования, экономико-юридических и гуманитарных специальностей, а расширение коммерческого сектора высшего образования делает этот выбор легко доступным практически для всех желающих.

Подходы к реформированию

Обостряющееся рассогласование системы профессионального образования и потребностей экономики заставляет работодателей признать необходимость своего активного участия в решении кадровых проблем. Сегодня работодатели (по крайней мере, на уровне инициатив РСПП и «Деловой России») готовы сотрудничать с государственными структурами в деле подготовки кадров для промышленных предприятий. Тем не менее работодатели единодушны во мнении, что их функции здесь вторичны, а ведущую роль должно играть государство.

Однако на протяжении двух десятилетий устойчивого недофинансирования сферы образования в обществе и экономике сформировалась система установок, институциональных правил и организационных структур, препятствующая ограничению коммерческих отношений и схем. В этих условиях можно предложить несколько работоспособных, на наш взгляд, механизмов коррекции сложившейся ситуации и тех подходов, которые применялись и продолжают применяться на очередном витке реформы образования.

Во-первых, это разработка прогнозов перспективной потребности в кадрах для практического использования населением при принятии решения о выборе профессии и/или сферы деятельности. В этой связи заслуживает внимание опыт США – страны, лидирующей по объему ресурсов, вкладываемых в прогнозирование тенденций развития рынка труда. Данные прогнозы ориентированы прежде всего на потенциальных соискателей рабочих мест и могут использоваться широким кругом индивидуальных пользователей.

Следует отметить, что сформированная на сегодняшний день практически поголовная ориентация молодого поколения россиян на обучение в вузе контрастирует с ситуацией во многих развитых странах,

где значительная часть молодежи сознательно выбирает прикладные профессии и специальности, получаемые на базе среднего профессионального образования. Вопреки распространенному мнению, сложившаяся в России структура индивидуальных предпочтений вовсе не является незыблемой реальностью, на которую невозможно повлиять. Так, по данным Департамента образования г. Москвы, в столичном регионе на фоне роста заработных плат представителей рабочих профессий и среднего технического персонала в настоящее время фиксируется поворот менталитета: с 10 до 20% выросла доля родителей, согласных на обучение своих детей в колледже, а не в вузе.

Во-вторых, необходима система независимой оценки качества профессионального образования с подсистемой распознавания и присвоения квалификации (независимой сертификации), которой доверяли бы работодатели. Проблема дефицита доверия постоянно дает о себе знать при рассмотрении самых разных аспектов реформирования образования. Работодатели относятся с подозрением к инициативам государства, крайне неохотно делятся производственной информацией, что создает проблемы с прохождением студентами производственной практики, не доверяют квалификационным сертификатам образовательных учреждений.

Следует специально подчеркнуть, что в связи с особым характером производимых благ в сфере образования развитие конкуренции между учебными заведениями может не только не поддерживать стандарты качества, но и способно оказывать прямо противоположный эффект. Убеждение, что качество образования растет за счет конкуренции между вузами, основано на ложной предпосылке о достаточной информированности и компетентности потребителей образовательных услуг. Однако образование – сложный продукт, обладающий к тому же отложенным эффектом проверки. Оно принадлежит к числу так называемых доверительных благ, качество которых потребитель не способен грамотно оценить при покупке. На рынках таких благ возрастает опасность недобросовестной конкуренции со стороны поставщиков (в данном случае образовательных учреждений), проявляющейся в так называемом оппортунистическом поведении, например, в предоставлении ими ложной информации, заведомо невыполнимых обещаний для достижения своих интересов [5].

В-третьих, следует пересмотреть подходы к оплате труда учителя. Сегодня широко апробируются разнообразные стимулирующие системы оплаты труда в социальных отраслях, в сфере образования. Однако в творческих видах деятельности, к которым относится труд учителей, действует сильная незарплатная мотивация к труду. Поэтому стимулирующая функция заработной платы здесь менее актуальна, чем, например, в массовых профессиях материального произ-

водства. На первый план выходит ее воспроизводственная функция. Зарплату не нужно пытаться как можно точнее увязать с сиюминутными результатами деятельности или колебаниями нагрузки – она должна быть достаточной для нормального воспроизводства работника. В терминологии Международной организации труда зарплата является достойной, когда обеспечивает возможность удовлетворения потребностей, необходимых для поддержания в нормальном состоянии сложной рабочей силы.

Смещение акцентов на стимулирующую функцию зарплаты приводит к тому, что значительная часть совокупных трудовых усилий используется непроизводительно, не на выполнение основных функций и прямых обязанностей, а на то, чтобы наилучшим образом представить свои достижения и результаты трудовой деятельности. В итоге выигрывают работники, которые перераспределяют свой фонд времени с основных функций на представительские, и как следствие, возникает нездоровая конкуренция, ухудшающая атмосферу в педагогических коллективах.

За лозунгом о необходимости повышения производительности труда в бюджетной сфере скрывается призыв к повышению его интенсивности, успешно реализуемый в связи с президентским посылом о доведении средней заработной платы педагогов до средней по региону. По данным экспертного опроса Аналитического центра при Правительстве РФ о последствиях принятия нового закона «Об образовании в Российской Федерации» [4], рост заработной платы школьных учителей в основном достигнут за счет роста нагрузки. При работе на 1 ставку получить заработную плату на уровне средней зарплаты по региону невозможно. Школьные учителя вынуждены работать на 1,5, а часто и на 2 ставки. Однако рост интенсивности труда чреват снижением его качества. Это особенно опасно в творческих видах деятельности, где производится нестандартный неосязаемый продукт, качество которого сложно напрямую оценить и контролировать, что в полной мере относится к образованию. В экономической теории есть понятие «эффективной заработной платы», под которой понимается зарплата достаточно высокая для того, чтобы заставить работника дорожить своим рабочим местом. Эффективная зарплата применяется там, где внешний контроль по отношению к работнику применить трудно. В образовании результат труда зависит прежде всего от уровня профессионализма педагога – его-то и надо измерять и стимулировать, устанавливая градации качества, лежащие в основе дифференциации уровней заработной платы, гарантированной работнику при условии добросовестного выполнения своих обязанностей.

В-четвертых, необходимо существенно расширить возможности продолжения образования на разных этапах трудовой жизни. Сегодня

общемировая тенденция состоит в том, что полученные на этапе первичного (базового) профессионального образования знания, навыки и компетенции устаревают достаточно быстро. Периодически обостряется несовпадение профессиональных характеристик, которыми обладают работники, и потребностей работодателей. Основным механизмом преодоления этого дисбаланса является развитие инфраструктуры непрерывного (вторичного) образования. Именно оно является наиболее перспективной «нишей коммерциализации», в пределах которой рыночные отношения способны существовать естественно и органично.

Сегодня в России система вторичного профессионального образования развита очень слабо. Методики и механизмы развития этого сектора в дефиците, институциональная и финансовая поддержка со стороны государственных структур и бизнеса практически отсутствует. С учетом перспективы расширения спроса со стороны взрослого населения на обновление профессиональных компетенций целесообразно постепенно переориентировать коммерческие отделения вузов на оказание услуг по дополнительному образованию, переобучению, переподготовке и повышению квалификации работающего населения, расширение системы его компетенций на основе образовательных модулей. При этом в продолжение образования могут инвестировать не только сами работники, но и работодатели, а также государственные службы занятости.

Такой комплекс мер позволит постепенно минимизировать коммерческую составляющую первичного профессионального образования и обеспечить формирование его пропорций на основе государственного заказа. Необходимо пресечь неэффективное использование финансовых, материальных и трудовых ресурсов на подготовку низкокачественных кадров по невостребованным специальностям, перекрыть дорогу к получению низкокзатратного и некачественного высшего образования и заставить часть абитуриентов сделать перспективный (с точки зрения будущего трудоустройства) профессиональный выбор.

В большинстве стран постепенно формируются три порога доступа к получению образования. *Обязательное образование*, в той или иной форме, предоставляется всем вне зависимости от индивидуальных предпочтений, так как удовлетворяет общественную потребность в ликвидации функциональной неграмотности. Второй уровень – *общедоступное образование* предоставляется всем претендентам при условии соответствия их подготовки стандартам качества, что выявляется на основе неконкурсных квалификационных экзаменов. Объем и структура предоставляемых на этом уровне образовательных услуг формируются на основе учета потребностей населения. Пропорции третьего

уровня, к которому относится *высшее профессиональное образование*, формируются на основе учета потребности экономики в специалистах различного профиля. Соответственно, доступ к нему ограничен и предполагает конкурсный отбор наиболее способных, мотивированных и подготовленных абитуриентов.

Образование относится к числу отраслей нематериального производства, специфика которых требует сложного сочетания рыночных, квазирыночных и общественных механизмов развития и регулирования. Управление образованием в рыночной логике влечет за собой многоплановые негативные последствия, что убедительно доказал опыт российских реформ последних десятилетий. Доминирование рыночных механизмов, с одной стороны, ведет к подрыву принципа равенства образовательных возможностей, способствует расслоению общества, концентрации социального ресурса у элитарных слоев и групп. С другой стороны, под воздействием нерационального распределения ресурсов, искажения системы мотиваций, обострения структурных диспропорций происходит ухудшение качества образования, снижение отдачи от инвестиций в человеческий капитал.

Повысить внутреннюю и внешнюю эффективность сферы образования можно лишь на основе пересмотра концепции ее финансирования. Ведущим субъектом финансирования всех ступеней первичного образования должно выступать государство при максимально возможном привлечении ресурсов бизнеса. Инвестиционная активность домохозяйств, сегодня постепенно вытесняющих государство из сферы не только профессионального, но и общего школьного образования, должна быть переориентирована на сектор вторичного дополнительного образования. В условиях растущего динамизма экономической жизни, диктующего необходимость постоянной гибкой подстройки компетенций работников к изменяющейся структуре спроса на труд, роль вторичного дополнительного образования будет неизбежно возрастать.

Литература

1. Дефицит кадров: влияние на экономику и действия работодателей <http://www.raexpert.ru/docbank/ca2/2ab/03a/bc0501cfce53dd7a3422e8e.pdf>.
2. Ковалева Т.В., Селезнев И.А. Российская модернизация и реформа высшей школы // Россия: модернизация системы управления обществом. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2011 году. М.: ИСПИ РАН, 2012.
3. Константиновский Д.Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация // Мониторинг общественного мнения. № 5 (99). Сентябрь–октябрь 2010.

4. Мониторинг реализации нового закона «Об образовании в Российской Федерации». Информационно-аналитическая записка. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2014.
5. Тамбовцев В. Реформы российского образования и экономическая теория // Вопросы экономики. 2005. № 3.
6. Шугаль Н.Б., Кононова А.Е. Финансовый Гольфстрим // Аккредитация в образовании. Февраль 2014.
7. Algieri B. Human Capital in Russia // The European Journal of Comparative Economics. 2006. Vol. 3, #1.
8. Balzer H. Russian Higher Education to 2020 // Russian Analytical Digest. 2011.
9. Freedom House. Country report Russia. 2003 edition. <http://www.freedomhouse.org>.
10. The Human Capital Report. Prepared in collaboration with Mercer. Geneva. World Economic Forum. 2013. http://www3.weforum.org/docs/WEF_HumanCapitalReport_2013.pdf.
11. Schultz T.W. Investment in Human Capital: the Role of Education and of Research. N.Y., 1970.

I.V. SOBOLEVA

doctor habilitatus in economics, head of the Center of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
irasobol@gmail.com

SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS OF EDUCATIONAL REFORM

The paper is devoted to the issues of educational reform in Russia. Based upon specific qualities of education as social good the paper argues for substantial limitation of market forces in the sphere of education. Special attention is given to the problem of human capital mismatch and possible approaches to overcoming it.

Keywords: *education, investment, demand, human capital, quality erosion, mismatch, social mobility.*

JEL: I210, I280, J210, J230, J240.

Л.Н. СВИРИНА
кандидат экономических наук;
старший научный сотрудник Института экономики РАН

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

В статье исследуются проблемы развития научно-образовательных кластеров в условиях интеграции образования, науки, производства и бизнес-структур. Научно-образовательный кластер рассматривается как перспективная институциональная модель, обеспечивающая совместные скоординированные действия всех субъектов интеграционной системы «образование – наука – производство», направленные на развитие кадрового потенциала, способного к реализации задач инновационного развития регионов России.

Ключевые слова: *территориальный инновационный кластер, инновационный научно-образовательный кластер, система профессиональной подготовки кадров, дуальная форма подготовки квалифицированных кадров, постдоковские программы.*

JEL: 0110, 0330, J220.

Современный этап развития российской экономики характеризуется возросшей потребностью в квалифицированных кадрах руководителей, специалистов и профессиональных рабочих разных направлений. С учетом значительного сокращения периода «старения» знаний образовательные институты должны искать новые способы функционирования и инновационные формы организации обучения. В основе новой модели формирования специалиста в системе высшего профессионального образования должна лежать концепция подготовки специалиста, вооруженного современным инструментарием, технологиями и методиками профессиональной деятельности и проектного управления, соответствующими современным требованиям инновационного и технологического развития производства. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года в качестве целевого ориентира модернизации системы подготовки профессиональных кадров предусматривается «...формиро-

вание к 2020 году около 20 научно-образовательных центров мирового уровня, интегрирующих передовые научные исследования и образовательные программы для решения кадровых и исследовательских задач общенациональных инновационных проектов»¹.

В условиях ограниченной мобильности трудоспособного населения страны, высокой стоимости жилья, недостаточной развитости социальной, транспортной инфраструктуры решить эту задачу за счет миграции населения достаточно сложно. В связи с этим особенно острой становится потребность постоянного обновления профессиональных знаний и компетенций специалистов в регионах. Оптимальным решением для многих регионов представляется обучение проживающих на территории граждан новым компетенциям, то есть подготовка и переподготовка кадров на месте. Представляется важным, чтобы система профессиональной подготовки кадров соответствовала техническому и технологическому уровню современного производства. В этой связи необходима ее целенаправленная ориентация на подготовку кадров по заказу предприятий реального сектора экономики.

Одним из ключевых инструментов реформирования и оптимизации региональных систем профессионального образования, подготовки и повышения квалификации кадров выступает развитие образовательных кластеров, объединяющих образовательные учреждения разных уровней и базовые предприятия – работодателей. Стратегической целью такого сотрудничества является создание инновационной научно-образовательной структуры – кластера, способного как обеспечивать кадровые потребности потенциальных работодателей (бизнес-структур), так и оказывать существенное влияние на инновационное развитие региона (муниципалитета) посредством объединения образовательной и исследовательской составляющей деятельности вузов с реальными потребностями потенциальных предприятий региона. Эта структура должна обладать гибкостью и адаптивностью к динамично изменяющимся условиям рынка специалистов, товаров и услуг.

Инновационные научно-образовательные кластеры, как гибкие сетевые структуры, выступают одной из наиболее развитых форм интеграции науки, образования и реального сектора экономики, в рамках которых на основе многосторонних соглашений объединяются вузы, научные организации, предприятия, инновационные фирмы. Это создает предпосылки для решения таких задач, как: повышение качества подготовки специалистов, социально и профессионально мобильных и конкурентоспособных на рынке труда; обеспечение инновацион-

¹ Федеральный портал PROTOWN.RU Концепция социально-экономического развития России до 2020 года. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

ного характера развития образовательной, научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности профессиональных учебных заведений, предприятий и организаций региона; развитие учебной, материальной, методической и производственной базы учебных заведений научно-образовательного кластера.

Главное в содержании понятия «инновационный научно-образовательный кластер» состоит в его предназначении – обеспечивать благоприятные условия для концентрации интеллектуального и технологического потенциала крупных промышленных компаний, НИИ и университетов, создания малых инновационных предприятий для коммерциализации результатов научных исследований [1]. Собственно не только в научной литературе, но и в практике функционирования образовательных кластеров встречаются различные модификации их названий, например, «научно-образовательно-производственные», «индустриальные образовательные» или «инновационно-образовательные». Структуру данных кластеров в обобщенном виде можно представить как «системное объединение различных организаций (образовательных, научных учреждений, промышленных предприятий, организаций инвестиционно-инновационной инфраструктуры, органов местного самоуправления, общественных организаций и т. п.), позволяющее использовать преимущества внутрикластерного взаимодействия с целью более быстрого и эффективного распространения новых знаний, стимулирующих инновации для роста конкурентоспособности экономики региона»². Принципиальным отличием образовательных кластеров от учебно-производственных комплексов, существовавших в нашей стране в советское время, является рыночный механизм управления ими, который создается снизу по инициативе самих учреждений профессионального образования и предприятий, в то время как учебно-производственные комплексы управлялись сверху по командно-отраслевому принципу.

В структурной организации инновационного научно-образовательного кластера можно выделить два уровня: базовый, который представляется учреждениями профессионального начального, среднего и высшего образования, и профильный, включающий учреждения академической, ведомственной и производственной науки; министерства и ведомства региона; предприятия и организации профиля данного кластера; органы государственной власти и местного самоуправления. Представленные типы организаций являются структурообразующими элементами инновационного научно-образовательного кластера, вза-

² Проект. Концепция развития инновационно-образовательных кластеров Свердловской области. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет». Екатеринбург, 2011.

имедействие которых осуществляется на принципах государственно-частного партнерства.

В образовательном кластере университету отводится роль центра по подготовке и переподготовке кадров для высокотехнологичных и наукоемких производств, научно-технологического центра, являющегося источником и проводником инноваций, обеспечивающим предприятия новыми конкурентоспособными разработками и технологиями. При этом университет на основе профессиональных достижений и с учетом опыта образовательной и научно-исследовательской деятельности увеличивает объемы и направления научно-производственной деятельности, повышает качество подготовки специалистов. Вуз в рамках кластера становится системой накопления и расширенного воспроизводства идей, знаний и технологий, центром новых интеллектуальных и научных технологий, способных влиять на развитие регионального образования, науки, на внедрение высоких технологий и оптимизацию производства. Университет становится учебной, научно-производственной, экспериментальной и материально-технической базой для формирования эффективного кадрового потенциала региона. В конечном итоге включение университетов в инновационные научно-образовательные кластеры позволит обеспечить региону конкурентные преимущества за счет одновременного осуществления инвестиций в реальный сектор экономики, в развитие образовательной и научно-исследовательских сфер.

Основная задача при создании образовательного кластера заключается в повышении привлекательности кооперации между местными учебными заведениями профессионального образования и предприятиями отрасли. Для того чтобы эта задача была решена, необходимо прежде всего обеспечить внутри кластера взаимодействие, способствующее мультипликативному эффекту трансфертов инновационных технологий отрасли в профессиональное образование. Организация взаимодействия различных партнеров кластера строится на основе принципов интеграции, корпоративности, саморазвития, самоорганизации и социальной адаптации профессионального образования. Следует отметить, что функционирование образовательных кластеров на основе этих принципов будет способствовать отбору и структурированию содержания профессионального образования с учетом интересов всех субъектов образовательного кластера. По отношению к учреждениям профессионального образования будет обеспечиваться гарантированный оплачиваемый заказ на подготовку специалистов. Перспективное направление организации инновационных научно-образовательных кластеров, в создании которых, на наш взгляд, необходимо предусмотреть участие не только бизнеса, вузов и учреждений профессионального образования, но и академической науки и админи-

страции региона, должно явиться важной предпосылкой для системного подхода к формированию кадрового потенциала, способного к реализации задач реиндустриализации российской экономики.

В перечень кластеров, базирующихся на модели, объединяющей научные, образовательные организации и предприятия, нацеленные на выпуск инновационной продукции и развитие кадрового потенциала внутри кластера, включают, к примеру, такие организации, как: Консорциум «Научно-образовательно-производственный кластер «Ульяновск – Авиа» (Ульяновская обл.), «Образовательно-производственный кластер судостроения» в Дальневосточном федеральном округе в городе Большой Камень Приморского края³. Стратегическим партнером последнего является ОАО «Дальневосточный центр судостроения и судоремонта (АЦСС)» – дочернее предприятие государственного холдинга «Объединенная судостроительная корпорация», которая включает в себя около 80% судоремонтных и судостроительных производственных мощностей Дальневосточного Федерального округа РФ.

Структура кластера включает:

- Дальневосточный судостроительный колледж, реализующий интегрированные программы подготовки квалифицированных рабочих и специалистов со средним профессиональным образованием, а также программы дополнительного профессионального образования по заявке предприятий;
- филиал Дальневосточного федерального университета;
- многофункциональный центр прикладных квалификаций;
- учебный центр на базе предприятия, оснащенный учебно-производственным оборудованием.

Отношения между участниками проекта регламентируются соответствующими договорами, в том числе договором с Администрацией Приморского края. В прошлом году в рамках кластера выпущено 16 специалистов с высшим образованием. В кластере обучение по программам высшего профессионального образования осуществляется в филиале университета по типу «завод-втуз». Прототипами этой формы подготовки специалистов выступают бывшие завод-втуз при ЗИЛе и Пензенский завод-втуз, соответственно преобразованные в Московский государственный индустриальный университет и Пензенский государственный технологический университет. Используя наработанный в этих университетах опыт по подготовке специалистов по особой форме высшего профессионального образования «завод-втуз», в образовательном судостроительном кластере Дальневосточ-

³ <http://www.i-regions.or>. Доклад «О реализации практических мер по использованию указов Президента РФ о социально-экономическом развитии России», декабрь 2013 г., Москва, Кремль.

ного Федерального округа обучение организуется фактически на будущем (или настоящем) месте работы студента. В результате на выходе выпускник вооружен не только знаниями и умениями, но и адаптирован к условиям реального производства. Тем самым, с одной стороны, формируется социально защищенная личность, обладающая уникальными компетенциями, с другой стороны, максимально удовлетворяются потребности конкретного работодателя, экономики региона и страны в целом.

Динамика структурной организации кластеров находится в постоянном развитии, о чем наглядно говорят цифры и факты консорциума «Научно-образовательно-производственного кластера «Ульяновск-Авиа». В настоящее время общее количество членов этого кластера составляет 58 (из них крупных компаний – 14, малых предприятий – 30, исследовательских институтов – 4, филиалов КБ – 2, образовательных учреждений – 8), а среднегодовой объем не сырьевой выручки – 47 млрд руб. В соответствии с программой развития кластера к 2016 г. количество предприятий и организаций участников кластера увеличится до 241, объем производства с 47 млрд руб. до 250 млрд рублей.

Следует отметить, что консорциум «Научно-образовательно-производственный кластер «Ульяновск-Авиа» имеет статус инновационного территориального кластера. В сравнении с ним приведем некоторые данные, характеризующие инновационный территориальный Аэрокосмический кластер Самарской области. Предприятиями и организациями кластера реализуются приоритетные государственные задачи по обеспечению обороноспособности страны. Одной из сильных сторон и отличительной особенностью кластера является подготовка высококвалифицированных кадров, трансфер технологий в другие сферы экономики, наращивание уже накопленного значительного научно-исследовательского и научно-производственного потенциала. Участники аэрокосмического кластера Самарской области (АКК СО) и особенно научно-исследовательские, опытно-конструкторские и учебные заведения аккумулируют передовые технологии, являются источником высококвалифицированных кадров для самого кластера и других отраслей экономики области. В связи с этим можно констатировать тот факт, что инновационный территориальный АКК СО вписывается в формат инновационного научно-образовательного кластера. И это далеко не единичный случай. На основании результатов анализа структурного и программного содержания 25 функционирующих на территории РФ территориальных инновационных кластеров⁴, на наш взгляд, для части из них возможно присвоение им еще и

⁴ Перечень утвержден Председателем Правительства РФ поручением от 28 августа 2012 г. № ДМ-П18-5060.

статуса научно-образовательных кластеров, так как одним из результатов их деятельности является подготовка кадров для предприятий и организаций региона. Так, например, программы развития кластеров г. Пущино, г. Обнинска, г. Троицка, кластеров «Физтех XXI», а также Томской и Новосибирской областей, Республики Татарстан и др. характеризуются ориентацией на использование потенциала расположенных на их территории научных и образовательных организаций, в том числе и мирового уровня. Это предполагает привлечение крупных российских и зарубежных компаний к разворачиванию высокотехнологичного производства за счет имеющегося кадрового потенциала и исследовательской инфраструктуры кластеров. Преимуществом программ развития кластеров являются хорошо проработанные механизмы и подходы к интеграции научных, образовательных учреждений и производственных структур к решению проблемы подготовки кадров и повышения квалификации кадров⁵.

Примером того, что инновационный территориальный кластер представляет собой одновременно и модель инновационного научно-образовательного кластера, выступает кластер «Физтех XXI» (г. Долгопрудный, г. Химки). Это пилотный проект по созданию территории развития на базе крупного научно-образовательного центра и высокотехнологичных компаний с опорой на разработку и внедрение инновационной продукции. Основным инструментом реализации проекта является интеграция образовательного, научно-технологического, интеллектуального и кадрового потенциала региона с существующей и вновь создаваемой высокотехнологичной промышленной инфраструктурой. Четвертый раздел программы развития кластера «Физтех XXI» – «Развитие системы подготовки и повышения квалификации научных, инженерно-технических и управленческих кадров» включает:

- мероприятия по расширению объемов и повышению качества подготовки специалистов по программам среднего, высшего и дополнительного образования, в том числе в образовательных учреждениях, находящихся в регионе расположения кластера и на территории его базирования, с последующим трудоустройством на предприятиях и организациях – участников кластера;
- мероприятия по развитию системы непрерывного образования, переподготовки и повышению квалификации научных, инженерно-технических и управленческих кадров предприятий и организаций – участников кластера, включая корпоративные университеты, привлечение коммерческих образовательных организаций, образовательных учреждений – участников кластера;

⁵ <http://cluster.hse.ru/clusters/>.

- мероприятия по развитию системы общего и внешкольного образования;
- мероприятия по развитию организационных механизмов кооперации участников кластера в сфере образования, включая создание базовых кафедр компании в вузах, проведение стажировок и другие формы.

На наш взгляд, в результате реализация такого комплекса мер, направленных на развитие системы подготовки и повышения квалификации научных, инженерно-технических и управленческих кадров, будет создана система подготовки высококвалифицированных специалистов по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в Российской Федерации. Адаптация и развитие такого опыта в рамках кластеров, объединяющих воедино в своей организации две модели – территориальную инновационную и инновационную научно-образовательную, представляется нам важной предпосылкой к реализации промышленной политики для новой индустриализации экономики России.

В кластерной системе подготовки кадров выстраивается и модель дуального образования как одна из форм практического краткосрочного обучения. Дуальное образование – вид профессионального образования, при котором практическая часть подготовки проходит на рабочем месте, а теоретическая часть на базе образовательной организации. Система дуального образования предполагает совместное финансирование программ подготовки кадров под конкретное рабочее место коммерческими предприятиями, заинтересованными в квалифицированном персонале, и региональными органами власти, заинтересованными в развитии экономики и повышении уровня жизни народа. Для развития этой формы необходимо возрождение института наставничества на предприятиях. Предстоит определить конкретные формы наставнической деятельности на предприятии и инструменты мотивации. Необходимо разработать систему оплаты труда наставника, рассмотреть возможности производить эту оплату за счет средств образовательных организаций в порядке оплаты труда штатных работников. Развитию продуктивного партнерства часто препятствует отсутствие льготной налоговой политики в отношении предприятий, принимающих участие в образовательной деятельности. В целях создания правовых и экономических стимулов для развития этой деятельности необходимо, на наш взгляд, проработать вопрос о предоставлении налоговых льгот предприятиям, участвующим в образовательной деятельности, укрепления материальной базы образовательных учреждений.

В ряде регионов уже внедряется дуальная форма подготовки квалифицированных кадров в соответствии с планом реализации проекта

«Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования». Этот проект поддержан Наблюдательным советом Агентства стратегических инициатив под председательством В.В. Путина. В рамках реализации дорожной карты проекта создана межведомственная рабочая группа по дуальному образованию (приказ Агентства стратегических инициатив от 22 июля 2013 г. № 184-ОД). С 18 ноября 2013 г. был открыт прием заявок на участие в конкурсном отборе субъектов Российской Федерации для реализации этого проекта. Оценка ожидаемых результатов проекта позволяет прийти к выводу, что дуальная форма обучения имеет несомненные преимущества: помогает решить задачу подготовки квалифицированных кадров, готовых к выполнению конкретных профессиональных функций; повышает профессиональную мобильность и конкурентоспособность выпускников на рынке труда. К основным целевым индикаторам проекта «Дуальное образование» относятся:

- увеличение доли внебюджетных средств в общем объеме средств финансирования системы подготовки рабочих кадров с 5% в 2013 г. до 50% в 2018 г.;
- увеличение численности выпускников профессиональных образовательных организаций, трудоустроившихся в течение одного года после окончания обучения по полученной специальности (профессии), в общей их численности с 44,4% в 2013 г. до 75% в 2018 г.;
- увеличение численности выпускников программ среднего профессионального образования и программ профессионального обучения в общей численности выпускников профессионального образования с 3,3% в 2013 г. до 25% в 2018 г.

Создание системы дуального образования позволяет существенно повысить привлекательность региона для отечественных и зарубежных инвесторов и тем самым способствует созданию дополнительных рабочих мест в регионе. Примерами успешной организации такой формы подготовки профессиональных кадров выступают Приморский край и Калужская область, в которых для развития базовых колледжей удалось привлечь инвестиции со стороны бизнеса, в том числе иностранного. Так, в Приморском крае, в соответствии с договором между «Федеральной сетевой компанией Единой энергетической системы» и корейской компанией «HYUNDAI HEAVY INDUSTRIES», открыто новое образовательное учреждение среднего профессионального образования – «Промышленный колледж энергетики и связи». Задачей данного колледжа является подготовка и переподготовка кадров электроэнергетической отрасли, в том числе для завода по производству комплектных распределительных

устройств компании. Создание Учебного центра автомобилестроения при ГОУ СПО «Калужский колледж информационных технологий и управления» привлекло в регион ведущие предприятия автомобильной промышленности ООО «Фольксваген Груп Рус», ООО «ПСМА Рус» (Пежо Ситроен Митцубиси).

Наиболее заинтересованные крупные компании создают инфраструктуру подготовки кадров по краткосрочным образовательным программам на базе государственных учреждений. Например, Томский промышленно-гуманитарный колледж реализует программу профессионального обучения на основе трехстороннего договора между Администрацией Томской области, ОАО «Центрсибнефтепровод» и колледжем. В рамках дополнительных соглашений к этому договору колледж ежегодно проводит обучение (по программам повышения квалификации и переподготовки кадров) более 4000 сотрудников 18 дочерних компаний ОАО «АК «Транснефть». Эти краткосрочные целевые программы обучения являются наиболее востребованными в бизнес-сообществе.

На современном этапе в системе подготовки кадров требуются серьезные изменения для обеспечения бизнесу возможности готовить под свои задачи высококвалифицированных специалистов. Следует отметить, что поиск наиболее рациональных путей решения проблемы улучшения качества подготовки специалистов технического профиля в России не будет полным, если игнорировать логику и опыт разработки и проведения интеграционных процессов в области научно-исследовательской, учебной и производственной деятельности студентов высших технических школ за рубежом. Большинство предпринимателей за рубежом рассматривают студентов как «генераторов» новых идей и участвуют в интегрированной программе, чтобы совместно с вузом подобрать для фирмы способных, заинтересованных в конкретном производстве или области знаний специалистов. Кроме того, крупные фирмы заинтересованы в выпускниках, занимающихся по кооперированной программе, так как им не требуется время на приспособление к новым производственным условиям. По мнению ведущих специалистов американской высшей технической школы, этот вид обучения становится значительной частью всей системы высшего образования [2].

В настоящее время в мире сложилась практика, когда многие крупные страны реализуют крупномасштабные программы подготовки кадров за рубежом. Китай за последние 10 лет по специальной национальной программе обучил более 500 000 человек. В Соединенных Штатах существует программа «100 000 strong», подразумевающая отправку ста тысяч человек только в китайские вузы. Два года назад

президент Бразилии объявил о запуске такой программы – «100 000 человек до 2015 года»⁶.

Одним из лидирующих инициаторов разработки программы подготовки высококвалифицированных специалистов в зарубежных странах является Агентство стратегических инициатив – направление «Молодые профессионалы». Масштабы этой программы под названием «Глобальное образование» пока не сравнимы с масштабами вышеуказанных программ, но очевидна ее значимость в обеспечении качественной подготовки кадров для реализации задач инновационного развития экономики страны. Программа подразумевает подготовку ключевых кадров за рубежом по четырем приоритетным направлениям. Первое направление – это управление высшим образованием и научными организациями. Второе направление – кадры для hi-tech промышленности. Третье – это медицина. Четвертое – управление некоммерческими организациями. Один из вариантов программы нацелен на поддержку самостоятельно поступающих абитуриентов (на приоритетные специальности) в один из лидирующих мировых вузов. В этом случае государство компенсирует ему образовательную программу. Это магистерские программы, MBA, MPA и постдокские (стажировка ученого за рубежом для написания докторской диссертации) программы, включая программы аспирантуры. Далее человек заключает с государством договор процентного займа и в дальнейшем возвращает займ с процентами. В противном случае он должен по своей специальности в течение трех лет отработать в России. Для реализации этой программы приглашаются к участию все заинтересованные университеты, научные организации и фирмы, имеющие свои стратегические цели. Подготовка людей к поступлению в зарубежные вузы осуществляется при совместных усилиях этих организаций и соответствующих структур программы «Глобальное образование». Объем программ глобального образования на период 2013–2015 гг. составляет около 5 млрд рублей.

В нашей стране институт постдокских программ является новым инструментом развития академической мобильности и повышения эффективности исследований. Данные программы предусмотрены Федеральной целевой программой (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 гг. Введение в практику этого института было поддержано большим числом российских ученых.

Важным практическим шагом сближения программ подготовки профессиональных кадров с реальными потребностями экономики

⁶ Круглый стол «Развитие системы подготовки научных и научно-педагогических кадров с целью обеспечения инновационного развития экономики РФ». 28. 04. 2012 г. <http://www.strf.ru/material.aspx>.

регионов является проведенный Министерством образования и науки России в 2013 г. конкурс на проекты по подготовке высококвалифицированных кадров для предприятий и организаций регионов («Кадры для регионов»). По итогам конкурса на основании проведенной оценки заявок и презентаций проектов, предоставленных участниками, отобрано 14 образовательных учреждений из 14 субъектов Российской Федерации, расположенных во всех 8 федеральных округах. Вузами-победителями заявлено более 250 образовательных программ, реализация которых будет способствовать созданию базовых кафедр на предприятиях – партнерах и эффективному трудоустройству подготовленных специалистов. Субсидия региональному вузу, отобранному в результате конкурса, предоставлена на срок до 2 лет в объеме до 50 млн руб. в год для возмещения затрат, связанных с созданием или обновлением образовательных программ.

Подготовка кадров для реальной экономики – это стратегическая, экономическая и социальная задача, поэтому необходимо законодательно закрепить дополнительные экономические стимулы, которые будут стимулировать заинтересованность бизнеса в современных формах сотрудничества с образовательными организациями.

Литература

1. *Проскурина Т.Л.* Образовательный кластер как региональная инновационная стратегия // *Образовательные технологии.* 2011. № 3.
2. *Георгиева Т.С.* Высшая школа США на современном этапе: монография. М.: Высшая школа, 1989.

L.N. SVIRINA

PhD in economics, senior research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of science, Moscow, Russia
ludasvirina@mail.ru

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CLUSTER AS INSTITUTIONAL MODEL OF FORMATION OF PERSONNEL POTENTIAL FOR REALIZATION OF PROBLEMS OF THE ECONOMY'S INNOVATION DEVELOPMENT

The paper is devoted to the issues of development of scientific and educational clusters in the conditions of integration of education, science, production and business structures. The scientific and educational clusters are considered as the perspective institutional model providing the joint coordinated actions of all subjects of integration system “education – science – production”, aimed at the development of the personnel potential capable to realization of innovation development in the regions of Russia.

Keywords: *territorial innovation cluster, innovation scientific and educational cluster, system of vocational training of stuff, dual form of preparation of qualified personnel.*

JEL: 0110, 0330, J220.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

И.В. КАРАБАЕВА

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

РАСШИРЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В СССР В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье представлены малоизвестные факты о реформировании системы местных финансов в СССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановительного периода. Обосновываются причины необходимости расширения собственной налоговой базы органов местного самоуправления в условиях военного времени. Характеризуется роль фискальных выплат населения в расширении финансовой самостоятельности органов местного самоуправления в СССР, как в военные, так и в послевоенные годы. Автор показывает, что именно налоги и сборы с населения, а также добровольные пожертвования оказались во время войны и в годы послевоенного восстановления экономики тем гибким финансовым ресурсом, за счет которого в самые тяжелые периоды местные власти могли успешно разрешать проблему наполнения бюджетов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, местные финансы, органы местного самоуправления, налоги и сборы с населения.

JEL: H22, H56.

Объективные предпосылки реформирования местных финансов в условиях военного времени

В советской экономической литературе всегда существовала как неоспоримая и до сих пор не подвергавшаяся сомнению точка зрения об усилении централизованного регулирования процесса формирования и использования доходной базы местных бюджетов в годы Великой Отечественной войны. Действительно, основной формой бюджет-

ных поступлений в этот период были отчисления от государственных налоговых доходов, включая и их чрезвычайные формы (займы). Для бюджетов автономных республик, краев и областей, которые были освобождены после оккупации, в качестве основных доходных источников использовались дотации. Активно применялась система горизонтального выравнивания доходов местных бюджетов через фонды регулирования, которые создавались при вышестоящих бюджетах с целью перераспределения средств между нижестоящими бюджетами. Основными регулирующими доходными источниками являлись отчисления от налога с оборота, государственных займов, сельскохозяйственного налога, подоходного и военного налога.

Вспомним, что в военные годы, и особенно на первом этапе войны (1941–1942 гг.) наблюдалось существенное сокращение доходов государственного бюджета. Нижней точки этот процесс достиг к концу 1942 финансового года, когда потери бюджета составляли около 10% по сравнению с базовым 1940 г. (см. табл. 1).

Таблица 1

Доходы государственного бюджета СССР и темпы его роста в военный период (млрд руб.)

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Доходы бюджета СССР:	180,2	177,0	165,0	204,4	268,7	302,0
Темп роста (%)	100,0	98,2	91,6	113,4	149,1	167,6
Налог с оборота	105,9	93,2	66,4	71,0	94,9	123,1
Темп роста (%)	100,0	88,0	62,7	67,0	89,6	116,2
Отчисления от прибыли	21,7	23,5	15,3	20,1	21,4*	16,9
Темп роста (%)	100,0	108,3	70,5	92,6	98,6	77,8
Доход от оплаты работ МТС	2,0	1,5	0,7	0,6	0,7	0,7
Темп роста (%)	100,0	75,0	35,0	30,0	75,0	75,0
Подоходный налог с кооперации и хозорганов общественных организаций	1,8	1,4	0,6	1,2	1,5	1,3
Темп роста (%)	100,0	77,8	33,3	66,6	83,3	72,2
Подоходный налог с колхозов	0,8	1,2	1,0	1,2	1,5	1,5
Темп роста (%)	100,0	150,0	125,0	150,0	187,5	187,5
Налог с нетоварных операций	0,64	0,54	0,34	0,42	0,46	0,53
Темп роста (%)	100,0	84,4	53,1	65,6	71,9	82,8
Местные налоги и сборы	1,9	1,3	2,0	3,4	5,8	6,3
Темп роста (%)	100,0	68,4	105,3	178,9	305,3	331,6

* Вместе с изъятием оборотных средств.

Источник: [1, с. 139].

Такое положение было связано с объективными обстоятельствами военного времени:

- резким изменением структуры производственного персонала в тылу, поскольку наиболее квалифицированные рабочие, служащие и инженеры, как в городах, так и на селе, были мобилизованы на фронт;
- оккупацией территорий и потерей имеющихся на них людских, производственных и сырьевых ресурсов;
- потерями за счет быстрого перемещения техники и населения в восточные районы страны;
- переключением значительной части промышленности, которая производила гражданскую продукцию, на производство продукции военного назначения и, как следствие, уменьшением производства предметов народного потребления.

В итоге, к началу 1943 финансового года темпы роста двух основных бюджетообразующих налогов существенно снизились. Так, в 1942 г. темпы роста налога с оборота составили 62,7% по сравнению с 1940 г., а отчисления от прибыли – 70,5%. Социалистические предприятия уже не могли полностью обеспечить государство необходимыми денежными ресурсами вследствие сокращения в бюджете удельного веса именно этих двух налогов.

Сложившаяся ситуация неизбежно привела к необходимости переложения основной нагрузки при формировании новых источников бюджетных доходов в военные годы на гражданское население страны, избежавшее оккупации. Возникла острая необходимость формирования новых доходных источников бюджетных средств не только на государственном, но и на местном уровне самоуправления.

Именно поэтому в военные годы достаточно широкое развитие получила система местных налогов и сборов, формирующих доходную базу фундамента местного управления – сельских и поселковых бюджетов.

Экстремальность ситуации, постоянная модификация реальной базы налогообложения создали предпосылки для поиска и реализации нестандартных решений в формировании доходной базы бюджетной системы. Характерно, что наряду с методами усиления централизованного регулирования бюджетных процессов на протяжении по крайней мере десятилетия – с 1941 г. по 1950 г., использовались возможности расширения финансовой самостоятельности местных органов самоуправления для разрешения проблем военного времени.

Роль фискальных выплат населения в расширении финансовой самостоятельности системы местного самоуправления в СССР в военные и послевоенные годы

Необходимость увеличения доходов местных бюджетов в годы войны потребовала внесения изменений и в систему местных налогов и сборов.

Закон «О местных налогах и сборах», принятый в 1942 г., установил в качестве обязательных платежей:

- налог со строений;
- земельную ренту;
- разовый сбор на колхозных рынках;
- налог с киноустановок,
- налог со зрелищ (спектакли, концерты и т.п.).

Кроме того, местным Советам предоставлялось право взимать фискальные сборы с владельцев скота и с владельцев транспортных средств.

Расширению налоговой базы местных бюджетов способствовало также зачисление ряда государственных налогов и сборов непосредственно в местные бюджеты, в качестве налогов, которые вносятся в них в полных суммах территориальных поступлений, а не в порядке отчислений. Кроме подоходного налога с кооперации и хозорганов общественных организаций в число государственных налогов, непосредственно зачисляемых в местные бюджеты, были включены государственная пошлина, рыболовный и билетный сборы с населения.

Подоходный налог с коопераций и хозорганов общественных организаций уплачивали предприятия и организации всех кооперативных систем: промысловой кооперации, кооперации инвалидов и потребительской кооперации, кроме кооперативных систем плательщиками подоходного налога являлись также предприятия и хозорганы различных общественных организаций, занимающиеся производственной и хозяйственной деятельностью. Подоходный налог исчислялся по балансовой прибыли предприятий и организаций в зависимости от двух условий: а) сумма прибыли и б) рентабельности, т. е. отношения прибыли к коммерческой себестоимости продукции, выполненных работ или услуг. Ставки налога дифференцировались по специальной шкале: – от 30 до 70%.

Государственная пошлина взималась с граждан за совершение целого ряда действий в судебных учреждениях, в нотариате, в органах записи актов гражданского состояния, в органах милиции, в финансовых и других органах (с исковых заявлений, за совершение нотариальных действий, за регистрацию браков и разводов, за прописку паспортов, за выдачу регистрационных удостоверений на кустарные и ремесленные промыслы, за выдачу разрешений, на право охоты и т. п.).

Единый рыболовный сбор уплачивали рыболовецкие колхозы, а также сельскохозяйственные артели в объеме 1,5% от стоимости улова. Бюджетные исчисления доходов от государственной пошлины, рыболовного и билетного сборов осуществлялись на основании данных о фактических поступлениях этих сборов по отчетности соответствующих органов с учетом возможного роста доходов.

Основные тенденции формирования доходной базы местных бюджетов были сохранены и в послевоенные годы.

Вместе с тем в формировании бюджетных доходов этого периода появились особенности, связанные с новым режимом функционирования послевоенной экономики, которые получили отражение в местных бюджетах:

С 1 января 1946 г. был отменен военный налог.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 сентября 1946 г. размер необлагаемого подоходным налогом минимума увеличен с 15 до 26 руб.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1947 г. пересмотрено обложение доходов от кустарно-ремесленных промыслов, строений, от сельского хозяйства и других источников в поселениях городского типа.

В связи с изменениями конъюнктуры цен на сельскохозяйственную продукцию в 1946 и 1947 гг. понижены нормы доходности по отдельным сельскохозяйственным культурам, ликвидирован имевший место разрыв между нормами, установленными в 1943 г. при высоких ценах на сельскохозяйственную продукцию, и фактическими доходами после войны, когда происходил процесс снижения этих цен.

Особые дополнительные налоговые льготы по сельскохозяйственному налогу были предоставлены хозяйствам, пострадавшим от оккупации.

Ряд льгот установлен для военнослужащих, демобилизованных из Советской Армии, бывших партизан и инвалидов Великой Отечественной войны.

Таким образом, в военные и послевоенные годы в СССР сформировалась тенденция расширения доходной базы местных бюджетов. Для сельских, поселковых советов и исполкомов малых городов в рамках военного периода появилась возможность расширения собственной налоговой базы за счет местных налогов и сборов, государственных налогов, полностью зачисляемых в местные бюджеты, отчислений от налогов с населения, проживающего в данной местности. Уровень собственных налоговых доходов формировал в поселковых и сельских советах до 80% доходной части бюджетов.

При этом фискальный эффект реформ в системе местных налогов и фискальных сборов в условиях военного времени был очевиден (см. табл. 2):

Таблица 2

Динамика фискальных выплат в местные бюджеты в 1940–1945 гг.

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Местные налоги и сборы	1,9	1,3	2,0	3,4	5,8	6,3
Темп роста (%)	100,0	68,4	105,3	178,9	305,3	331,6

Источник: [1, с. 139].

Такое очевидное отступление от тенденции централизации распределения налоговых доходов было вызвано необходимостью быстро и оперативно решать проблемы социально-бытового характера на основе привлечения местных финансовых ресурсов:

- обеспечения жильем и продовольствием эвакуированного населения;
- размещения раненых и медперсонала;
- социального обеспечения возвращающегося из эвакуации населения и т.д.

Можно сказать, что в годы войны и последующего восстановительного периода в нашей стране на местах в определенной мере были возрождены принципы местного самоуправления на базе самофинансирования, соответствующие отечественному опыту начала XX в., в том числе периода Первой мировой войны и 20-х годов XX столетия.

Однако поскольку эти принципы в целом противоречили системе централизованного регулирования плановой экономики, то с завершением восстановительного периода доходы от местных источников финансирования в течение послевоенного пятилетия последовательно снижались, уступая место отчислениям от государственных налогов.

В послевоенный период состав доходов местных бюджетов остался почти стабильным. Но в их структуре произошли серьезные изменения. Удельный вес поступлений от местных источников снизился с 39,2% в 1946 г. до 28,8% в 1950 г., а отчислений от государственных налогов, соответственно, повысился – с 53,6 до 66,9% [2, с. 84].

Однако тенденция сохранения определенной финансовой самостоятельности органов местного самоуправления не была забыта и в послевоенный восстановительный период. В послевоенные годы особую актуальность приобрел вопрос о рациональном распределении доходных источников между отдельными видами местных бюджетов в целях обеспечения каждого из них достаточным объемом поступающих доходов.

Чтобы проследить это экономическое явление, в определенной степени противоречащее системе вертикального директивного планирования, следует различать фактический и юридический статус *местных органов власти*.

Следует напомнить, что в рамках бюджетной системы СССР местные бюджеты имели следующую градацию:

- бюджеты автономных республик;
- бюджеты областей;
- бюджеты краев;
- районные бюджеты;
- городские бюджеты;
- поселковые бюджеты;
- сельские бюджеты.

При этом характер перераспределения доходов, например на областном и районном уровнях, существенно отличался от уровня поселковых и сельских бюджетов.

Доходы местных бюджетов на всех уровнях формировались в решающей части за счет отчислений от государственных доходов и налогов. В бюджеты областей, бывших в оккупации, отчисления направлялись в повышенных размерах. При утверждении государственного бюджета Российской Федерации Верховный Совет РСФСР установил на 1946 г. отчисления от подоходного налога с населения и государственного займа, размещаемого среди населения, в бюджеты ряда областей в повышенных размерах: Брянской – 80% от каждого источника; Великолукской, Новгородской, Псковской, Смоленской – соответственно 100%. Одновременно излишки доходов по бюджетам городов республиканского подчинения, которые не были в оккупации (Горький, Куйбышев, Пермь, Новосибирск, Саратов, Свердловск, Челябинск, Казань), были изъяты в республиканский бюджет РСФСР. В бюджеты отдельных административно-территориальных единиц для их сбалансирования направлялись дотации.

В 1946 г. первое место среди регулирующих доходов занимали поступления от государственных займов, налог с оборота находился на втором месте. Однако начиная с 1947 г. налог с оборота в системе регулирования устойчиво занял первое место. На втором месте в одних бюджетах оказались отчисления от государственных займов, реализуемые по подписке среди населения, в других — от подоходного налога с населения. Благодаря налогу с оборота формировалось около $\frac{1}{3}$ общей суммы доходов местных бюджетов. В дальнейшем его роль неуклонно повышалась.

Величина отчислений от регулирующих доходов, передаваемых из республиканского бюджета РСФСР в местные, отличалась нестабильностью. Основной регулирующий источник – налог с оборота – из года в год передавался в них в разных пропорциях. Например, в 1946 г. местные бюджеты получили 3,48% налога с оборота, собранного на данной территории, в 1947 г. — 7,3%, в 1948 г. — 5,8% и т. д. Каждый год изменялись проценты отчислений и от других видов общегосударственных доходов, передаваемых в нижестоящие бюджеты, однако наибольшей неустойчивостью отличался именно налог с оборота. Система ежегод-

ных изменений процентов отчислений создавала фактор неустойчивости в доходной базе местных бюджетов, особенно если учесть, что в доходах бюджетов отдельных областей налог с оборота формировал до 50% поступлений.

К концу 1950 г. сложились следующие пропорции в структуре доходов отдельных видов бюджетов и в распределении источников между ними:

- Поступления от местных источников, формировавшиеся в основном за счет местных налогов и сборов с населения, наиболее высокий удельный вес занимали в городских и поселковых бюджетах – 56,4% и 54%, в областных бюджетах они находились на уровне 17%, в районных – 9,5%, в сельских – 16,8%.
- Основным регулирующим источником являлся налог с оборота, удельный вес которого был особенно высок в областных и районных бюджетах. Но в сельские бюджеты налог с оборота не поступал.

Вторым по значимости регулирующим источником являлись государственные налоги с населения, на долю которых в районных бюджетах приходилось 75%, областных – 23,1, поселковых – 27,8, городских – 13,5%. Самый высокий удельный вес они занимали в сельских бюджетах – свыше 40% [2, с. 86].

На низовом уровне местных бюджетов – поселковых и сельских – значительный удельный вес занимали сезонные источники (подходный налог с колхозов, доходы МТС и сельскохозяйственный налог).

Весомое место среди регулирующих источников занимали поступления от реализации государственных займов. Однако их уровень в сравнении с 1946 г. значительно снизился. За годы четвертой пятилетки выпущено и реализовано пять займов на сумму 11983 млн руб. Поступления от займов в местных бюджетах в 1950 г. составили 14% объема их доходов [2, с. 87].

Как видим, значительный удельный вес в доходах местных бюджетов занимали платежи населения: местные налоги и сборы с населения, государственные налог с оборота и подходный налог с граждан, а также поступления от государственных займов, реализуемых по подписке среди населения. При этом если в целом в местных бюджетах они составляли около 50% их объема, то в поселковых и сельских бюджетах их объем достигал 80%, в то время как в районных бюджетах и бюджетах городов республиканского уровня – только 10%. В бюджетах же городов районного подчинения – около 75% [2, с. 86].

Можно с уверенностью констатировать тот факт, что платежи с населения являлись самым весомым доходным источником базы именно для местных бюджетов (сельских, поселковых, малых городов) по сравнению с региональными (районных и бюджетах городов

республиканского уровня), занимая первое место в ряду регулирующих средств.

Именно налоги и сборы с населения, а также добровольные пожертвования оказались во время войны и в годы послевоенного восстановления экономики тем гибким финансовым ресурсом, за счет которого в самые тяжелые периоды местные власти могли успешно разрешать проблему наполнения бюджетов.

Литература

1. Сучков А. Доходы государственного бюджета СССР. М.: Госфиниздат, 1955.
2. Ширкевич Н.А. Местные бюджеты. М.: Финансы и статистика, 1991.

I.V. KARAVAYEVA

doctor habilitatus in economics, professor, head of the Department of economic theory of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia

EXPANSION OF FINANCIAL INDEPENDENCE OF LOCAL GOVERNMENT IN THE USSR IN THE MILITARY AND POST-WAR YEARS: THE LITTLE-KNOWN FACTS FROM HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper distinguishes the little-known facts about reforming of system of local finance of the USSR during the Great Patriotic War and the post-War recovery period. The author describes the reasons of the necessity of expansion of own tax base of local governments in the conditions of a Wartime. The role of fiscal payments of the population in expansion of financial independence of local governments in the USSR, both in military, and in post-War years is characterized. The author shows that exactly taxes and fees from the population as well as donations had become that flexible financial resource during War and in the years of a post-War economic recovery by means of which in the most difficult periods the local authorities could resolve successfully a problem of budgets filling.

Keywords: *the Great Patriotic War, local finance, local governments, taxes and fees from the population.*

JEL: H22, H56.

А.Г. НАГОВИЦИН

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

СТАБИЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье анализируются проблемы поддержания стабильности российского рубля в годы реформ. Показаны причины дезорганизации денежно-валютных отношений в стране, вызванной ухудшением ресурсно-воспроизводственных возможностей России после распада Советского Союза, фактическим отсутствием экономической безопасности российского рубля. Предложены пути текущей стабилизации рубля.

Ключевые слова: стабилизация национальной валюты, экономическая безопасность российского рубля, «валютная шоковая терапия», конвертируемость рубля, таргетирование инфляции.

JEL: E580, E310.

Из истории невозможно просто вычеркнуть опыт развития социалистических стран (1945–1991 гг.), в т.ч. опыт Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Как известно, все расчеты страны-члены СЭВ осуществляли между собой с помощью переводного рубля, который выступал в качестве измерителя масштаба цен товаров и услуг во взаимной торговле. Эти цены устанавливались в результате пересчета в переводной рубль цен мирового рынка в капиталистических валютах либо на базе пересчета собственных затрат. Переводной рубль не обращался, хотя его золотое содержание в стартовом значении было определено в 0,987412 г чистого золота, а предметно-вещественная форма – в виде банкнот, казначейских билетов либо монет.

Тем не менее система переводного рубля успешно использовалась Международным валютным фондом (МВФ). Система Специальных прав заимствования (СДР) была принята лишь в 1969 г., т.е. спустя 5 лет после начала функционирования переводного рубля. СДР стала инструментом МВФ при создании резервов на базе международных соглашений между странами-участницами с целью предотвращения опасности нехватки валютных резервов, вызванных цикличностью производства.

Ухудшение ресурсно-воспроизводственных возможностей России после распада Советского Союза

Глава российского государства в одном из своих Посланий Федеральному Собранию был вынужден признать, что за время длительного экономического кризиса Российская Федерация потеряла почти половину своего экономического потенциала и «нам пока не удалось догнать самих себя образца 89-го года»¹. Ухудшение ресурсно-воспроизводственных возможностей было изначально связано с потерей прежних наработанных десятилетиями кооперационных и специализированных связей между бывшими советскими республиками. Компенсировать эти потери Российская Федерация не смогла.

Во-первых, после ликвидации Госплана СССР и Госнаба СССР в России не было создано ни одного адекватного органа с функциями управления общеэкономическими пропорциями. Во-вторых, до сих пор в России не созданы надежные механизмы взаимодействия между субъектами рыночных отношений, будь-то малый, средний или крупный бизнес. Имеются в виду инструменты устойчивых хозяйственных связей, например, надёжные прямые долгосрочные договора.

В-третьих, при распаде СССР произошел разрыв внутренних и внешних связей по хозяйственной кооперации, что привело к резкому сокращению поставок сырья, материалов и комплектующих изделий по импорту из стран как ближнего, так и дальнего зарубежья. В-четвертых, произошло разрушение некогда чётко налаженной системы оптовой торговли и снабжения капитального строительства соответствующей техникой, стройматериалами и прочими инвестиционными товарами. В-пятых, в 1990-е годы в Российской Федерации остановилось более 70 тысяч заводов и фабрик, а численность занятых снизилась на 8,2 млн человек². Это привело не только к высвобождению высококвалифицированных инженеров, рабочих и техников, пополнивших ряды «челноков» и безработных, но и к сужению ресурсно-инвестиционной базы развития экономики страны. Как следствие, это не могло не привести к сужению материально-товарного обеспечения российского рубля.

В-шестых, в процессе либерализации и «открытия» российской экономики произошел неконтролируемый ввоз импортных товаров, цена которых практически сравнялась с ценой российских аналогов, что вынудило отечественные предприятия (особенно легкой, пищевой и машиностроительных отраслей) законсервировать инвестиционные

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. 27.05.2004, с. 4.

² Бизнес и банки. 2002. №40, с. 1.

программы, что значительно сузило возможности конвертируемости рубля.

Наконец, самый негативный фактор в процессе возможной стабилизации российского рубля связан с номенклатурно-криминальной приватизацией. Передача общегосударственной собственности в частную не привела к созданию эффективного собственника. Преобладание в переходный период стратегии выживания, а не развития, не могло не отразиться на устойчивости рубля. В результате приватизации суммарные экономические потери только за 1992–2003 гг., по расчетам экспертов, в 2,5 раза превысили потери СССР в годы Великой Отечественной войны³.

По существу в стране был создан экспортный вариант реформ. Из поля зрения выпал фундаментальный принцип развития производительных сил и производственных отношений – ориентация на предложение товаров и услуг своего, отечественного производства. России не удалось получить настоящего субъекта рыночных отношений – независимого, самостоятельного, надежного и уверенного в своих силах цивилизованного предпринимателя, который сам отвечал бы за производство и реализацию своей продукции (товара, услуг). По предпринимательскому климату Россия замыкает первую сотню государств мира.

К сожалению, одним из первых указов Президента РФ стал указ о ликвидации ПТУ – профессионально-технических училищ, которые существовали на всей территории СССР – в больших и малых городах, в том числе в моногородах, в рабочих поселках, и в поселках городского типа. Но ведь как раз на базе ПТУ в прямом смысле «ковался» квалифицированный рабочий класс, мастера и инженеры. Упразднение ПТУ разорвало объективную связку «наука – производство – рынок», остановило формирование цивилизованных субъектов инновационной модели развития страны.

ВВП России до сих пор не достиг уровня 1990 г. Если удельный вес ВВП РФ в 1991 г. составлял 5,5% от мирового уровня ВВП, то к середине 2014 г. он снизился до 2,7–3,1%, т.е. почти в 2 раза. А доля России в мировом экспорте товаров уменьшилась за этот период с 2,2% до 1,7% (если не считать «нефтяную и газовую иглу»), а в импорте – соответственно с 2,2 до 0,8%. Таким образом, российский рубль потерял современную базу экономического обеспечения товаров.

В этом контексте представляет значительный интерес удельный вес Российской Федерации на мировом рынке современной высокотехно-

³ Валютное регулирование и валютный контроль. 2007. №3, с. 89. (Для сравнения – СССР после 2-ой мировой войны восстановил свое народное хозяйство в течение одной пятилетки – с 1946 по 1950 г.)

логичной продукции, если сравнить ее по соответствующим показателям с США и Китаем, занимающим первое и второе места по доле в мировом валовом продукте (таблица 1).

Таблица 1

Удельный вес России, США и Китая на рынке современной высокотехнологичной продукции*

Виды современной высокотехнологичной продукции	Страны		
	Россия	США	Китай
Изделия электронной промышленности	0,06	7,5	21,9
Продукция инструментальной отрасли	0,27	14,7	10,9
Продукция авиакосмической отрасли	0,4	30,0	0,9
Офисное и компьютерное оборудование	0,03	8,2	35,7
Фармацевтическая продукция	0,07	0,5	2,9

*в % к общему мировому объему рынков в конце мирового финансового кризиса.

Источник: [1, с. 23].

Как следует из приведенных данных, доля России в основных видах современной технологичной продукции не поддается никакому сравнению не только с США, но и с Китаем. По всем указанным видам продукции удельный вес России составляет от трех до семи сотых процента от мирового объема соответствующей продукции. Лишь только по продукции авиакосмической отрасли она приближается к половине процента от мирового объема данной отрасли.

Одна из главных причин сложившегося положения заключается в том, что в России за годы реформ не было построено ни одного крупного предприятия в гражданских отраслях и она оказалась в глубоком кризисе даже по продукции авиакосмической отрасли. В 2012–2014 гг. в этой отрасли произошел ряд крупных катастроф, включая запуск «Протона» стоимостью около 100 млрд руб. В целом, по данным Президента РАН академика В. Фортова, в середине 2014 г. удельный вес высокотехнологичной продукции во всех отраслях РФ достигал в среднем всего лишь 0,6%⁴.

Чрезвычайно сильный износ оборудования во всех отраслях хозяйства привел к тому, что энергоемкость российского ВВП в паритетных ценах на порядок выше, чем в других странах. Например, она выше

⁴ Российская газета. 19.03.2014. С. 12.

в 2,9 раза, чем в странах Еврозоны, в 2 раза, чем в США, в 1,8 раза выше, чем в энергоизбыточных странах Ближнего Востока и Северной Африки, и, наконец, в 1,2 раза выше, чем в Китае⁵.

Можно согласиться с точкой зрения, что «главная особенность нашей экономики состоит в том, что она является рентной. На долю доходов от эксплуатации природных ресурсов, прежде всего нефтяных и газовых месторождений, приходится примерно 75% совокупного чистого дохода. Прimitивная структура экономики, в которой очень слабо развита обрабатывающая промышленность, определяет специфику всех сфер хозяйственной системы, в частности денежно-кредитной и валютной сферы» [2, с. 48].

За последние годы импорт России намного опережает по темпам прироста крупнейшие торговые державы мира, например, США, Японию, Китай, Индию, и составляет в настоящее время шестую часть ВВП. В соответствии с торговым балансом более 50% российского импорта составляют как раз машины и оборудование. Страна импортирует $\frac{1}{3}$ автомашин, 40% сельхозтехники, 80–90% текстиля и фармацевтических препаратов. Даже доля «Боингов» в воздушном флоте достигла 25% против 5% в 2000 г. [3, с. 16]. Картофель Россия стала закупать в Марокко, и даже обычные чайники импортирует не только из Китая, но уже и из Австралии [4, с. 19].

Рыночный фундаментализм привел к тому, что у российских инвесторов, т.е. носителей капитала, нет интереса вкладывать средства в развитие производства внутри страны, поскольку они дают отдачу лишь в отдаленной перспективе. Прежде всего, речь идет о наукоемких отраслях либо тех, которые имеют длительный производственный цикл. Между тем опыт наиболее развитых стран мира показывает, что как раз новые технологии и инновации стали ключевым ресурсом экономического роста, и в перспективе их значение многократно усиливается. Поэтому продолжающаяся в России сырьевая ориентация экономики обрекает страну на конверсию технической отсталости, сохранение непригодных для рыночных условий форм организации и управления. Не случайно нобелевский лауреат Ж.Алферов заметил, что, «самая большая катастрофа – это потеря промышленности высоких технологий. Если еще промедлить, то через 10–15 лет мы потеряем страну – останемся сырьевым придатком Запада» [5, с. 3].

По экспертным оценкам, для перевооружения всех отраслей экономики России потребуется как минимум 25–35 лет. На сегодня лишь около 14% российского промышленного оборудования соответствует требованиям мировых стандартов и только 7% российской готовой продукции отвечает этим требованиям по качественным параметрам

⁵ БИКИ. 2009. №66.

[6, с. 162]. Возникает законный вопрос; кто на мировом рынке и по каким ценам станет покупать 93% оставшейся некондиционной российской продукции?

Для сравнения. Только 25% российского промышленного производства приходится на долю отраслей, конкурирующих с импортом и имеющих значимые внешнеторговые связи, существенно зависящие от валютного курса. 30% промышленного производства в России приходится на долю отраслей, практически не имеющих соприкосновения с внешним рынком. 45% приходится на долю экспортоориентированных видов деятельности, в большей степени зависящих не от валютного курса, а от мировой конъюнктуры рынков сырья. Однако, как замечают эксперты, в случае сильного падения мировых цен примерно 70% всего промышленного производства в России оказывается в большой зависимости от валютного курса, что ведет к возрастанию угрозы новой девальвации рубля [7, с. 79].

Таким образом, после распада СССР произошло не улучшение, а ухудшение ресурсно-воспроизводственных возможностей России как независимого государства. Следовательно, страна так и не смогла сформировать благоприятную среду для стабилизации своей национальной валюты.

Об экономической безопасности российского рубля

Мировой финансовый кризис 2008–2010 гг., рецессия 2012–2014 гг. показали, что Россия, как и во времена дефолта 1998 г., оказалась неподготовленной к его негативным последствиям. Ее денежная единица – рубль – оказался незащищенным, поскольку на протяжении всех лет реформ он держался и продолжает держаться «на плаву» в основном за счет «нефтяной и газовой иглы», а также некоторых сфер военно-промышленного комплекса, доставшихся еще от СССР.

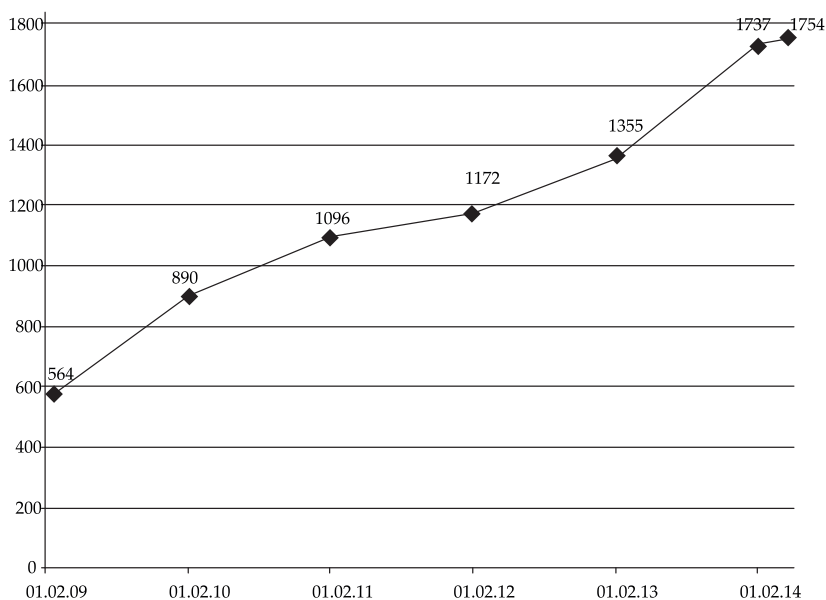
Как известно, центральным звеном национальной безопасности выступает экономическая безопасность, стержнем которой является состояние национальной денежной единицы. Чтобы понять, что произошло в современной России в сфере надежности ее национальной валюты, сравнение следует произвести с советским рублем, поскольку Россия провозгласила себя в начале 1990-х годов в качестве правопреемницы Советского Союза.

Национальные денежные знаки Советского Союза обеспечивались либо золотом, либо драгоценными металлами, либо всеми активами Государственного банка страны, либо, наконец, всем достоянием СССР. Именно в этом состояла нормативно-правовая сторона экономической безопасности советского рубля. В отличие от банкнот советского рубля, в отношении российского рубля вообще нельзя сказать,

чем обеспечивается национальная денежная единица Российской Федерации.

Во всех странах с развитой рыночной экономикой денежно-валютные преобразования проводились десятилетиями. При этом краткосрочные меры увязывались с задачами на длительную перспективу, организационные мероприятия – с правовым механизмом, экономический блок – с социально-демографическими последствиями, а собственно финансово-кредитные рычаги – соответственно с достаточно сильными элементами государственного регулирования.

После распада СССР реформаторы выхватывали то здесь, то там лишь одну из подсистем, нарушая причинно-следственную эволюцию процесса. Это сказалось в первую очередь на благосостоянии регионов России. За последние 8 лет в стране в 2 раза сократилось число регионов-доноров и произошел резкий рост дефицита бюджетов субъектов Федерации. Так, по итогам 2013 г. он составлял 642 млрд руб., что в 3,3 раза превысило прогнозы самого Министерства финансов РФ. Лишь 4 региона страны (Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ненецкий автономный округ) смогли сами обеспечить свои расходы⁶. Госдолг субъектов РФ, т.е. дефицит региональных бюджетов до, во время и после мирового финансового кризиса имеет тенденцию к увеличению, как показано на рис. 1.

Источник: Аргументы и факты. 2014. №26, с. 1.

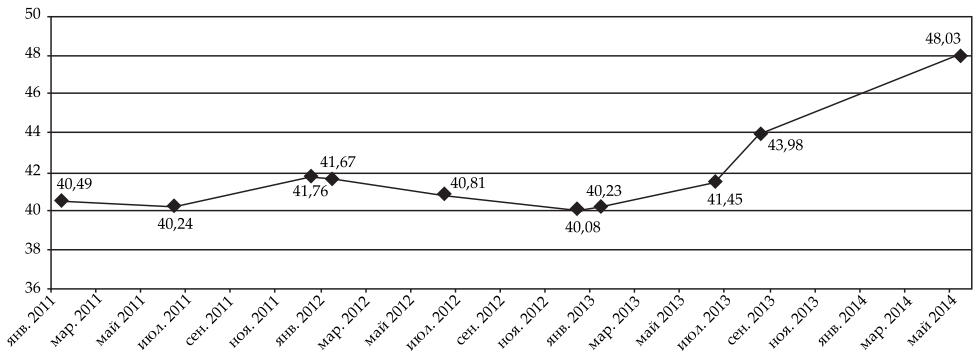
Рис. 1. Госдолг субъектов РФ (млрд руб.)

⁶ Российская газета. 20.05.2014. С. 6.

По данным Минфина РФ, в структуре долга 40% занимают кредиты коммерческих банков, еще одна треть приходится на бюджетные кредиты, а на долю государственных ценных бумаг приходится примерно 25%. Одновременно, по данным Минфина РФ, в середине 2014 г. внешний долг страны достиг гигантской суммы – 723 млрд рублей⁷.

По идеологическим мотивам реформаторы отказались от деления общественного производства на первое и второе подразделение, а промышленности – на группу «А» и группу «Б». В итоге Российская Федерация оказалась на очень низком уровне по доле накопления в валовом внутреннем продукте. Если, например, во второй половине 1970-х годов в СССР доля накопления в ВВП достигала 34,2%, то в настоящее время в РФ она колеблется на уровне 18,5–20,5% [8, с. 20]. На рубеже 2013–2014 гг. сумма денежных накоплений в России составляла 28% ВВП (19,2 трлн руб.), а, для сравнения, в США она достигла 71% или 19,2 трлн долл. Иначе говоря, этот показатель в США в относительном выражении почти в 3 раза выше, а в абсолютном выражении превосходит российский уровень более чем в 7 раз. Российский рубль еще больше потерял свою материально-вещественную обеспеченность товарами и услугами, что стимулировало дальнейшую девальвацию.

Если иметь в виду, что почти половина товарооборота РФ приходится на страны зоны евро, то динамика курса евро по отношению к рублю после мирового финансового кризиса выглядит, как показано на рис. 2.

Источник: Российская газета. 16.08.2013. с. 3.

Рис. 2. Динамика курса евро по отношению к рублю в 2011–2014 гг.

Таким образом, обесценение рубля означает снижение реального объема сбережений в экономике вообще. С точки зрения ретроспективного анализа существенную негативную роль здесь сыграла «валютная шоковая терапия».

⁷ Аргументы и факты. 2014. №26. С. 1.

«Валютная шоковая терапия» как антипод стабильности российского рубля

«Валютная шоковая терапия» была выбрана реформаторами, как им тогда казалось, в качестве альтернативы валютной монополии государства. В частности, реформаторы-монетаристы полагали, что быстрое введение конвертируемости рубля можно обеспечить за счет значительного понижения валютного курса путем его фиксации на низком уровне, т.е. постоянной девальвации. Либо посредством определения курса рубля на базе спроса и предложения на свободном рынке. По их мнению, пониженный курс рубля, удорожая импорт, максимально смог бы сдержать его рост и одновременно, повышая выручку предприятий при экспорте, стимулировал бы рост экспорта, обеспечивая сбалансированное развитие внешнеторгового и платежного балансов страны.

Сначала (1991–1994 гг.) ЦБ РФ «загнал» рублевый курс слишком вниз, затем стал его поднимать. Потом коридор был пролонгирован до конца 1995 г. в пределах от минус 5,7 до плюс 7,5% от уровня курса доллара на 5 июля 1995 г. С января по июль 1996 г. был введен новый валютный коридор с более обесценивающими национальную валюту границами.

С введением валютного коридора резко возрос объем неплатежей, в т.ч. и со стороны правительства. Более того, наличие валютного коридора привело к снижению экономической эффективности производства многих видов продукции. Известны случаи, когда по этой причине срывались экспортные поставки продукции металлургической и химической промышленности.

Напомним, что большинство стран вводило подобный режим «плавания» своих валют на других этапах социально-экономического развития, при совершенно другом состоянии экономики, когда уровни инфляции были незначительными и одновременно начинался рост экономики. Так было в Австрии, во всех странах Бенилюкс, Великобритании, Франции, Японии, в странах «четырех тигров». Если в дополнении к сказанному учесть, что большинство стран вводило фиксированный, а не «плавающий» валютный курс, то решение о введении валютного коридора в России можно признать вдвойне уникальным феноменом. К тому же оно было провозглашено при отсутствии сколько-нибудь удовлетворительной методологической базы.

Очевидно одно – установление валютного коридора было мало связано со сложившейся социально-экономической ситуацией в стране, не отражало финансово-кредитных параметров из-за отсутствия свободного капитала на финансовом рынке, огромного бюджетного дефи-

цита, гигантского внутреннего и внешнего долгов, кризиса платежей. К тому же один баррель нефти стоил тогда всего 5–6 долларов.

«Первый звонок» прозвучал в «черный вторник» – 11 октября 1994 г., когда произошел обвал российского рубля по отношению к доллару сразу на 34%. Это заставило Президента РФ создать специальную комиссию по выяснению причин такой ситуации на валютном рынке. Тем не менее в мае 1996 г. было принято решение о новом валютном регулировании. С 1 июля 1996 г. границы колебаний курса стали определяться в пределах от 5000 до 5600 недоминированных рублей за доллар США вместо прежних колебаний в границах от 4550 до 5250 руб. На 31 декабря 1996 г. граница интервала увеличилась до 6100 руб. Иначе говоря, валютный коридор сменила так называемая скользящая привязка рубля к доллару, т.е. то, что потом получило название «наклонный валютный коридор».

Изменения валютного курса рубля стали привязываться к прогнозным оценкам изменения уровня инфляции. Таким образом, ЦБ РФ пытался сохранить за валютным курсом функции некоего «якоря», сдерживающего рост цен. Эпопею курса рубля завершило Заявление ЦБ РФ «О политике валютного курса в 1998 году и последующие годы», которым провозглашался переход от практики установления краткосрочных ограничений на изменение курса рубля к определению среднесрочных ориентиров динамики курса.

Этому не суждено было сбыться. 17 августа 1998 г. прозвучал «второй звонок», известивший о структурном кризисе всей экономики России, когда обесценение национальной валюты произошло в беспрецедентных до тех пор размерах – в 4–5 раз. Доллар США достиг исторического для того времени максимума – 25–26 руб. В результате импортные товары стали продаваться внутри России с большей прибылью, которую использовали для закупки сырья на внутреннем рынке по ценам ниже мировых с целью последующего экспорта с хорошей выручкой в валюте. При этом рост потребительских цен оказался ниже темпов обесценения рубля, что означало рост покупательной способности чужой иностранной валюты. Импорт при обесценении национальной валюты продолжил дорожать, а внутренние цены стали ориентироваться не столько на рост издержек производства, сколько на падение курса рубля. В свою очередь, снижение курса рубля стимулировало экспорт продукции по демпинговым ценам, и предприятия стали получать большую прибыль, чем при реализации на внутреннем рынке.

Таким образом, российский рубль не только показал свою слабость как национальная валюта экономически независимого государства, но оказался незащищенным в правовом отношении, поскольку за дефолт никто из руководящих работников исполнительной ветви власти так и не понес никакого наказания.

Более того, во всех последующих программах Правительства Российской Федерации по развитию реформ и стабилизации российской экономики не было приведено ни одной конкретной цифры, никаких научно обоснованных расчетов и временных границ того, когда и с помощью каких рычагов будет усилена финансово-валютная политика страны.

О приоритетах размещения денежно-финансовых ресурсов

Россияне, в отличие от граждан стран с развитой рыночной экономикой, стали уходить в так называемую внутреннюю эмиграцию, переводя рубль в чужую иностранную валюту. Данное явление можно обозначить как внутреннюю утечку капитала. В середине нулевых годов в России «гуляло» более 100 млрд долл.⁸, а по данным независимых экспертов, активы российских граждан за рубежом после мирового финансового кризиса (2012–2013 гг.) достигали 300–500 млрд долл.⁹ Несмотря на все принимаемые меры, валютная выручка от экспорта товаров и произведенных услуг остается, как в 1990-е и в нулевые годы, в распоряжении самих экспортеров.

Россия продолжает размещать свои золотовалютные резервы в американских ценных бумагах, ежегодно теряя при этом минимум 50 млрд долл. С учетом комиссии, выплачиваемой Россией инвестиционным банкам за размещение указанных средств, а также недополученного дохода, Россия стала терять в 2 раза больше финансовых средств, т.е. около 100 млрд долл. ежегодно¹⁰.

Неприглядная картина сложилась и в отношении Резервного фонда страны. В середине 2014 г. там было сосредоточено почти 2 трлн руб., из которых большая часть хранится в американских долговых обязательствах, а накопленные запасы размещаются за границей под 0–1% годовых. И в то же время для закрытия бюджетных дыр Россия сама занимает деньги на внутреннем рынке у коммерческих банков под 7,63% годовых [9, с. 5–6]. Вряд ли подобные меры могут укрепить российский рубль.

В целом за годы реформ в государственный долг США, как это ни парадоксально, было вложено 160 млрд долл., т.е. Россия занимает 6-ое место в мире по инвестициям в американские государственные

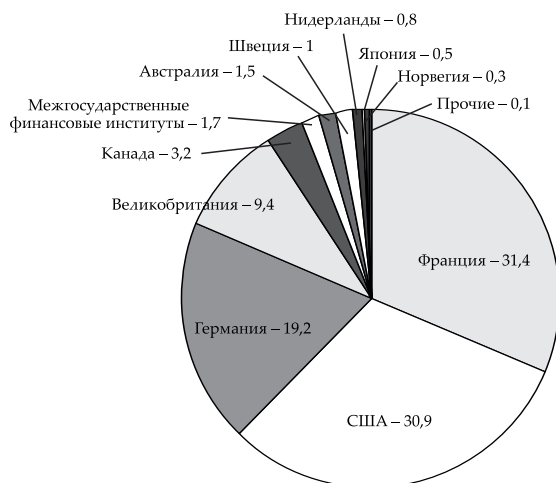
⁸ Бизнес и банки. 2004. №27. С. 1.

⁹ Финансовый бизнес. 2013. №1. С. 43.

¹⁰ Аргументы и факты. 2013. С. 1.

бумаги¹¹. И это происходит на фоне абсолютной нехватки финансовых средств на осуществление собственных национальных программ.

Общую картину о хранении Центральным банком РФ своих валютных резервов за рубежом дает представление нижеприведенная информграфика (см. рис. 3).

Источник: Российская газета. 21.05.2014. С. 4.

Рис. 3. В каких странах и в какой пропорции банк России хранит свои валютные резервы, %

Из приведенных данных следует, что США занимают 2-ое место (30,9%), Франция имеет удельный вес в 31,4%, затем следует Германия – 19,2%, Великобритания – 9,4%. На остальные страны, включая Канаду, Австралию, Швецию, Японию, приходится 7–7,5%. Обращает на себя внимание, что удельный вес размещенных Россией валютных резервов в межгосударственных финансовых институтах составляет всего лишь 1,7%. Между тем, не веря ни в какие положительные результаты реформ, россияне прячут «под матрацами», «в стеклянных банках», на приусадебных участках 3,5 млрд руб.¹²

Следует отметить, что в процессе обеспечения стабильности национальной валюты значительный интерес представляет таргетирование инфляции, т.е. система мер, направленных на снижение собственно уровня инфляции. Иначе говоря, параметры инфляции объявляются в качестве основной цели денежных властей по стабилизации национальной валюты.

¹¹ Российская газета. 16.10.2013. С. 4.

¹² Российская газета. 15.01.2013. С. 1.

О таргетировании инфляции

Таргетирование инфляции предполагает «использование Центральным банком более жестких инструментов монетарной политики: повышение ставки рефинансирования, если инфляция растет быстрее намеченных прогнозных темпов; допущение увеличения колебаний валютных курсов; повышение контроля над кредитно-денежной политикой»¹³.

С нашей точки зрения, здесь просматриваются три сценария.

Первый возможный сценарий – это крах валютной стабилизации. Наш аргумент: невозможно долго удерживать курс в условиях продолжающегося роста внутренних цен на все товары и услуги, включая жилье, проезд на транспорте, медицинское обслуживание. При этом могут возникнуть следующие ситуации.

Ситуация первая. В результате отставания роста темпов инфляции от роста курса доллара спрос на валюту может стать таким высоким, что не хватит никаких валютных резервов Центрального банка РФ, либо они настолько истощатся, что не будет достаточных средств для удержания курса в определенных рамках.

Ситуация вторая. Многие коммерческие банки, вкладывая средства в ГКО, опасаются, что обязательства по ним могут быть не выполнены, как это было не раз за годы реформ. Основания для опасений имеются. ГКО, с нашей точки зрения, – это очередная финансовая «пирамида». Поскольку у нее нет надежного фундамента, это создает дополнительные трудности, например, для конвертируемости рубля.

Ситуация третья. Прибыльность валютных вложений может возрасти, например, при значительных колебаниях курса доллара. Из-за этого приток валюты на российский валютный рынок через валютные биржи уменьшится, так как экспортеры в таких условиях перестанут обменивать большую долю своей валютной выручки, а просто будут держать валюту у себя.

В рассматриваемом случае удерживать валютный курс в определенных рамках станет просто невозможно, и курс рубля может обрушиться. Следовательно, уменьшаются надежды на возможность даже частичной его конвертации. Это, собственно, и происходит в настоящее время. В 2011–2014 гг. один доллар США стоил в среднем 28–29 руб., на протяжении всего 2013 г. его стоимость не опускалась ниже отметки 32–33 руб., а в течение 2014 г. – ниже 34. Иначе говоря, ЦБ РФ значительно расширил границы «валютного коридора», обесценив тем самым национальную валюту.

¹³ Экономический словарь (отв. ред. академик РАЕН А.И. Архипов). М.: Проспект, 2010. С. 576.

Второй возможный сценарий, как модификация первого, заключается в том, что сама исполнительная власть в лице правительства РФ и Центрального банка отменяет «плавающий» курс, который окончательно переходит в зону «локомотива с зеленым светофором». Неизбежные последствия такой валютной политики – дальнейшее ускорение темпов обесценения рубля.

Наконец, третий возможный сценарий – переход к «валютному коридору» с новыми, более девальвированными границами. При таком развитии событий с целью более активного регулирования курса рубля Центральный банк РФ должен занимать более гибкую позицию в отношении коммерческих банков. Имеется в виду диверсификация валютных резервов как коммерческих банков, так и самого ЦБ РФ.

При всех возможных сценариях Центробанку надлежит активнее вовлекать в свои резервы все основные конвертируемые валюты мира, а не только доллар США и евро. Например, уже сегодня ясно, что в ближайшей перспективе все больше будет увеличиваться доля китайского юаня в транснациональных акциях всего мира.

По расчетам экспертов, если в настоящее время 60% международных расчетов идет в американских долларах, 20% – в евро и незначительная часть в японских йенах и швейцарских франках, то в течение ближайшего десятилетия одной из ведущих мировых валют станет китайский юань, на долю которого придется от 5 до 10% всех международных расчетов¹⁴.

Выводы и предложения

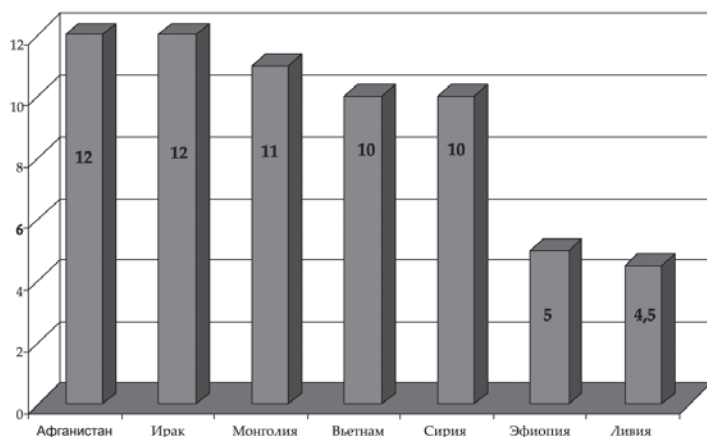
- В России реформаторы не учли вполне реальную цепочку связей:
- стабилизация национальной валюты невозможна без ликвидации кризисных факторов в развитии переходной экономики;
 - их можно преодолеть путем структурной перестройки хозяйства, в первую очередь материального производства, ухода от сырьевой направленности в пользу интенсивного развития пятого и шестого технологических укладов;
 - материальное производство позволит развить конкуренцию прежде всего на внутреннем рынке;
 - конкуренцию можно создать единственным путем – формированием собственника–производителя отечественного товара.

Между тем в системе управления денежным обращением произошли известные сбои. Эксперты-аналитики отмечают, что средства российских фондов размещены в госбумагах других государств. Однако доходность резервов Российской Федерации за рубежом одна

¹⁴ Российская газета. 19.02.2010. С. 2.

из самых низких в мире и составляет всего 0,08%¹⁵. Очевидно, что денежным властям РФ стоит серьезно подумать о порочности политики вкладывания финансовых ресурсов, накопленных всей страной, в чужую экономику.

Наступила пора также прекратить практику прощения долгов другим странам без обсуждения в законодательных и исполнительных органах власти, без обсуждения с общественностью. Россия «подарила» своим бывшим друзьям 65 млрд долл., которые могли пойти на внутренние нужды россиян. Нижеприведенные данные (см. рис. 4) показывают структуру этого процесса¹⁶.

Источник: Аргументы и факты. 2010. №51. С.12

Рис. 4. Кому и сколько Россия простила долгов, в млрд долл.

К этому следует добавить, что в июне 2014 г. РФ простила КНДР долг в 10 млрд. долларов, оставшийся еще с советских времен. Наконец, в июле 2014 г. Россия списала долг Кубе в 32 млрд долл.¹⁷

Получается, что РФ «подарила» разным странам 107 млрд. долларов. Это несмотря на то, что собственное сельское хозяйство уже перешло все критически допустимые нормы безопасности существования. По статистике Института конъюнктуры аграрного рынка РФ, в 1990 г. удельный вес продовольственного импорта достигал всего 15%, а в настоящее время – свыше 60%, т.е. вырос более чем в 4 раза¹⁸. Согласно данным Института торговой политики РФ, по многим видам продовольствия страна фактически сидит на импортной игле. Это касается всей молочной продукции, мяса, рыбы, яиц. «Начать вдруг выживать

¹⁵ Аргументы и факты. 2014. №23. С. 18.

¹⁶ Аргументы и факты. 2010. №51. С. 12.

¹⁷ Ведомости. 14.07.2014. С. 4.

¹⁸ Аргументы и факты. 2013. №46. С. 17.

на своем вряд ли получится, потому что соответствующие отрасли российской промышленности фактически разрушены»¹⁹. Таким образом, в первую очередь финансовые ресурсы государства надо вкладывать в развитие отечественного сельского хозяйства, а не прощать многомиллиардные суммы другим государствам.

Следует признать, что основной игрок в денежном обращении – Центральный банк РФ – по отношению к стабильности рубля ведет себя очень странно, неадекватно, весьма пассивно и очень слабо заявляет о своей позиции на среднесрочную и долгосрочную перспективы. В первую очередь ЦБ РФ должен четко объяснить, является ли длительное обвальное обесценение национальной валюты вынужденной мерой. Если да, то до каких пределов и почему? Либо речь идет о чем-то другом, а именно о валютной политике, направленной на постоянное понижение курса рубля.

В последнее время от исполнительных органов власти можно услышать расхожее мнение, что во временных границах 2015–2017 гг. доллар США может стоить чуть ли не 40–45 руб. При этом контрмеханизма противодействия этому развитию событий нет. В таком случае, очевидно, что валюта, используемая ЦБ РФ для поддержки обменного курса рубля, работает неэффективно. Значит, нужно срочно менять тактику самой валютной политики.

Центральный банк РФ в принципе не должен котировать рубль к доллару и другим СКВ по курсу, устанавливаемому на ММВБ. Он может лишь использовать биржевой курс в качестве одного из ориентиров при установлении своего официального курса. В этой связи наступает пора навести порядок в системе валютных бирж в России. Главный организационный недостаток заключается в том, что они до сих пор не связаны между собой единой коммуникационной сетью. Они работают автономно, имея определенный круг участников и собственные приоритеты.

Вопреки сложившейся множественности валютных бирж, в России должна функционировать одна – Общенациональная валютная биржа, призванная отражать реальный курс рубля для всех регионов страны. Это упорядочило бы валютные торги и могло бы противодействовать спекуляции, что положительно сказалось бы на денежном обращении в стране и возможности конвертации рубля.

Целесообразно в ближайшие годы продолжить практику использования российского рубля в качестве валюты цен внешнеторговых контрактов, а также валюты предоставления и погашения экспортных кредитов с подкреплением такого опыта системой защиты иностранных держателей рублевых средств от возможного риска изменений

¹⁹ Аргументы и факты. 2013. №46. С. 1.

курса рубля. Следует разрешить в порядке эксперимента регламентированный импорт в Российскую Федерацию с оплатой в рублях, если фирмы-поставщики используют данные рублевые платежи исключительно во внутриэкономическом обороте страны.

Поскольку Россия в значительных объемах импортирует готовую продукцию, то динамика курса рубля не должна влиять на динамику внутренних цен. И потому уже сегодня исполнительным органам власти РФ нужно думать над тем, чтобы государство воспрепятствовало такому развитию событий, поскольку оно ведет к снижению конкурентоспособности отечественной продукции без объективных на то причин. Одновременно с этим следует прекратить выдачу внутри Российской Федерации кредитов в долларах или в другой валюте, что повысит престиж самого рубля. Более того, в качестве основного канала следует привлекать в Россию не государственные и банковские займы, а частные инвестиции, не увеличивающие государственный внешний долг.

В сфере валютно-финансовых отношений требуется найти достаточно надежные источники доходов внутри страны и на этой базе направлять средства в реальный сектор национальной экономики. Это укрепит потенциальные возможности российского рубля, его товарное обеспечение и выход на мировые рынки российских товаров. Речь идет не только о топливно-сырьевом секторе и ВПК, но в перспективе и о целых системах машиностроительного комплекса. Указанные меры должны положительно повлиять на укрепление технологического профиля самой внешней торговли и на возможность получать СКВ по всему периметру внешнеэкономических связей со всеми регионами международной торговли.

В целом стабилизацию российского рубля следует рассматривать не изолированно, как «вещь в себе», а в качестве составной стратегии общеэкономической направленности, предполагающей достижение устойчивых темпов роста национального дохода в интересах всех российских граждан, а не только олигархов и тех, кто их обслуживает. В этом смысле ЦБ РФ должен занять более твердую позицию, чем сейчас. Он должен использовать свое конституционное право по ст. 75 п. 2, где записано: «Защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти» (39).

Литература

1. Ленчук Е., Власкин Г., Филатов В. Новая индустриализация – условие формирования инновационной модели развития российской экономики // Федерализм. 2014. №1.
2. Любский М. Российская политика валютного курса // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. №3.
3. Иванов И. Импорт и импортозамещение в России // Мировая экономика и международные отношения. 2012. №1.
4. Кричевский Н. Внутренний ресурс // Аргументы и факты. 2014. №25.
5. Алферов Ж. Россия – страна оптимистов, потому что все пессимисты уже уехали // Аргументы и факты. 2011. №11.
6. Наговицин А.Г. Формирование рублевой валютной зоны: миф и реальность // Вестник института экономики РАН. 2009. №1.
7. Смирнов С., Балашова Е., Посвянская Л. Курсовая политика как фактор изменения структуры российской экономики // Вопросы экономики. 2010. №1.
8. Иноземцев В. Все проели. У народа почти нет сбережений // Аргументы и факты. 2014. №9.
9. Дмитриева О. Наши резервы в Америке? // Аргументы и факты. 2013. №5.

A.G. NAGOVITSIN

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
vestnik-ieran@inbox.ru

STABILITY OF RUSSIAN NATIONAL CURRENCY: RETROSPECTIVE ANALYSIS

The paper is devoted to the issues of maintenance of stability of Russian ruble in the years of reforms. The reasons of disorganization of the monetary and currency relations in the country caused by deterioration of resource and reproduction opportunities of Russia after disintegration of the Soviet Union as well as the actual lack of economic security of Russian ruble are shown. The ways of the current stabilization of ruble are offered.

Keywords: *stabilization of national currency, economic security of Russian ruble, "a currency shock therapy", convertibility of ruble, inflation targeting.*

JEL: E580, E310.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В.Н. ЮСИМ
профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова

А.В. БЫСТРОВ
заведующий кафедрой РЭУ им. Г.В. Плеханова

Д.Г. ФИАЛКОВСКИЙ
аспирант РЭУ им. Г.В. Плеханова

ТЕКУЩИЕ КОНСТАНТЫ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН – ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Исследования динамики развития значительной части стран мира позволяют утверждать, что развитие самых крупных стран – технологических лидеров в современных условиях характеризует некая константа. Ее можно считать «текущей макроконстантой развития». В статье демонстрируется факт ее существования и обосновывается мнение, что «текущие макроконстанты развития» могут и должны стать ориентирами стратегического развития для всех стран, претендующих на равноправные экономические и политические отношения со странами–технологическими лидерами.

В статье показаны условия, при которых проявляется групповая макроконстанта развития, оценены частные значения макроконстант у разных стран и показан ряд преимуществ измерения долгосрочных темпов роста стран в абсолютном значении скорости изменения годового дохода одного жителя страны перед другими показателями. Представленные в статье выводы базируются на результатах анализа долгосрочных данных совокупного ВВП, ВВП на душу населения и их производных большинства стран мира. При исследовании статистической информации были использованы достаточно известные эконометрические методы корреляционно-регрессионного и кластерного анализа. Практическая значимость представляемых результатов заключается в возможности использования макроконстант развития как долгосрочного (15 и более лет) ориентира стратегического планирования темпов развития фирм и стран в рамках промышленной и экономической политик.

Ключевые слова: фирма, прогнозирование, развитие, экономика, потенциал, константа, закономерность, кластеризация.

JEL: O10, O33.

Статистика демонстрирует, что в подавляющем большинстве стран, быстрее или медленнее, но в среднем растет объем внутреннего валового продукта (ВВП), создаваемого за год [13]¹.

В условиях, когда темп роста ВВП у всех стран растет, условием лидерства становится усредненная долгосрочная величина ускорения роста ВВП, а точнее, ускорение значения роста ВВП на одного человека.

Историю сосуществования различных стран характеризует непрерывное соперничество. В последние сто лет стало понятно, что оно происходит преимущественно в сфере технического прогресса. Долгосрочное лидерство той или иной страны в технологической гонке обеспечивают столь же долгосрочные высокие темпы ее развития. Характеристика такого развития, в случае выяснения ее устойчивости на значимом отрезке времени, может стать важным ориентиром развития фирм в конкурентном соперничестве.

Анализ динамики экономического развития крупных развитых стран мира позволяет говорить, что на ближайшие 15–20 лет потенциал их развития может быть characterized неким количественным показателем, в качестве которого можно использовать среднее значение ускорения темпов их развития, которое, в рамках специально выявленных ограничений, оказывается не зависящим от времени.

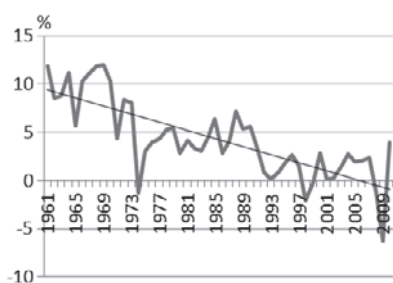
Наши исследования динамики развития самых крупных стран – технологических лидеров мира – позволяют выдвинуть и защитить следующее утверждение. После достижения определенного уровня развития (условно, вход в постиндустриальный период²) *ускорение развития крупных технологических передовых стран характеризуют некие константы. Их удобно назвать «текущие макроконстанты развития».*

Если судить по доступным источникам, понятие «макроконстанта развития» в настоящее время не используется ни в теории [6], [14], [17], ни в практике промышленной политики [9], [10], [11], [12]. Действительно, достоверно известна обратная характеристика развития стран – это высокая нестабильность темпов их развития. Убедиться в существовании нестабильности очень просто. Достаточно обратиться к динамике изменения процентных темпов роста совокупного ВВП или ВВП на душу населения любой из развитых стран. Например, динамика годового ВВП и ВВП на душу населения Японии в период с 1961

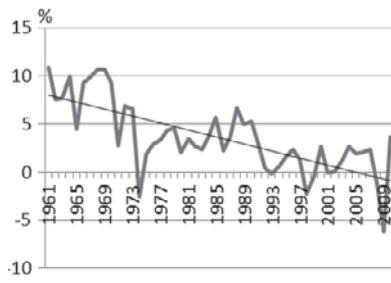
¹ Значение роста ВВП в единицу времени (год) – это скорость, или темп его роста, а увеличение темпа (скорости) роста годового ВВП – это его ускорение.

² Оценивается по уровню ВВП на человека, при котором возникает значительная разница в величине курса национальной валюты и оценки паритета ее покупательной способности (ППС). Разница в значениях двух оценок валюты связана с разницей в технологических возможностях развитых стран и отстающих [1]. Также в рассматриваемых странах должна быть достаточно большая численность населения (см. критерий 1 ниже по тексту).

по 2010 г. (см. рис. 1) демонстрирует не только изменения в разы процентов изменения ВВП от года к году, но и постоянный тренд к снижению годового процентного роста.

(1)

(2)

Рис. 1. Тенденция изменения процентных темпов роста совокупного ВВП (1) и ВВП на душу населения (2) в Японии

Будем считать, что *текущая макроконстанта развития* – это статистически не меняющаяся на достаточно длительном отрезке времени (в 15–40) лет характеристика развития страны.

Факт существования макроконстанты выявлен по значению коэффициента детерминации (корреляции) между исследуемым фактором и временем³. Оценка значимости коэффициента детерминации проверялась по значению *T*-критерия Стьюдента. Эмпирическое значение *T*-статистики было рассчитано для всех рассмотренных зависимостей, и сравнение показало, что $T < T_{\text{крит}}$ в подавляющем большинстве случаев с вероятностью 99%. То есть, была подтверждена нулевая гипотеза о том, что связь между *Y* и *X* отсутствует с предельно высокой для практики статистических оценок вероятностью.

Обычно в экономических исследованиях преследуется цель найти зависимость некой экономической характеристики от времени. Решаемая же в данном случае задача обратная: нужно показать, что на некоторых этапах мирового технологического развития может возникать, для определенных стран, характеристика развития, не зависящая от времени.

В поисках текущей макроконстанты развития были исследованы наиболее распространенные показатели динамики большинства стран мира⁴. Рассматривались изменения во времени таких макроха-

³ Если значение коэффициента детерминации по статистическим критериям незначимо, можно утверждать, что величина исследуемого фактора (*Y*) не зависит от времени (*X*).

⁴ Статистические данные взяты с сайта Мирового Банка. <http://data.worldbank.org/indicator/...> (дата обращения 20.10.2012).

рактических характеристик развития, как абсолютный размер ВВП, его рост, процент ежегодного роста ВВП, а также все эти характеристики в расчете на одного жителя страны и одного занятого в производстве страны человека (всего девять характеристик).

Для обоснования факта существования макроконстанты в выбранной нами одной группе – крупных развитых стран мира – были реализованы три этапа анализа.

На первом этапе выяснялось, какие из девяти исследуемых характеристик могут претендовать на статус макроконстанты развития и по каким критериям следует отбирать страны, развитие которых характеризуют макроконстанты.

На втором этапе исследовано, при каких условиях, или ограничениях, возникают макроконстанты.

На третьем этапе было показано, что макроконстанта, выявленная на базе предыдущего периода, с высокой вероятностью имеет шанс полностью или с небольшой коррекцией сохраниться в последующих периодах.

В рамках первого этапа анализа сначала по визуальной оценке графиков динамики развития были протестированы все девять означенных выше характеристик – претендентов на макроконстанты развития. Всего тестировалось более 200 стран. В итоге были отобраны три характеристики: значение процентного роста ВВП – как самый распространенный показатель макроразвития, абсолютное значение ВВП на душу населения и значение абсолютного роста ВВП на душу населения в год.

Одним из редких доводов в пользу существования констант макроэкономического развития может служить информация о постоянном процентном росте ВВП США на достаточно большом историческом отрезке. Так, почти за 100 лет, с 1890 по 1986 гг., рост ВВП США хорошо описывается кривой с постоянным процентом роста в год – 3,2% [15].

Вместе с тем, как показывает статистика, ведущие экономики мира не способны на длительном временном отрезке поддерживать постоянный процентный темп роста. Современная практика крупных развитых стран чаще всего демонстрирует, что процентные темпы роста значительно снижаются со временем (например, после волны индустриализации). Об этом говорит опыт Японии, Великобритании, Франции, Германии (типовой пример представлен на рис. 1).

Помимо этого, оценка роста ВВП стран по его проценту связана с рядом неточностей. Во-первых, по своей сути одинаковый процент роста макропоказателя для различных экономик имеет существенные отличия. С ростом базы ВВП одинаковый процентный рост начинает соответствовать все большей величине в абсолютном выражении. Во-вторых, процент роста совокупного макропоказателя (а не на душу населения) слабо отражает реальный экономический рост ввиду вли-

яющего на него скрытого фактора – роста населения. Так, если рост населения в стране в каком-либо году составил 3% при тех же 3% роста ВВП, то, по сути, на душу населения роста благосостояния не произошло вовсе.

Кроме того, можно показать, что за формально эффективной аппроксимацией роста ВВП на душу населения постоянным процентным, то есть экспоненциально нарастающим абсолютным значением его роста, скрывается снижение роста процента роста во времени. На рис. 2 приведен график ВВП на душу населения США (в долл. 2009 г.) за период с 1980 по 2013 гг. с линейным и экспоненциальным трендами. Хотя на данном временном отрезке тренды ведут себя практически одинаково, коэффициент детерминации улавливает едва заметное отличие этих трендов в пользу линейного. Это означает, что постоянный (линейный) рост в данном случае описывает тенденцию лучше, чем экспоненциальный, и, следовательно, реальный рост ВВП только приблизительно соответствует экспоненте, или постоянному процентному росту.

Анализ более длительного периода позволяет выявить значительно более серьезные различия в средних значениях величины процентов роста ВВП на различных временных отрезках. Так, по нашим расчетам, за период развития США с 1929 по 2013 гг. средний процентный темп роста ВВП⁵ на душу населения составил 2,4%. Но если разбить доступную информацию на два периода по 42 года, то становится очевидным, что процентный рост заметно снижается со временем. Он составляет, соответственно, 3,06% в первый период и 1,91% во второй, т.е. снижается на треть.

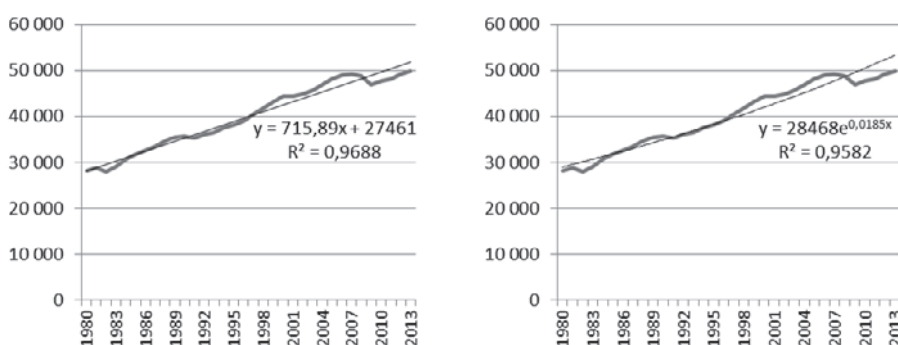

Рис. 2. ВВП на душу населения США (в долл. 2009 г.) за период с 1980 по 2013 г., линейный (слева) и экспоненциальный (справа) тренд.

⁵ What Was the U.S. GDP Then? // Measuring Worth, service for calculating relative worth over time, 2014.

Второй показатель: абсолютное значение ВВП, приходящееся на одного жителя страны, самым тесным образом связан с показателем времени и, следовательно, не может претендовать на роль неизменной во времени константы.

Последний претендент на роль макроконстанты развития – это абсолютный рост ВВП на одного жителя страны. Как показали исследования, этот показатель может претендовать на роль макроконстанты, но при выполнении определенных условий.

В рамках второго этапа анализа было определено, при каких условиях, или критериях отбора, возникают текущие макроконстанты развития стран.

Для отбора стран, в которых могут возникать макроконстанты развития, среди всех стран мира (214 стран), были использованы три критерия.

Первый из критериев отбора ограничивает минимальную численность населения страны. По нашей эмпирической оценке, такой границей является 3 млн человек. Данная цифра, также, близка к значению минимальной численности населения ведущих стран мира, включаемых в ежегодные статистико-аналитические отчеты Бюро трудовой статистики США (БТС, *eng.* Bureau of Labor Statistics (BLS)). Так, минимальное значение численности населения по всем странам, входящим в отчет БТС 2011 г., равняется 3,4 млн чел. (Ирландия). Взяв небольшой запас и округлив до миллиона, получаем границу – не менее 3 млн чел.

Второй критерий отбирает страны, вошедшие в «постиндустриальный период» развития. Нижней границей начала «постиндустриального периода» было принято достижение страной значения реального ВВП на душу населения в 15000\$ (в долларах США 2005 г.), обоснованного в работе [1]⁶.

Третий критерий отбирает страны, вошедшие в «постиндустриальный период» развития достаточно давно – не менее 15 лет назад.

После наложения изложенных выше критериев на все страны мира, получилось, что для дальнейшего рассмотрения осталось 13 стран:

⁶ В работе [1] было показано, что у всех стран, уровень благосостояния которых выше 16 – 20 тыс. долл. США (по ППС) на человека (в долларах 2005 г.), отношение значений ВВП полученных по биржевому курсу и по паритету покупательной способности, меньше 1. Кроме того, разница в значениях ВВП сравнительно небольшая, около 20%. А у всех стран, уровень благосостояния которых ниже указанного, отношение двух значений ВВП существенно больше 1, и отличаются они друг от друга в десять раз сильнее. Анализ причин проявления этих тенденций позволяет сделать вывод, что они вызваны переходом стран с уровнем ВВП выше 16–20 тыс. долл. США на человека в новый технологический уклад, другими словами, в постиндустриальный период развития.

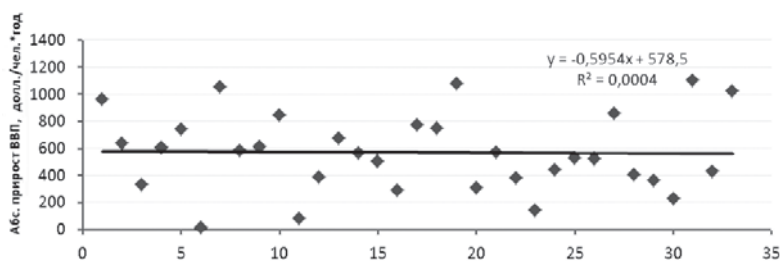

Рис. 3. Рост ВВП на душу населения в Германии в периоды стабильного экономического развития (1969–2011 гг.). ($T_{\text{эмп.}} = 0,111 < T_{\text{крит.}} = 2,744$; незначимо с вероятностью 99%)

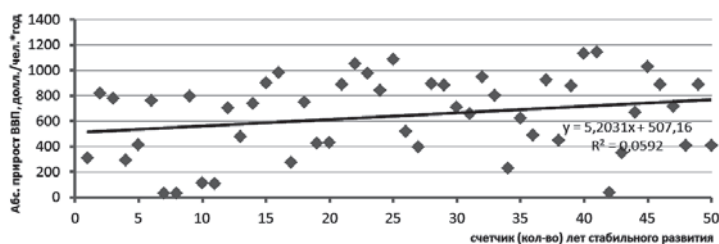

Рис. 4. Рост ВВП на душу населения в США в периоды стабильного экономического развития (1948–2011 гг.). ($T_{\text{эмп.}} = 1,739 < T_{\text{крит.}} = 2,682$; незначимо с вероятностью 99%)

Австралия, Бельгия, Канада, Франция, Германия, Греция, Италия, Япония, Южная Корея, Нидерланды, Испания, Великобритания, США.

С целью выделения периодов стабильного (нормального) развития из всей совокупности данных были исключены года экономических кризисов и стагнации, а также три года с самым большим темпом экономического роста.

Типовой график линейной аппроксимации зависимости абсолютного роста ВВП на душу населения от времени в условиях стабильного роста экономики представлен на рис. 3. На рисунке видна зависимость, а точнее, отсутствие зависимости, абсолютного роста ВВП на душу населения со счетчиком времени (годами стабильного экономического развития). Об этом говорит статистически незначимое по критерию Стьюдента значение R^2 .

Данные и базовая тенденция, характеризующие развитие США за самый длительный период постиндустриального развития среди всех стран мира, показаны на рис. 4.

Визуально теоретическая линия регрессии на рис. 4 демонстрирует увеличение темпа роста ВВП на человека. Но строго статистически вывод о возрастании темпа роста ВВП со временем не подтверждается. Об этом также говорит статистически незначимое по критерию Стьюдента значение R^2 .

Признаки наличия макроконстанты развития, продемонстрированные выше для США и Германии, сохраняются и у других стран – технологических лидеров мира, (см. рис. 5, 6, 7). На рисунках значения скорости роста ВВП на человека даны в долл. США 2005 г.

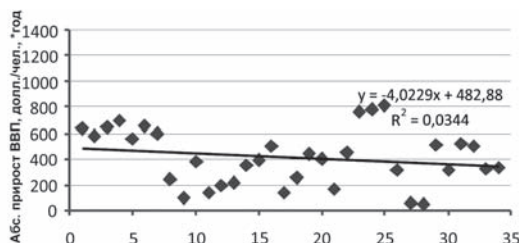

Рис. 5. Рост ВВП на душу населения во Франции в периоды стабильного экономического развития (1971–2011 гг.). ($T_{\text{эмп.}} = 1,067 < T_{\text{крит.}} = 2,738$; незначимо с вероятностью 99%)

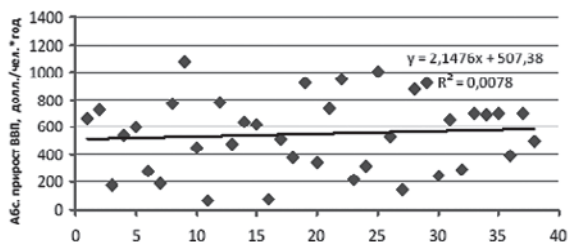

Рис. 6. Рост ВВП на душу населения в Канаде в периоды стабильного экономического развития (1965–2011 гг.). ($T_{\text{эмп.}} = 0,533 < T_{\text{крит.}} = 2,719$; незначимо с вероятностью 99%)

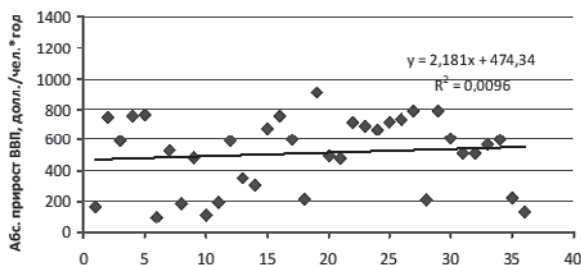

Рис. 7. Рост ВВП на душу населения в США в периоды стабильного экономического развития (1966–2011 гг.)

Аналогичные результаты были получены по всем 13 странам.

Почти нулевое значение коэффициентов детерминации R^2 , позволяет констатировать, что для стран, отвечающих трем выше означенным критериям отбора, абсолютный рост ВВП на душу населения в нормальной экономической ситуации не зависит от времени. То есть в результате проведения второго этапа анализа можно утверждать, что

на постиндустриальном периоде только у крупных стран и только в ординарных условиях проявляется константа их макроэкономического развития.

Подчеркнем, что в настоящей статье демонстрируется существование макроконстант развития, которые возникают, во-первых, в крупных передовых странах мира, а во-вторых, когда из массива информации исключены года кризисов и три года с максимальной скоростью развития. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в большинстве случаев макроконстанты возникают и без исключения кризисных и самых эффективных годов, но не так ярко выражено.

Задача третьего этапа анализа динамики развития развитых стран – показать, что макроконстанты, выявленные в предыдущие годы развития, полностью или с небольшой коррекцией сохраняются в последующих. Эту задачу решает сравнение макроконстант развития США, выявленных за два последовательных периода развития по 25 лет (см. рис. 8 и 9).

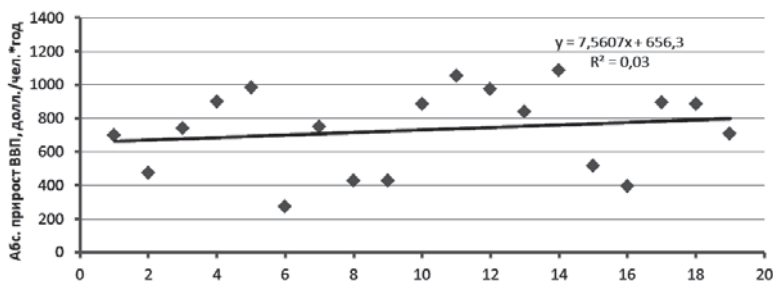

Рис. 8. Рост ВВП на душу населения в США за 25 лет в периоды стабильного экономического развития (начальные) ($T_{\text{эмп.}} = 0,725 < T_{\text{крит.}} = 2,898$; незначимо с вероятностью 99%)

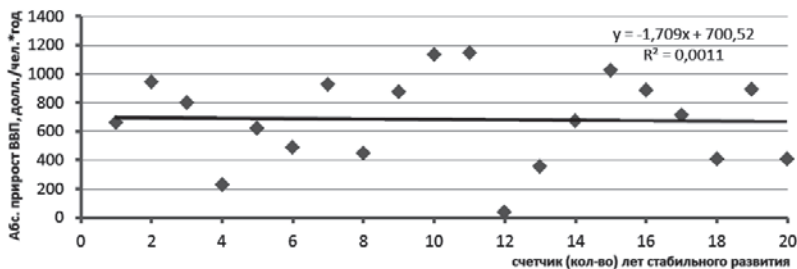

Рис. 9. Рост ВВП на душу населения в США за 25 лет в периоды стабильного экономического развития (последующие) ($T_{\text{эмп.}} = 0,14 < T_{\text{крит.}} = 2,878$; незначимо с вероятностью 99%)

Скорость развития страны, сформировавшаяся в предыдущие 25 лет, 732 долл./чел. год (см. рис. 8), служит хорошим прогнозом ско-

рости развития на следующие 25 лет. Прогноз для такого длительного периода оказывается достаточно точным.

Фактический средний темп роста в последующем периоде – 683 долл./чел. год (см. рис. 9) отличается от темпа роста в предыдущем (732 долл./чел. год) на 6,7%.

Это означает, что характеристика развития, возникшая в первые 25 лет, сохранилась в последующие 25 лет.

В таблице приведены значения текущих макроконстант развитых стран мира. Они измерены в трех временных периодах: за весь период постиндустриального развития; за первые 20 лет периода постиндустриального развития; за последние 20 лет периода постиндустриального развития.

Таблица

Текущие макроконстанты развития крупных развитых стран мира

Страна	Макроконстанта, в долл. США 2005 г. на чел.		
	за весь период постиндустриального развития	за первые 20 лет достижения периода постинд. развития	за последние 20 лет после достижения периода постинд. развития
United States	639,8	505,4	683,7
Japan	555,6	611,0	531,3
Germany	568,4	588,7	561,7
France	412,5	406,7	400,8
United Kingdom	601,0	523,4	696,3
Italy	435,6	499,2	422,7
Korea, Rep.	837,4	837,4	837,4
Spain	468,4	477,2	461,0
Canada	549,3	515,6	591,5
Australia	514,7	477,9	560,3
Netherlands	592,8	571,7	615,3
Belgium	500,6	516,7	500,0
Greece	462,5	462,5	462,5
Russia	616,6		

В принятой интерпретации понятия «текущая макроконстанта развития» можно говорить о том, что макроконстанта количественно характеризует стратегически важную характеристику экономики страны. А именно, при высоком значении макроконстанты страна способна эффективно развиваться в течение длительного периода

при любых колебаниях конъюнктуры. При низком значении текущей макроконстанты страна не способна обеспечить высокие темпы развития даже при благоприятных обстоятельствах.

Более того, в связи с тем что львиную долю ВВП страны создают фирмы, то менеджмент компаний в условиях жесткой, и самое главное, динамичной конкуренции как на внутреннем, так и на мировом рынках, получает в виде текущей макроконстанты четкий ориентир развития. Если темп развития фирмы ниже текущей макроконстанты, т. е. ниже среднего по стране, фирма проиграет в конкурентной борьбе. Если выше, то фирма обеспечивает свое процветание и устойчивость на рынке. То есть объективным ориентиром, который фирмы могли бы использовать для стратегической оценки своей конкурентоспособности, может служить текущая константа макроэкономического развития технологически передовых крупных стран мира.

Современная Россия формально не попадает в список высоко технологичных крупных стран мира по вышепринятым критериям отбора стран. И все же, учитывая интересы российского читателя, в табл. приводится расчетное значение среднего роста ВВП России по доступной статистике, с 2000 по 2013 гг.⁷, за исключением кризисных.

Текущая макроконстанта развития страны является своеобразным усредненным индикатором развития всех ее фирм. Поэтому, если фирма хочет оставаться успешной и конкурентоспособной, ей важно придерживаться темпа развития не ниже среднего. Кроме того, выявленные значения текущей макроконстанты развития могут и должны стать важнейшим ориентиром промышленной политики для технологически развитой или стремящейся к этому статусу стране, вне зависимости от ее величины.

В рамках изложенного подхода была проверена гипотеза, что кластер, или группа однородных стран, будет иметь свою макроконстанту. Оценка гипотезы возникновения самостоятельных текущих макроконстант внутри группы стран была сделана с помощью методов кластерного анализа. В тестовом режиме кластеризация проводилась по той же совокупности из 13 передовых стран, выделенной выше.

Проверялась гипотеза, что при определенных сочетаниях значений среднего абсолютного роста ВВП на человека и количества лет постиндустриального периода (отдельным признаком кластеризации рассматривалась также численность населения) можно выделить группы стран с близкими между собой текущими макроконстантами.

⁷ Данные за 2012 и 2013 гг. получены путем пересчета значений ВВП на душу населения из долларов 2011 г. в доллары 2005 г.

Для проверки этой гипотезы были использованы стандартные иерархические методы⁸:

1) Метод одиночной связи (англ. *single linkage*). Также известен как «метод ближайшего соседа».

2) Метод полной связи (англ. *complete linkage*). Также известен как «метод дальнего соседа».

3) Метод средней связи (англ. *pair-group method using arithmetic averages*).

4) Центроидный метод (англ. *pair-group method using the centroid average*)

– невзвешенный.

– взвешенный (медианный).

5) Метод Уорда (англ. *Ward's method*).

Оценка однородности исследуемой выборки стран или деления их на кластеры была сделана с помощью Евклидовой⁹ метрики.

Во всех случаях критерием при разделении на кластеры служило правило «3 σ ». То есть, считалось, что деление на кластеры происходит на границе в 3 стандартных отклонения из ряда всех расстояний между объектами. Если расстояние между объектами не превышало трех стандартных отклонений, они относились к одному кластеру, в противном случае – к разным.

Однако ни один метод кластеризации не дал, на первый взгляд, удовлетворительного результата. Страны просто последовательно присоединялись друг к другу на дендрограмме, а правило 3 σ объединяло их в одну группу и одну «выколотую точку» в лице Южной Кореи. Пример дендрограммы, или сосульчатой диаграммы, показан на рис. 10.

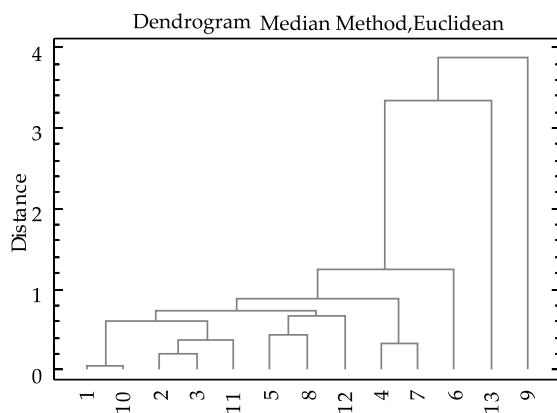

Рис. 10. Кластеризация с учетом численности населения (3 σ = 3,7).

⁸ Перечисленные методы доступны, например, в статистическом пакете Statgraphics.

⁹ Евклидова дистанция между точками p и q это длина отрезка pq . В декартовых координатах, если $p = (p_1, p_2, \dots, p_n)$ и $q = (q_1, q_2, \dots, q_n)$ – это две точки в евклидовом пространстве, то длина отрезка pq равна: $d(p, q) = \sqrt{\sum_{k=1}^n (p_k - q_k)^2}$.

На рис. 10 вертикальная ось показывает расстояние между объектами. Соединительные линии на первом шаге показывают, какие из объектов стоят ближе всего друг к другу («буквы П»). На последующих шагах эти же линии присоединяют следующие ближайшие объекты к уже соединенным. Это происходит до тех пор, пока к одному условному кластеру не будет присоединен последний объект наблюдения.

По оси абсцисс представлены номера стран, участвовавших в процессе кластеризации: 1) Австралия; 2) Бельгия; 3) Канада; 4) Франция; 5) Германия; 6) Греция; 7) Италия; 8) Япония; 9) Республика Корея (Южная Корея); 10) Нидерланды; 11) Испания; 12) Соединенное королевство; 13) Соединенные Штаты Америки.

Тот факт, что страны не разделились на группы, говорит, скорее всего, об их реальной однородности. А значение общей внутригрупповой макроконстанты – 540\$ (в долл. 2005 г. по ППС).

Проделанные исследования позволяют сделать следующие общие выводы:

Во-первых, можно констатировать, что возможности развития технологически самых передовых и крупных стран мира, как минимум на этапе (условно названного) постиндустриального развития, характеризует своеобразная константа развития: скорость роста ВВП на одного жителя страны (долл./чел. год).

Во-вторых, существует, только одна группа крупных передовых стран, развитие которых в ординарных условиях существования характеризует внутригрупповая макроконстанта.

В-третьих, величина групповой константы развития стран – технологических лидеров мира может служить ориентиром стратегического развития как стран, так и фирм. Причем для фирм она должна стать нижней границей их нормального развития.

Литература

1. Асалиев А.М., Юсим В.Н. Наднациональная мировая валюта и эталон покупательной способности // Экономика устойчивого развития. Региональный научный журнал. 2012. № 11. С. 26–40.
2. Голованов Е.В., Юсим В.Н., Фиалковский Д.Г. Макроэкономический ориентир развития фирм // Сборник трудов международной научно-практической конференции 27 мая 2013 г. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова.
3. Делеплас Г. Лекции по истории экономической мысли. Экономический факультет НГУ. Новосибирск, 2000. TEMPUS (TACIS) JEP-N 08508/94.
4. Денисов И. Теория экономико-технологического развития фирм. М.: «Гриф и К». 2008.

5. Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики: Учеб. / Под ред. И.И. Елисеевой. 4-е изд., перераб. и доп.. М.: Финансы и статистика, 2002.
6. Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г. Реанимация «промышленной политики» в России в начале XXI века. Российское Экспертное обозрение 2004. №11.
7. Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М.: Дело, 2000.
8. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / Пер. с англ. / Под ред. О. Филатовичей. М.: Изд. Института Гайдара, 2012.
9. Пименов В.В. Долгосрочная государственная оборонно-промышленная политика России: смена приоритетов в условиях модернизации // Вестник Академии военных наук. 2011. №4. С. 129–140.
10. Потапова Е.Н., Толкачев А.С. Промышленная политика и государственное регулирование экономики // Современные аспекты российской практики. М., 2006.
11. Промышленная политика европейских стран = Industrial policy of the European countries / Под ред. Н.В. Говоровой. М.: Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2010.
12. Родрик Д. Государство и экономика: промышленная политика вернулась. 20.04.2010. <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/20/231785>.
13. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии / Монография. М.: Финансы и статистика, 2014.
14. Сухарев О.С. Теория эффективности экономики / монография. М.: КУРС: ИНФРА-М, 2014.
15. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. Изд. дело, 1995.
16. Юсим В., Денисов И., Левченко К. Гипотеза существования констант макроэкономического развития // Сборник трудов международной научно-практической конференции 27 мая 2013 г. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова.
17. Kitov I. (2009). The Evolution of Real GDP Per Capita in Developed Countries. Journal of Applied Economic Sciences, Spiru Haret University, Faculty of Financial Management and Accounting Craiova. Vol. IV.
18. Maddison A. (2004). Contours of the World Economy and the Art of Macro-measurement 1500–2001. Ruggles Lecture, IARIW 28th General Conference, Cork, Ireland August 2004.
19. Mankiw G. Macroeconomics. 7th ed. Harvard University 2009.

V.N. YUSIM

professor of G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

A.V. BYSTROV

head of department of G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

D.G. FIALKOVSKIY

postgraduate student of G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

CURRENT MACROECONOMICAL DEVELOPMENT CONSTANTS OF TECHNOLOGICALLY LEADING COUNTRIES

The studying of the dynamics of most countries make it possible to assert that the development of the largest countries – technological leaders in modern conditions is characterized by a certain constant. It can be considered as “current macroconstant of development.” The paper demonstrates the fact of its existence and justifies statement that “current macroconstants of development” can and should be orienteers for the strategic development for all countries pretending to equal economic and political relations with the technology leading countries.

The paper identifies the conditions under which the group macroconstant of development appears, evaluates particular values of macroconstants in different countries and shows a number of advantages of long-term growth measure in the absolute values of the change rate of the annual income per capita of the country in comparison to other indicators.

Conclusions in the work are based on the analysis of long-term data of total GDP, GDP per capita and their derivatives in most countries of the world. Analysis of statistical information has been done by using quite well-known econometric methods – correlation, regression and cluster analysis.

Practical importance of the results is characterized by opportunity of their use for long-term (15 years or more) forecasting and strategic planning of growth rates, both for companies and countries within industrial and economic policies.

Keywords: *firm, forecasting, development, economics, potential, a constant pattern, clustering.*

JEL: O10, O33.

М.Ю. ИЛЬИНА

кандидат экономических наук, младший научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук

ЕДИНОЕ ИННОВАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИК ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Для достижения поставленных перед Евразийским экономическим союзом (далее – ЕАЭС) целей по строительству новой экономики на постсоветском пространстве необходима новая промышленная политика, сформированная на основе тщательно отобранных приоритетов развития обрабатывающей промышленности и инновационного развития.

В статье рассматривается отраслевая структура валовой добавленной стоимости (ВДС) государств – членов ЕАЭС, выявляются отраслевые приоритеты развития промышленных комплексов Сторон ЕАЭС, а также предлагаются меры по наращиванию потенциала взаимовыгодного инновационного сотрудничества в условиях складывающейся новой конфигурации в регионе.

Ключевые слова: промышленная политика, Евразийский экономический союз, инновационное развитие, свополая стратегия торговли, инновационный лифт.

JEL: O19, O33.

В 1990-е годы «импортируемые» в экономику новых независимых государств рыночные институты плохо встраивались в унаследованную от плановой экономики систему национального хозяйства, что в свою очередь способствовало вскрытию целого ряда неэффективных производств, в которых были сосредоточены большие материальные активы. В этой связи наследие советской экономики в виде крупных предприятий полного технологического цикла было обречено на коммерческую несостоятельность. Потенциал у большинства постсоветских стран был довольно быстро выработан ввиду декапитализации сохранившихся с советских времен производственных мощностей и низкого качества производимой на их основе продукции, которая в условиях глобализации все меньше выдерживала конкуренцию с импортными товарами [1] (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля промышленного производства в ВВП государств – членов ЕАЭС, %

Страны	1991	1999	2000	2009	2012	2013
Армения	37	23	22,2	15,1	19	18,9
Беларусь	41	32	30	28	35	30,3
Казахстан	26	30	34	29,4	33	30,4
Кыргызстан	29	24	26,8	16,1	19	18,1
Россия	39	32	33	28	30	29

Источник: составлено автором по данным: Статистический ежегодник Международного статистического комитета СНГ «10 лет СНГ (1991–2000)»; Справочник Евразийского экономического сообщества 2010 г. <http://www.evrases.com/i/data/item7264-2.pdf>; Официальный сайт Межгосударственного статистического комитета СНГ. <http://www.cisstat.org>.

На фоне спада 1990-х годов произошли кардинальные изменения в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) стран-участниц ЕАЭС, которые выразились в сокращении доли промышленности (см. табл. 2).

**Отраслевая структура валовой добавленной стоимости
государств – членов ЕАЭС в 2013 г., %**

Страна	Промышленность	Сельское, лесное и рыбное хозяйство	Строительство	Услуги
Армения	18,9	21,2	11,6	48,3
Беларусь	30,3	8,9	10,9	49,9
Казахстан	30,4	4,9	6,5	58,2
Кыргызстан	18,1	17,1	7,6	57,2
Россия	29	4	7,2	59,8

Источник: составлено автором по данным: Статистический ежегодник Международного статистического комитета СНГ «10 лет СНГ (1991–2000)»; Справочник Евразийского экономического сообщества 2010 г. <http://www.evrases.com/i/data/item7264-2.pdf>; Официальный сайт Межгосударственного статистического комитета СНГ. <http://www.cisstat.org>.

В первые годы образования СНГ стремление к обретению полноценного экономического и политического суверенитета для каждого нового государства стало важнейшим приоритетом. Вместе с тем пришло понимание того, что без сохранения связей, сформированных в рамках общего советского экономического пространства, успехов в деле развития экономики достичь будет сложнее. Однако вскоре стало очевидным, что ввиду отсутствия необходимых условий экономического развития (финансовых ресурсов, четко выработанной государ-

ственной стратегии развития, новых технологий и эффективных институтов развития), а также в силу имеющихся социально-экономических различий и разной геополитической ориентации, новые государства с момента обретения независимости и последующей интеграции в единую мировую хозяйственную систему будут двигаться по разным траекториям своего развития. В связи с этим характерной чертой постсоветского пространства с самого начала его существования стало диалектическое взаимодействие двух тенденций – центробежной и центростремительной (СНГ, ЕврАзЭС, ГУАМ и др.).

Экономика стран СНГ в целом, и ЕАЭС в частности, формировалась под влиянием конъюнктуры мирового рынка энергоресурсов, который не стимулировал диверсификацию промышленности на основе новых высокотехнологичных производств [1]. Кроме того, в структуре самого промышленного производства с 1999 г. также происходили кардинальные изменения: снижалась доля машиностроения и оборудования в ВДС и увеличивалась доля производств низкой степени обработки.

Падению производства также способствовали увеличение импорта товаров народного потребления и оборудования, выросшие объемы экспорта энерго- и природных ресурсов, доходы от которого стали фактором оживления экономики и без развития производства (см. табл. 3).

Таблица 3

**Структура экспорта и импорта товаров государств – членов
ЕАЭС во внешней торговле за январь 2015 г., в % к итогу**

Структура экспорта		Структура импорта	
Минеральные продукты	75,3	Машины, оборудование и транспортные средства	43,8
Металлы и изделия из них	9,0	Продукция химической промышленности	15,8
Продукция химической промышленности	5,6	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	14,8
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	3,9	Текстиль, текстильные изделия и обувь	7,2
Машины, оборудование и транспортные средства	1,4	Металлы и изделия из них	7,1
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,2	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,1
Другие товары	2,5	Другие товары	7,7

Источник: составлено автором по данным: Аналитическая записка от 27.03.2015 Евразийской экономической комиссии «Об итогах внешней торговли товарами Евразийского экономического союза». http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics_E_201501.pdf.

В настоящее время в условиях складывающейся мировой конъюнктуры (обвал рубля и сокращение валютной выручки от экспорта энергоресурсов, высокая волатильность и непредсказуемость мирового рынка нефти, санкции в отношении России) существенно сократились возможности по импорту готовой продукции из третьих стран. В связи с этим, импортозамещение продукции сейчас является приоритетным направлением сотрудничества государств – членов ЕАЭС.

В 2015 г. по решению стран – участниц Евразийского экономического союза Республика Беларусь приступила к председательству в «четверке». В обращении к главам государств-членов председательствующая сторона изложила основные задачи функционирования ЕАЭС на 2015 г. Это – переход к согласованной, а в перспективе и к единой промышленной и агропромышленной политике стран-участниц, а также урегулирование вопросов таможенно-тарифной и нетарифной защиты единого экономического пространства.

Проведение коллективной согласованной промышленной политики, в представлении Республики Беларусь, позволит построить на постсоветском пространстве экономику, более устойчивую к внешним шокам. Однако анализ национальных программ промышленного развития государств – членов ЕАЭС показывает наличие серьезных противоречий. Так, например, в основном стороны рассматривают ЕАЭС лишь с позиций дополнительных экспортных возможностей, а внутренние рынки друг друга – с позиций доступного и емкого экспортного рынка, тогда как свои национальные внутренние рынки предусматриваются ими для импортозамещения собственной продукцией.

Отраслевые приоритеты развития промышленных комплексов стран – участниц ЕАЭС, выделенные в национальных программах, имеют высокую степень совпадения в части методологии разработки, проблемных вопросов промышленного развития, перспективных целей и задач, инструментов и механизмов реализации государственной политики в сфере промышленности [10]. В связи с этим рынки сбыта определенных товаров практически совпадают как в рамках единого экономического пространства, так и в третьи страны (см. табл. 4).

Основной проблемой реализации скоординированной промышленной политики является отсутствие нацеленности на формирование общего внутреннего рынка в рамках Союза с учетом специализации стран по отдельным видам продукции. Это обуславливает дезинтеграционный тренд, наблюдавшийся в течение двух десятилетий, как в рамках СНГ, так и ЕврАзЭС, рассчитанный на базе индекса конвергенции экономик¹ (см. рис.).

¹ Индекс конвергенции = (Доля торговли стран диады в совокупной внешнеторговом обороте этих стран + доля торговли стран диады в совокупном ВВП этих стран) * 100 / 2.

Таблица 4

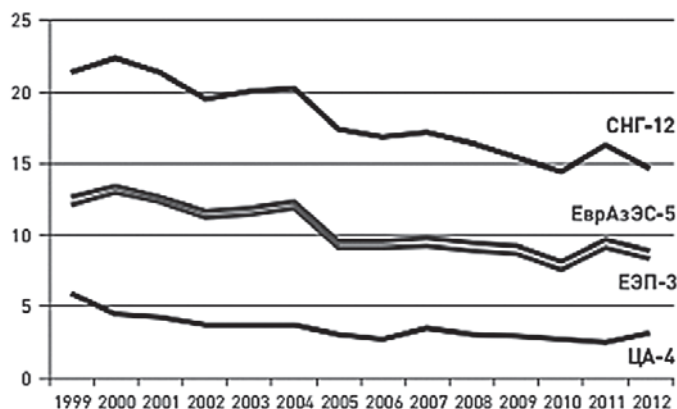
Отраслевые приоритеты развития промышленности стран ЕАЭС

Российская Федерация	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Республика Армения
Металлургия	Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	Горнометаллургическая отрасль	Горнодобывающая и металлообрабатывающая промышленность
Химическая и нефтехимическая промышленность	Химическое производство (включая нефтехимию). Производство резиновых и пластмассовых изделий	Химическая промышленность. Нефтехимия	–
Транспортное машиностроение. Автомобильная промышленность	Транспортные средства, автомобильная техника	Транспортное машиностроение, автомобильная техника	–
Сельскохозяйственное машиностроение	Сельскохозяйственное машиностроение. Тракторостроение и коммунальное машиностроение	Сельскохозяйственное машиностроение. Строительная техника	–
Тяжелое машиностроение	Машины и оборудование для горнодобывающей промышленности и разработки карьеров	Горнорудное машиностроение Нефтегазовое машиностроение	–
Энергомашиностроение	Производство электрооборудования	Электротехническое машиностроение	–
Станкостроение	Станкостроение	Станкостроение	–
Легкая промышленность	Текстильное, швейное, кожевенное и обувное производство	Легкая промышленность	Текстильное, швейное, кожевенное и обувное производство
Промышленность строительных материалов	Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	Строительная индустрия и производство строительных материалов	Строительная индустрия и производство строительных материалов

Окончание табл. 4

Российская Федерация	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Республика Армения
Радиоэлектронная промышленность	Радиоэлектроника	Компонентная база, бытовая техника	Точное приборостроение
Авиастроение	Информационно-коммуникационные и авиакосмические технологии	Информационные и коммуникационные технологии. Космическая деятельность	Информационные и коммуникационные технологии
Фармацевтическая и медицинская промышленность	Фармацевтическая промышленность	Фармацевтическая промышленность	Фармацевтическая и медицинская промышленность
Биотехнологии	Биотехнологии	Биотехнологии	Биотехнологии
–	Пищевая промышленность	Пищевая промышленность	Пищевая промышленность. Вино-водочная промышленность. Производство бутилированной минеральной воды и соков
Лесопромышленный комплекс	Обработка древесины и производство изделий из дерева, целлюлозно-бумажное производство	–	
Наноиндустрия	Нанотехнологии	–	–
Оборонно-промышленный комплекс	–	Оборонная промышленность	–
Судостроение	–	–	–
–	–	–	Ювелирная промышленность

Источник: составлено автором по данным: аналитическая справка Департамента промышленной политики Евразийской экономической комиссии «О результатах анализа национальных программ Белоруссии, Казахстана и России в сфере промышленности»; Стратегия промышленной политики Республики Армения, ориентированной на экспорт. 2012 г.

Источник: данные доклада № 22 от 2014 ЕАБР «Система индикаторов евразийской интеграции» http://www.eabr.org/general/upload/СИП%20-%20izdania/SIEI-2014/EDB%20Centre_Report%2022_SIEI%20II_Rus_1.pdf. Собственные расчеты ЕАБР на основе данных: UN Comtrade, Межгосударственного статистического комитета СНГ, органов государственной статистики стран СНГ, министерств финансов стран СНГ.

Рис. Динамика индекса торговой интеграции за 1999–2012 гг.²

Это обусловлено тем, что интеграция в основном находится в истощающих свой потенциал традиционных отраслях экономики, в частности, в энергетике, химической и нефтехимической промышленности, металлургии, в стоимости продукции в которых низкая доля добавочной стоимости. По классификации ООН она в 1 кг сырьевой продукции составляет не выше 100 долл. США, в отличие от наукоемкой продукции, где в 1 кг продукции свыше 1 млн долл. США [7].

На долю сырьевых товарных позиций приходится около 90% экспорта стран ЕАЭС, в то время как доля машин, оборудования (наукоемких и высокотехнологичных товаров) в структуре импорта этих государств составляет около 50%. Поэтому можно предположить, что положительные экономические сдвиги евразийской интеграции будут иметь так называемые временные эффекты интеграции, которые наступают после формирования интеграционного объединения. Первоначально наблюдается всплеск активности в хозяйственном взаимодействии стран – его членов, а затем заметно снижение темпов роста. Так, например, уже второй год не наблюдается рост торговли между странами «интеграционного ядра». Прекращение роста взаимной торговли говорит о том, что первый эффект интеграции – снятие таможенных барьеров – достигнут [2, с. 6].

² СНГ-12 – страны СНГ и Грузия; ЕврАзЭС-5 – Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан; ЕЭП-3 – Беларусь, Казахстан, Россия; ЦА-4 – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан.

В связи с этим, в контексте новой системы координат (реализации странами-участницами ЕАЭС единой макроэкономической политики) необходимо выработать согласованную промышленную политику с задействованием механизмов наращивания потенциала, одним из основных источников которого является сотрудничество в сфере инноваций и высоких технологий (нанотехнологии, биоинженерия, фармацевтика и медицина, точное приборостроение, информационные технологии, автомобилестроение, станкостроение. Это в первую очередь обосновано тем, что качественно новый этап экономического развития (экономика знаний, сформировавшаяся в мире в конце XX в.) требует новых направлений интеграции (в инновационной сфере) в условиях, когда устойчивость национальных экономик, темпы их экономического развития зависят не столько от ресурсных возможностей, сколько от инновационного характера капитала, а также от способности бизнеса генерировать знания и реализовывать их в производстве в качестве инновационных продуктов. Кроме того, интеграция в инновационной сфере позволит преодолеть барьеры, связанные с отсутствием общей границы и соответствующих транспортно-коммуникационных возможностей на пути формирования общего единого рынка для Республики Армения.

Во многих постсоветских странах зреет понимание того, что останавливать процессы примитивизации и деиндустриализации национальных экономик возможно лишь совместными действиями путем модернизации экономик участников Союза [2, с. 10]. Учитывая имеющийся инновационный задел и потенциал, очевидно, что только Россия может стать локомотивом инновационного развития, выдвинув тезис о необходимости перехода к инновационной экономике с целью развития общего интеграционного пространства [3, с. 18].

Кроме того, необходимость сотрудничества в инновационной сфере продиктована третьим этапом становления и развития евразийского региона как интеграционного пространства³. Таким образом, само по себе создание общего рынка всех факторов производства без четко выработанной стратегии промышленного развития и необходимой инновационной инфраструктуры даст лишь небольшую часть интеграционного эффекта. Без единой промышленной стратегии и согласованной инновационной программы общий рынок может быть освоен не столько отечественными товаропроизводителями, сколько иностранными, если странам – членам ЕАЭС не удастся добиться оптимального сочетания национальных конкурентных преимуществ.

³ История становления и развития государств постсоветского региона достаточно четко подразделяется на три этапа: трансформационный (1991–1999 гг.), восстановительный (2000–2008 гг.) и модернизационный (начиная с 2009 г.) [5].

Опираясь на вышеизложенное, считаем целесообразным следующее.

• *Разработать Стратегию единой промышленной политики государств – членов ЕАЭС до 2030 г., основанную на:*

- диалектике интеграции и дезинтеграции промышленных комплексов государств – членов ЕАЭС, выражающейся в усилении взаимодействия во взаимодополняющих отраслях (элементов в подсистеме) и ослаблении сотрудничества в однородных отраслях (между подсистемами);
- определении приоритетных отраслей промышленности, ориентированных на экспорт и импортозамещение, выявлении наиболее эффективных национальных промышленных предприятий в приоритетных отраслях, а также разработке индивидуальных по каждому промышленным комплексам программ поддержки их межнациональной горизонтальной и/или вертикальной интеграции; и включающую:
- компенсацию части процентов по кредитам, выданным предприятиям перерабатывающей промышленности;
- обеспечение участия предприятий перерабатывающей промышленности в международных промышленных выставках путем софинансирования 50% организационных затрат;
- софинансирование сертификации и внедрение системы управления качеством (ISO).

Для развития конкурентоспособности промышленных предприятий и повышения инновационной активности экономики ЕАЭС предлагаем ввести обязательную сертификацию серии ISO с обязательным переходом на новые стандарты в течение 3–5 лет в зависимости от специфики производства, которая обеспечит движение в направлении минимизации доли устаревшего промышленного оборудования и увеличения производительности на основе безальтернативного пути внедрения новшеств. Смена требований к стандартам даст возможность перейти от производства, основанного на «бездействии», к производству, основанному на «инновационной активности»;

- разработку единых требований к эффективности промышленного производства.

• *Разработать Стратегию единой инновационной политики стран – участниц ЕАЭС на период, принять на межнациональном уровне закон об инновационной (венчурной) деятельности, который позволит выстроить и задекларировать приоритеты поддержки инновационного сектора экономики, закрепить понятийный аппарат инновационной (венчурной) деятельности, определить контуры деятельности, исходя из стратегии инновационного развития.*

В настоящее время в России нет специального законодательства, регулирующего вопросы инновационной инвестиционной деятельности, а также и инновационной инфраструктуры. Пока вся инновационная деятельность России регулируется № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», №244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»», № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий», № 360-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации»», № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйствующих обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности»⁴.

К проблемам правового регулирования инновационной деятельности в России можно отнести то, что на данный момент не существует какого-либо единого документа, в котором бы давалась нормативно-правовая оценка всего процесса внедрения инноваций, – отсутствует разграничение, необходимое для определения контуров инновационной деятельности. Между тем как у стран – партнеров по евразийской интеграционной группировке курс на инновационное развитие регулируется специальным законом⁵.

В России стратегический курс на инновационное развитие обозначен в ряде официальных документов последних лет, в частности, в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной в декабре 2011 г., целью которой является переход к 2020 г. экономики России на инновационный путь развития, так как, несмотря на определенные успехи, достигнутые в последние годы, Россия по-прежнему значительно отстает от передовых стран по уровню инновационного развития. Однако в разделе Стратегии, посвященном международным аспектам инновационного развития, практически ничего не говорится о сотрудничестве со странами СНГ в целом, и ЕАЭС в частности. Более того, во вступительной части Стратегии утверждается, что

⁴ Несмотря на то, что в 2001 г. были предприняты попытки разработки концепции ФЗ «О венчурной деятельности», а в 2010 г. Государственная Дума ФС РФ обсудила проект закона об инновационной деятельности, однако до сих пор не существует закона, регулирующего инновационную деятельность.

⁵ Курс на инновационное развитие Республики Армения, Республики Беларусь и Республики Казахстан обозначен в Законе Республики Армения от 23.05.2006 №63 «О государственном содействии инновационной деятельности», в Концепции Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. Одобрен Президиумом Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2010 г. Протокол № 11 и Концепции инновационного развития Республики Казахстан до 2020 г. Одобрен постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 июля 2012 г. № 990.

реальными конкурентами России становятся не только страны – лидеры в сфере инноваций, но и многие государства – участники СНГ [7].

В Республике Беларусь объем промышленного производства к 2015 г. возрастет в 1,54 – 1,60 раз по сравнению с 2010 г.; предусматривается увеличить финансовые затраты на научную, научно-техническую и инновационную деятельность не менее чем до 2,0% от ВВП, довести долю инновационной продукции в объеме отгруженной продукции промышленности до 20%, а также обеспечить рост экспорта высокотехнологичных товаров и услуг в 2,5–3 раза. В Республике Казахстан расходы на науку к 2015 г. будут выведены на уровень 1%, а к 2020 г. – 1,5% от ВВП, что способствует существенному сближению с показателями разных стран мира. Доля инновационной активности будет расти с 4,3% в 2010 г. до 10% в 2015 г. и до 20 % к 2020 г. [6, с. 104].

Однако в основных документах России, определяющих ориентиры инновационного развития, государства – члены ЕАЭС (прежде всего Белоруссия, Казахстан, имеющие значительный инновационный потенциал), взаимодействие с которыми в рамках Союза призвано внести весомый вклад в углубление евразийской интеграции на основе инновационного фактора, переводятся в разряд конкурентов [8]. В то же время большие надежды возлагаются на страны ЕС. Трансферт европейских технологий и развитие технологических альянсов между российскими и европейскими компаниями, освоение европейских рынков будет служить мощным стимулом для повышения конкурентоспособности национальных производителей. Таким образом, в качестве главных геополитических партнеров и союзников России рассматриваются страны СНГ (прежде всего государства – члены ЕАЭС), тогда как главными партнерами при проведении инновационной политики видятся западные страны, являющиеся для страны геополитическими соперниками [7].

Сопоставление стратегических направлений инновационной деятельности в странах – участницах ЕАЭС показывает, что в одних перечнях больше приоритетных направлений общегосударственного уровня, а в других – отраслевого. В настоящее время полномочия главного ведомства по инновационной политике Сторон закреплены за специальными ведомствами, но с ролью координатора они пока справляются плохо [7, с. 106].

• *Сформировать в постоянно действующем регулирующем органе Евразийского экономического союза Евразийской экономической комиссии Департамент научно-технической и инновационной политики.*

Учитывая основные задачи, стоящие перед экономикой ЕАЭС, роль инноваций и высоких технологий в наращивании промышленного потенциала и решении задач устойчивого развития предприятий промышленного комплекса, а также принимая во внимание существующую на сегодняшний день структуру ЕЭК, предполагаемое

в 2016 г. перераспределение обязанностей в связи с присоединением к ЕАЭС новых членов и появление в связи с этим возможности расширения структуры регулятора, создание специализированного департамента (Департамента научно-технической и инновационной политики) видится своевременным и целесообразным. В его компетенцию могло бы войти решение задач, связанных с разработкой научно-технической политики, выработкой стратегии инновационного развития с целью реиндустриализации экономики стран ЕАЭС, а также с преодолением пространственных барьеров, связанных с отсутствием общей границы с Республикой Армения.

• *Создать Межгосударственный Евразийский инновационный (венчурный) фонд (евразийский институт развития) по принципу фонд фондов с государственным капиталом Сторон, имеющий региональные фонды при научно-образовательных/ исследовательских учреждениях с долевым участием национального частного капитала.*

Создаваемые евразийские институты развития в кооперации с научно-образовательными/исследовательскими учреждениями увеличат успешную коммерциализацию разработок, позволят студентам отказаться от поисков временной работы и сосредоточиться только на бизнес-разработках. При создании региональных инновационных (венчурных) фондов мы рекомендуем предъявить следующие требования к их работе: а) наличие западных управляющих компаний с опытом и репутацией в области инновационного инвестирования. В свою очередь партнерами/ инвесторами региональных фондов в своем подавляющем большинстве должен быть национальный капитал; б) наличие системы оценки ключевых показателей эффективности деятельности (KPI) институтов развития.

• *Ввиду существующего слабого взаимодействия и координации профессиональных субъектов инновационной деятельности в государствах – членах ЕАЭС считаем необходимым создать единую систему евразийской инновационной инфраструктуры.*

Для устранения противоречий при анализе национальных программ промышленного развития, связанных с рассмотрением преимуществ ЕАЭС лишь с позиций дополнительных экспортных возможностей своих национальных производителей, в мае 2013 г. подписано Решение Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств «Об основных направлениях координации национальных промышленных политик Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации»⁶. Департамент промышленной

⁶ Решение № 4 Совета Евразийской экономической комиссии от 30 января 2013 г. «Об основных направлениях координации национальных промышленных политик Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации». <http://docs.cntd.ru/document/902398457>.

политики Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) предложил создать более эффективный инструмент на базе отдельных межгосударственных проектов – Евразийские технологические платформы (ЕТП). 3 марта 2015 года в повестку дня 7-ого заседания Коллегии Евразийской экономической комиссии вошел проект распоряжения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте распоряжения Евразийского межправительственного совета «О формировании евразийских технологических платформ»⁷.

В мировой практике разработан ряд концептуальных положений и идей о формах взаимодействия участников инновационного процесса. К ним можно отнести:

- технологические платформы⁸;
- инновационные центры⁹;
- инновационные кластеры¹⁰;
- инновационный лифт¹¹.

Для определения перспектив дальнейшего использования и развития организационных форм взаимодействия субъектов инновационного процесса считаем целесообразным рассмотреть их преимущества и недостатки (см. табл. 4).

Характеристика концепций, представленных в таблице, свидетельствует о том, что инновационный лифт выступает перспективной формой взаимодействия, как с точки зрения своей структуры, которая предполагает схему развития «снизу-вверх», работающей по принципу «замещения капитала», так и направленности, которая выражается в преимуществах работы субъектов инновационной деятельности и минимизации

⁷ Распоряжение № 14 Коллегии Евразийской экономической комиссии «О проекте распоряжения Евразийского межправительственного совета «О формировании евразийских технологических платформ» от 3 марта 2015 г. <http://docs.cntd.ru/document/420257115>.

⁸ Технологические платформы – это коммуникационный инструмент, объединяющий представителей государства, бизнеса, науки вокруг общего видения научно-технического развития и общих подходов к разработке соответствующих технологий.

⁹ Инновационный центр – хозяйствующий субъект, обладающий специализированной инфраструктурой, деятельность которого направлена на содействие созданию, росту и развитию инновационных фирм, на содействие развитию инновационной деятельности, сотрудничество и кооперацию между исследователями и промышленностью.

¹⁰ Инновационный кластер – совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и инновационных фирм (участников кластера), которая характеризуется наличием объединяющей участников кластера научно-производственной цепочки.

¹¹ «Инновационный лифт» в статье автором определяется как механизм, обеспечивающий движение идеи до рынка путем замещения венчурного капитала на стыке зон ответственности субъектов венчурного предпринимательства на основе их преимущественности.

Таблица 4

Характеристика форм взаимодействия субъектов инновационной деятельности

Организа- ционные формы взаимодействия	Преимущества	Недостатки	Условия применения
Технологические платформы	– интеграция науки и образования в бизнес-среду; – площадка для объединения интересов и инновационных усилий 5 сторон: государство, наука, бизнес, образование, финансы	– является конъюнктурной, т.е. зависит от пристрастий субъектов; – ручное согласование интересов; – сильная формализация процесса регулирования	Инновационная инфраструктура
Инновационные центры	– усиление влияния бизнеса и общества на определение и реализацию важнейших направлений обеспечения НТР; – расширение научно-технической кооперации	– слабая интеграция в национальную инновационную систему; – слабая связь с более широкими программами развития	Инновационная инфраструктура
Инновационные кластеры	– значительное упрощение доступа к венчурному капиталу; – повышение эффективности координации; – доступ к различным ресурсам	– игнорирование среды за пределами кластера; – снижение гибкости предприятий по причине замкнутости;	Инновационная и социальная инфраструктура
«Инновационный лифт»	– преемственность работы субъектов; – минимизация дублирования; – снижение транзакционных издержек	– сильная зависимость результатов работы всего механизма от эффективности деятельности каждого из его элементов	Инновационная инфраструктура

Источник: [4].

дублирования, а также достижении прочих положительных эффектов. К тому же она не является конъюнктурной в том плане, что не зависит от пристрастий субъектов инновационной деятельности. В то время как

другие концепции строятся по схеме «сверху вниз» по принципу согласования интересов, чьи перспективы развития пока не очень понятны. В этой связи можно обосновать, что «инновационный лифт» может стать одним из эффективных механизмов координации деятельности участников евразийского рынка инновационного капитала, а вопросу его функционирования следует уделить особое внимание [4].

В аспекте новых экономических реалий одним из наиболее эффективных инструментов промышленной политики может стать «своповая стратегия торговли»¹², которая в условиях волатильности валютных рынков позволит, во-первых, снизить риски, связанные с реализацией конечной продукции промышленного производства путем уменьшения роли доллара США во внешнеэкономических операциях, во-вторых, обеспечить сектора экономики частью товарно-денежных отношений, на которые колебания курсов доллара США и евро не будут влиять. Кроме всего прочего, «своповая стратегия торговли» позволит интернационализировать рубль как региональную резервную валюту. Сегодня в валютной структуре платежей, связанных с обслуживанием взаимного товарооборота государств – членов ЕАЭС, на доллар приходится подавляющая часть (см. табл. 5).

Таблица 5

**Валютная структура платежей между Республикой Беларусь
и Республикой Казахстан в 2012 г., %**

Валюта	Доля в общем количестве платежей	Доля в общей сумме платежей
<i>По данным Национального банка Республики Беларусь</i>		
российский рубль	23,8	31,9
доллар США	50,0	53,7
евро	17,7	12,2
белорусский рубль	7,7	0,2
тенге	0,7	0,3
прочие валюты	0,7	1,7
<i>По данным Национального Банка Республики Казахстан</i>		
российский рубль	17,3	22,1
доллар США	61,9	60,0
евро	20,3	14,4
белорусский рубль	0,0	0,0
тенге	0,5	0,1
прочие валюты	0,1	2,5

Источник: [8].

¹² swap (англ.) – обмен. «Своповая торговля» – это договоренность между национальными центральными банками о взаимном обмене валют по фиксированным, удерживаемым государством курсам.

Принимая во внимание обозначенные Республикой Беларусь основные задачи по дальнейшему развитию экономик государств – членов ЕАЭС, считаем целесообразным применить «своповую стратегию торговли» для товаров обрабатывающей/перерабатывающей промышленности и сельского хозяйства, ориентированных на экспорт в третьи страны (страны БРИКС, ЦА, СНГ), а также для импортируемых наукоемких и высокотехнологичных групп товаров с целью поддержания внешнеторговых операций, несмотря на колебания рубля.

Своп–линии позволяют уменьшить давление на валютный спрос со стороны импортеров, окажет поддержку реальному сектору экономики при осуществлении внешнеторговых операций, смягчит риски для обменного курса.

В рамках же ЕАЭС считаем целесообразным выработать единую «своповую стратегию торговли» для групп товаров, ориентированных на экспорт как вне ЕАЭС, так и в рамках Союза, имеющих низкую степень пересечения рынков сбыта.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что само по себе создание общего рынка всех факторов производства без четко выработанной единой стратегии промышленного и инновационного развития, созданной инновационной инфраструктуры даст лишь часть интеграционного эффекта. Странам – членам ЕАЭС необходимо в ближайшее время добиться национальных конкурентных преимуществ и их оптимального сочетания между собой, так как в противном случае их общий рынок может быть освоен не столько отечественными товаропроизводителями, сколько иностранными.

Литература

1. Вардомский Л.Б. Вопросы евразийской интеграции // Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции: Сб. / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2014.
2. Глазьев С.Ю. Формирование Евразийского экономического союза: риски и шансы // Ежегодный доклад интеграционного клуба при Председателе СФ ФС РФ за 2014 г.
3. Гринберг Р.С. Формирование Евразийского экономического союза: риски и шансы // Ежегодный доклад интеграционного клуба при Председателе СФ ФС РФ за 2014 г.
4. Ильина М.Ю. Формирование и использование венчурного капитала субъектами инновационной деятельности: дис. ...канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2013.
5. Кротов М.И. Актуальные проблемы становления инновационной экономики в СНГ // Экономика и управление. 2010. № 12 (62). <http://mkrotov.ru/articals/actualnieproblemieconomiki.pdf>.

6. Внешнеэкономическое измерение новой индустриализации России // Под. ред. Е.Б. Ленчук. СПб.: Алетейя, 2015.
7. Инновационная экономика России: Теоретико-методологические основы и стратегические приоритеты // Н.А. Новицкий. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009.
8. Шурубович А.В. Влияние постсоветской интеграции на модернизацию Российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 2. С. 43–55.
9. Межгосударственный банк. www.isbnk.info.
10. Аналитическая справка Евразийской экономической комиссии «О результатах анализа национальных программ Белоруссии, Казахстана и России в сфере промышленности».

M.YU. ILYINA

PhD in economics, junior research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
Maria_ilyina@hotmail.com

INTEGRATED INNOVATION SPACE AS A FACTOR OF EAEU MEMBER STATES ECONOMICS REINDUSTRIALISATION

For the achievement of Eurasian economic union (EaEU) goals on building of new economy on post-Soviet space it is necessary to form the new industrial policy on the carefully selected priorities of manufacturing industry and innovative development. The paper presents gross value added of EaEU member states, examines priorities of development of their industrial complexes, offers measures on the increase of potential of mutually beneficial collaboration in innovation field in the conditions of new configuration in a region.

Keywords: *industry policy, Eurasian economic union, innovation development, swap trade strategy, innovation lift.*

JEL: O19, O33.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

П.А. АЛЕКСАНДРОВ
аспирант Института экономики и менеджмента
Владимирский государственный университет

РАЗВИТИЕ МАЛЫХ И СРЕДНИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрены тенденции развития и деловой активности малых и средних строительных предприятий в России, позволяющие выявить наиболее важные проблемы развития этих субъектов экономики, такие как: снижение объемов производства, уменьшение количества средних предприятий, увеличение налоговой нагрузки, нехватка квалифицированных кадров и другие. Предлагаются пути устранения факторов, ограничивающих предпринимательскую деятельность в строительстве, создания благоприятных условий для повышения эффективности в строительной отрасли.

Ключевые слова: *строительство, малые и средние предприятия, деловая активность.*

JEL: D220.

Строительная отрасль играет важную роль в экономике страны, создавая благоприятные условия для развития малого и среднего предпринимательства в России. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию объявил, что жилищная политика вновь должна стать одним из решающих факторов демографического развития и в целом по стране к 2016 г. нужно преодолеть отметку в 75 млн кв. м жилья [1]. Чтобы достичь этого рекордного результат, необходимо решить задачи по устранению факторов, препятствующих деятельности строительных организаций.

Малое и среднее предпринимательство (МСП) вносит весомый вклад в развитие строительной индустрии. Так, с 2010 по 2012 г. в России общее количество малых и средних строительных предприятий выросло на 25%, их общий оборот вырос на 3%, количество работников выросло на 10%. Чтобы правильно оценить тенденцию развития отрасли, необходимо рассмотреть эти показатели более подробно, используя по отдельности данные по малому и среднему предпринимательству, а также в совокупности с другими показателями.

За этот же период времени, с 2010 по 2012 г., в России количество малых строительных предприятий выросло на 27%, или на 49200 предприятий, в то же же время количество средних строительных предприятий снизилось в 2 раза¹ (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели малых и средних строительных предприятий – юридических лиц в РФ в 2010–2012 гг.

Показатели	Средние предприятия			Малые предприятия		
	2010	2011	2012	2010	2011	2012
Число предприятий	3044	1969	1611	182110	202579	231310
Оборот предприятий, млрд руб.	823,6	502,3	486,3	2172,8	2200,2	2590,3
Среднесписочная численность работников, тыс.	326,8	242,0	210,9	1216,0	1427,8	1480,8
Оборот в расчете на одного работника, млн руб.	2,3	2,0	2,2	1,6	1,4	1,6

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Резкое снижение количества средних предприятий и увеличение количества малых предприятий в строительстве обусловлено тем, что малые предприятия обладают рядом преимуществ перед средними предприятиями.

Учитывая, что к субъектам малого предпринимательства относятся внесенные в единый государственный реестр юридических лиц потребительские кооперативы и коммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий), а также физические лица, внесенные в единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, крестьянские (фермерские) хозяйства с численностью работников до 100 человек², то данные субъекты могут использовать упрощенную систему налогообложения (УСН). Средние предприятия с численностью работников от 101 до 250 человек УСН использовать не могут.

¹ Основные показатели деятельности средних и малых предприятий // Сборник «Малое и среднее предпринимательство в России». 2013. <http://www.gks.ru/> (дата обращения 3.12.2014).

² Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Также малое предприятие может участвовать в мероприятиях по государственной поддержке малого предпринимательства. Например, в 2012 г. среди субъектов малого предпринимательства проведено конкурсов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд РФ на общую сумму 117,7 млрд руб. За последние годы количество аукционов среди малого предпринимательства увеличилось почти в 2 раза [2].

Проведенным исследованием аналитических данных Федеральной налоговой службы РФ по государственной регистрации юридических лиц было выявлено, что в последние годы наиболее предпочтительной формой юридического оформления коммерческой деятельности являлось общество с ограниченной ответственностью (ООО). Так, из общего числа всех вновь созданных коммерческих организаций в 2012 г. в России ООО составляли 98% [3]. В ООО более простая форма организации и ведения хозяйственной деятельности, чем в других коммерческих организациях. Вместе с тем наблюдается резкое сокращение количества других субъектов предпринимательской деятельности. Так, в 2012 г. было ликвидировано акционерных обществ в 5 раз больше, чем создано, производственных кооперативов – в 10,5 раз, прочих коммерческих организаций – в 87 раз. Принимая во внимание, что подавляющее большинство вновь созданных коммерческих организаций являются ООО, численность работников которых не должна превышать 50 человек (для малых предприятий), то это, возможно, также является одной из причин сокращения количества средних и увеличения количества малых предприятий – юридических лиц.

Следующим важным показателем в деятельности МСП, на который следует обратить внимание, является общий оборот малых и средних строительных организаций, возросший за 2010–2012 гг. на 3%. Однако с учетом инфляции, которая составила 6,10% в 2011 г. и 6,58% в 2012 г.³, общий оборот в реальном исчислении снизился на 10%, что свидетельствует о спаде в строительной индустрии. Учитывая, что реальное снижение оборотов происходило при росте численности работников на 10%, можно говорить о значительном снижении эффективности в строительной отрасли. Одной из причин этого является сокращение количества средних предприятий, деятельность которых более эффективна, чем у малых предприятий. Как видно из табл. 1, оборот в расчете на одного работника в среднем предприятии в 2012 г. составлял 2,2 млн руб., а в малом предприятии только 1,6 млн руб., или на 27% меньше. Это связано с тем, что у средних предприятий больше финан-

³ Уровень инфляции в Российской Федерации. <http://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/уровень-инфляции.рф> (дата обращения 3.12.2014).

совых возможностей для приобретения современной строительной техники, позволяющей повышать производительность труда.

Для того чтобы определить, что именно мешает предпринимателям развивать строительную индустрию, какие факторы тормозят их усилия, федеральная служба государственной статистики РФ проводит ежегодные обследования деловой активности малых и средних строительных организаций. По результатам обследования рассчитывается индекс предпринимательской уверенности в строительстве. Итоговые показатели (разница между процентом положительных и процентом отрицательных ответов) представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Факторы, ограничивающие производственную деятельность малых строительных предприятий в РФ в 2010–2012 гг.
(в % от числа обследованных организаций)**

Показатели	2010	2011	2012
Высокий уровень налогов	39	46	52
Неплатежеспособность заказчиков	41	35	30
Недостаток заказов на работы	39	30	28
Конкуренция	31	33	37
Высокая стоимость материалов	26	32	32
Недостаток квалифицированных рабочих	12	15	18
Высокий процент коммерческого кредита	11	10	9

Источник: Сборник «Малое и среднее предпринимательство в России» 2013. <http://www.gks.ru/> (дата обращения 3.12.2014).

Высокий уровень налогов, по мнению предпринимателей, – главный фактор, препятствующий развитию строительного бизнеса. Виды и размеры налогов напрямую зависят от выбранной для организации системы налогообложения. Основными налоговыми режимами для организации являются: общая система налогообложения (ОСНО), единый налог на вмененный доход (ЕНВД) и упрощенная система налогообложения (УСН).

На ОСНО организации в полном объеме ведут бухгалтерский и налоговый учет. Основные налоги, уплачиваемые на ОСНО в 2012 г.:

- налог на прибыль организаций (ставка 20%);
- налог на имущество предприятия (ставка устанавливается регионами и не может превышать 2,2%);
- налог на добавленную стоимость (НДС) (основная тарифная ставка 18%).

Применение ЕНВД освобождает организацию от уплаты налога на прибыль и имущество, НДС. При ЕНВД организация платит единый

налог не с реального, а с вмененного дохода, установленного для каждого вида деятельности индивидуально. ЕНВД действует не во всех субъектах РФ и распространяется на определённые виды деятельности, установленные законом. Налоговой базой для исчисления ЕНВД признается величина вмененного дохода, а ставка ЕНВД составляет 15% от его величины.

При выборе упрощенной системы налогообложения организация освобождается от уплаты некоторых налогов (на прибыль, на имущество, НДС), требуется меньше отчетов, имеется ряд льгот. При УСН самостоятельно выбирается объект налогообложения: «доходы» или «доходы минус расходы» и платится единый налог.

Также работодатели должны ежемесячно перечислять в федеральные социальные фонды (пенсионный, социального страхования, обязательного медицинского страхования) взносы, которые с 1 января 2011 г. возросли до 34% от фонда оплаты труда. Организации, находившиеся на упрощенной форме налогообложения, обязаны перечислять отчисления в таком же размере. И хотя в 2012 г. эта ставка уменьшилась до 30%, на настроение предпринимателей это не повлияло.

Количество предпринимателей, недовольных налогами, судя по таблице 2, в 2012 г. выросло, в связи с тем, что в регионах в этом году повысили транспортный налог. В частности, во Владимирской области транспортный налог был увеличен на 25%, а его размер является существенным для предпринимателей в строительном бизнесе, так как. строительные организации имеют в своем распоряжении мощную технику: самосвалы, трактора, грейдеры, экскаваторы. Например, с экскаватора мощностью 300 л.с. надо заплатить транспортный налог в размере 21000 руб. в год, с самосвала мощностью 260 л.с. – 18200 руб. в год⁴.

Если число предпринимателей, недовольных высокими налогами увеличивается, то по факторам «Неплатежеспособность заказчиков» и «Недостаток заказов на работы» видно снижение, хотя они все равно остаются одними из главных сдерживающих факторов в строительстве.

Благополучие или упадок строительной деятельности в основном зависит от инвестиционного поведения трех основных заказчиков подрядных услуг – государства, промышленности и населения. По данным мониторинга делового климата в строительстве, проведенного Центром конъюнктурных исследований ИСИЭЗ НИУ ВШЭ⁵ в целях оптимизации затрат, промышленники в первую очередь сворачивают свои инвестиционные программы, особенно касающиеся возведения новых капитальных зданий и сооружений, что приводит к сокраще-

⁴ Закон Владимирской области от 12.11.2012 № 138-ОЗ «О введении на территории Владимирской области транспортного налога».

⁵ Инвестиции в строительство сокращаются. <http://www.opec.ru/1543467.html> (дата обращения 16.02.2015).

нию спроса на услуги строительных организаций со стороны промышленности. Государство по мере своих возможностей обеспечивает строителей новыми заказами и соответствующим финансированием капитальных объектов, однако этого недостаточно. К наиболее стабильным инвесторам строительной деятельности сегодня можно отнести население. Причем, если бы не активное жилищное строительство, где важную роль играет жилищная ипотека, отрасль находилась бы в значительно худшей экономической ситуации.

Усиление конкуренции также является одним из факторов, вызывающих озабоченность строителей. Однако этот фактор можно назвать положительным, ведь именно конкуренция заставляет предпринимателей искать ресурсы для повышения производительности труда, снижать издержки строительства, а также цены на строительные услуги и построенные объекты.

Высокая стоимость строительных материалов мешает предпринимателям активно развивать свой бизнес. Этот негативный фактор связан с недостаточным количеством предприятий, производящих стройматериалы и, следовательно, с низкой конкуренцией в этом секторе, а также с высокой степенью износа основных фондов таких предприятий. В среднем по отрасли износ оборудования составляет от 30 до 50%. В 2010 г. Минрегионразвития разработало «Стратегию развития промышленности стройматериалов до 2020 года», согласно которой планировалось инвестировать средства в модернизацию уже существующих производственных мощностей, выделение участков для строительства новых предприятий и ввод новых мощностей. При этом профинансировать программу должны были сами производители, что лишало всю программу финансовой основы. Для развития этого сектора строительной индустрии государству надо самому инвестировать значительные средства на реализацию этой программы, что приведет к увеличению количества строительных комбинатов, модернизации производств, увеличению выпускаемой продукции и, как следствие, к снижению стоимости стройматериалов.

Исследования деловой активности в строительстве, проведенные Росстатом в 3 кв. 2014 г., показывают, что значимость факторов, препятствующих развитию строительной отрасли, существенно не поменялась. Так, основными факторами, сдерживающими деятельность строительных организаций, являются «высокий уровень налогов» (на этот фактор указали 38% опрошенных руководителей организаций), «конкуренция со стороны других строительных фирм» (30%), «неплатежеспособность заказчиков» (27%)⁶.

⁶ О деловой активности в строительстве. gks.ru/free_doc/new_site/business/stroit/3-del (дата обращения 16.02.2015).

Недостаток квалифицированных рабочих – еще один фактор, препятствующий развитию строительной отрасли. Больше всего ощущается нехватка архитекторов, проектировщиков, монтажников, слесарей. Тот уровень образования, который получают сегодня студенты в вузах и в техникумах, по-прежнему слишком общий для конкретных предприятий. Молодого выпускника приходится еще несколько лет вводить в курс дела, знакомить с особенностями специальности. Основная причина – нестыковка между образовательными программами и реальными потребностями бизнеса. Но бизнес и сам должен более активно участвовать в обучении студентов, в том числе во время прохождения ими практики на предприятиях.

Высокий процент коммерческого кредита также остается одним из факторов, ограничивающих деятельность предпринимателей. Хотя в регионах и созданы специальные фонды, которые кредитуют малые и средние предприятия на льготных условиях, однако срок займа не может превышать 12 месяцев, что очень неудобно для предпринимателей, так как процесс строительства объектов занимает, как правило, гораздо больше времени.

Другим фактором, не рассматриваемым органами государственной статистики, но существенно влияющим на развитие строительной индустрии, являются трудности, с которыми сталкиваются предприниматели при получении земельных участков под застройку. Представляется целесообразным обязать органы местного самоуправления выставлять все свободные участки под застройку на торги по прозрачным и ясным процедурам. Одновременно должна возрасти ответственность застройщика: если он не начал вовремя строительство объекта, то необходимо забрать у него землю и вернуть ее в процедуру торгов.

Следующий барьер, который сдерживает строительство, это дефицит средств на обеспечение земельных участков инженерной инфраструктурой. У муниципальных властей часто средств на такие дорогостоящие объекты нет. Представляется целесообразным оплачивать такие проекты из федерального и регионального бюджетов.

Также необходимо устранить бюрократические барьеры при согласовании разрешительных документов на строительство и подключение к строительным объектам коммуникаций водоснабжения, электричества, газа. Проблема в том, что организации, занимающиеся этой деятельностью, очень сильно коррумпированы, на что обратил внимание Президент РФ В.В. Путин [1]. Дело чести для государственной власти навести здесь порядок.

Чтобы можно было проследить, как эффективно устраняются барьеры и создаются благоприятные условия для ведения предпринимательской деятельности в строительстве, Федеральной службе государственной статистики РФ необходимо включить в списки опросов предпринимателей следующие факторы:

- доступность выделения земельных участков под строительство;
- возведение инженерных инфраструктур;
- оперативность при согласовании разрешительных документов на строительство.

Эти данные необходимы государству для активного влияния на развитие строительной отрасли в России.

Произведенный анализ деятельности МСП в строительстве позволяет сделать вывод, что институциональные изменения, под которыми понимается процесс изменения социальных институтов [4], для малого и среднего предпринимательства в России, обернулись значительным сокращением количества средних предприятий. Так, за 3 года (с 2010 по 2012 г.) количество средних предприятий сократилось в 2 раза. Если такая тенденция сохранится, то в ближайшие годы этот субъект экономики может совсем исчезнуть. Сокращение количества средних предприятий на фоне малого предпринимательства, показывающего уверенный рост и имеющего конкурентные преимущества (такие, как возможность перехода на упрощенную систему налогообложения, участие в торгах среди малого предпринимательства по предоставлению товаров и услуг для государственных нужд), также, вероятно, произошло из-за того, что предприниматели предпочитают оформлять свою деятельность в форме ООО, которые относятся к малым предприятиям.

Эффективность средних предприятий выше, чем малых, и сокращение их численности негативно сказывается на эффективности всей строительной отрасли, в связи с чем представляется целесообразным государству принять меры по увеличению поддержки средних предприятий с целью сохранения их количества.

Высокий уровень налогов и обязательных отчислений не стимулирует предпринимателей приобретать новую строительную технику и механизмы, а подталкивает их нанимать больше дешевой неквалифицированной рабочей силы, в том числе и из иммигрантов, что способствует снижению производительности труда.

Действия государства по снижению налогов, в первую очередь транспортного налога на строительную технику, увеличения количества государственных строительных заказов, принятия активных мер по развитию производства строительных материалов, повышению качества профессионально-технического образования, созданию условий для доступных коммерческих кредитов, устранению барьеров, связанных с выделением земли под строительство, разрешительными процедурами и проведением коммуникаций, несомненно будут способствовать интенсивному развитию малого и среднего предпринимательства в строительной индустрии, что придаст новый импульс развитию малых и средних предприятий в России и создает условия для повышения их эффективности.

Литература

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. <http://base.garant.ru> (дата обращения 3.12.2014).
2. Государственная поддержка субъектов малого предпринимательства // Сборник «Малое и среднее предпринимательство в России». 2013. <http://www.gks.ru> (дата обращения 3.12.2014).
3. Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц. <http://www.nalog.ru> (дата обращения 30.11.2014).
4. Экономическая энциклопедия / Науч. ред. совет изд-ва «Экономика», Институт экономики РАН / Гл. ред. Л.И. Абалкин. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1998.

P.A. ALEKSANDROV

post-graduate, Institute of Economics and management the Vladimir state University, Vladimir

Aleksandrov.Pawel@yandex.ru

DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED CONSTRUCTION ENTERPRISES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The paper dedicates trends of development and business activity of small and medium construction enterprises in Russia allows identifying critical problems in the development of these economic entities, such as lower production volumes, reducing the number of medium-sized enterprises, the increase in the tax burden, lack of qualified staff and others. The government needs to find ways to eliminate the factors limiting business activity in construction and the creation of an enabling environment for improved efficiency in the construction industry.

Keywords: *construction, small and medium enterprises, business activity.*

JEL: D220.

И.С. КУКАЕВ
аспирант Удмуртского государственного университета

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КООПЕРАТИВНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ФОРМЕ БИЗНЕС- АССОЦИАЦИЙ НА РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ПРИМЕР РОССИЙСКОГО СОЮЗА ПРОМЫШЛЕННИКОВ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

В статье приводятся взгляды различных научных школ на кооперативные взаимодействия промышленных предприятий в форме бизнес-ассоциаций. Исходя из теоретических взглядов, выводится гипотеза о том, что кооперативные взаимодействия в форме бизнес-ассоциаций способствуют развитию промышленных предприятий в российских условиях. Гипотеза подтверждена. Даны рекомендации для менеджеров промышленных предприятий, а также отмечены направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: кооперативные взаимодействия, промышленные предприятия, развитие, бизнес-ассоциации, Российский союз промышленников и предпринимателей, коллективные действия, институты.

JEL: L21.

Одним из способов решения вопросов, связанных с развитием промышленного предприятия, выступают кооперативные взаимодействия с контрагентами в лице поставщиков и конкурентов, которые могут принимать форму стратегических альянсов [1, 2] или бизнес-ассоциаций [3, 4]. Данное утверждение согласуется с позицией таких ученых, как Шмидт [5]. Он выделяет два вида совместных действий: (а) межфирменная кооперация (например, совместное использование производственных мощностей или разработка нового продукта); (б) группы фирм прилагают совместные усилия в виде бизнес-ассоциаций, консорциумов производителей и т.п. Вторая форма кооперативных взаимодействий особенно актуальна для промышленных предприятий, поскольку фирмы в более концентрированных секторах экономики (например, автомобилестроение) с большей вероятностью будут рассматривать бизнес-ассоциации как эффективный инструмент для достижения своих целей по сравнению с фирмами в более децентрализованных отраслях (например, сельское хозяйство). Дру-

гой ученый – Шоттер – утверждал, что для понимания природы того или иного института, необходимо вывести проблему, относящуюся к развитию (нестационарную проблему, evolutionary problem), которая существовала для института, чтобы ее решить [6]. Каждая нестационарная экономическая проблема требует социального института для ее разрешения. Поддерживая его взгляды, мы утверждаем, что одной из проблем, решаемых бизнес-ассоциациями в России, выступает проблема развития промышленности.

Вилл [7], опираясь на новую институциональную теорию, показывает два противоположных вида бизнес-ассоциаций: занимающихся получением ренты (rent-seeking) и занимающихся развитием отрасли (industry developer), а Донер и Шнайдер [8] отводят бизнес-ассоциациям роль инструментов смягчения основных источников несовершенства рынка, которые лежат в основе анализа НИТ.

Согласно теории социальных потрясений Трумана (disturbance theory), в качестве катализатора зарождения кооперативных взаимодействий в форме бизнес-ассоциаций выступают угрозы в виде социальных дислокаций, ответной реакцией на которые выступают ассоциации [9]. Подтверждением тому служат примеры кооперативных действий купцов по формированию гильдий для ограничения угроз со стороны государства в отношении прав собственности. Некоторые ученые выступают с критикой кооперативных действий по сохранению протекционистской политики в области регулирования отраслей, например, интересен парадокс, что неудачники продвигают свои интересы сильнее (losers lobby harder). Поддерживая данную точку зрения, Грановеттер [10] подчеркивает, что бизнес-ассоциации склонны не уделять должного внимания развитию предприятий, что является одним из их недостатков.

С другой стороны, хотя Труман [9] считал формирование процессов бизнес-ассоциаций автоматическим, руководствуясь предположением, что игроки объединяются с целью преследования общей цели, Олсон [11], исходя из гипотезы о рациональном поведении, не видит оснований у фирм для кооперативных действий по вступлению в бизнес-ассоциацию.

Арне и Брансонс [12] вводят понятие мета-организаций – организаций, членами которых выступают другие организации, и Ревели и Вилл [13] предлагают рассматривать бизнес-ассоциации как пример таких мета-организаций. Мета-организации отличаются тем, что они занимаются созданием рынка, выступая за политику правительства, поддерживающую инновации.

Результаты работы бизнес-ассоциаций могут быть как позитивные, так и негативные. Среди последних, например, ухудшение способности распределения ресурсов, замедление ввода новых технологий, защита ренты, через выступление против политики либерализации,

препятствие накоплению капитала и инновациям, с негативными последствиями для всей экономики в целом, приводя к «институциональному склерозу». Так, Дженсен и Грабак [14] показали, что шведские бизнес-ассоциации в период кризиса сделали выбор в пользу действий, которые позволили фирмам «бежать ту же гонку быстрее» (операционная эффективность), вместо того чтобы создавать уникальную позицию, стараясь «бежать совершенно другую гонку» (стратегическое позиционирование).

К позитивным относят вклад в развитие рыночной среды, защиту прав собственности, замещая коррупционную составляющую официальным лоббированием интересов, что высоко коррелируется с экономическим развитием. Бизнес-ассоциации позволяют фирмам получать более полную информацию о зарубежных стандартах и рынках сбыта. Также ассоциации могут продвигать отраслевые стандарты, что выступает источником национального технологического преимущества. бизнес-ассоциации обладают потенциалом по развитию отраслевого саморегулирования, которое улучшает стандарты качества и создает производственные мощности. А следствием отсутствия бизнес-ассоциаций является, например, недостаток как инвестиций в разработку новых технологий и обучение работников, так и отсутствие возможностей раскрытия ценной информации относительно надежности потенциальных партнеров по кооперации (см. Пайл [15]).

Продолжая эту мысль, Донер и Шнайдер [8] подчеркивают, что деятельность бизнес-ассоциаций, направленная на поддержание рынка, крайне важна в период установления зарождающихся капиталистических экономик. Одной из причин эффективности бизнес-ассоциаций в достижении целей по развитию является, на их взгляд, – «институциональная сила» – способность убеждать членов выделять ресурсы, соблюдать правила, установленные ассоциацией, и следовать ее решениям.

Относительно российских реалий мы поддерживаем критику Хаггарда гипотез Олсона о том, что бизнес-ассоциации негативно влияют на развитие. Хаггард подчеркивает, что анализ Олсона основывается на предположении об эффективно функционирующей рыночной экономике. Данной ситуации и приписываются искажения в политике, способствующей развитию, как результат давление групп с особыми интересами. В то время как в государствах с зарождающимися демократическими институтами, экономика уже характеризуется большим количеством перекосов, и группы с особыми интересами в обязательном порядке должны снижать эффективность [16]. Исходя из этого мы выдвигаем гипотезу, согласно которой кооперативные взаимодействия в форме бизнес-ассоциаций способствуют развитию промышленности в российских условиях.

Одним из ярких примеров в российской практике кооперативных взаимодействий в форме бизнес-ассоциаций выступает Российский союз промышленников и предпринимателей (далее РСПП). Олсон подчеркивает, что чем выше разнообразие отраслей экономики, представленных в бизнес-ассоциации, тем выше вероятность того, что интересы бизнес-ассоциации соответствует интересам общества относительно социального благосостояния, что можно рассматривать как синоним развития. Это также согласуется с теорией групп с особыми интересами (special interest theory), которая постулирует, что чем шире сфера деятельности групп с особыми интересами, тем более эффективнее результаты их деятельности.

Автором уже были проведены соответствующие исследования¹. Поскольку мультисекторальные бизнес-ассоциации более склонны к деятельности в направлении развития промышленности и промышленных предприятий, в качестве примера российской бизнес-ассоциации использована информация по Российскому союзу промышленников и предпринимателей (РСПП), как одной из популярных и наиболее опытных бизнес-ассоциаций в России. Для анализа уровня кооперативных взаимодействий в форме бизнес-ассоциаций была использована переменная численность членов, информация о которой была собрана из официальных сайтов РСПП. Генеральная совокупность насчитывает 85 региональных отделений РСПП, по числу субъектов РФ, а выборочная совокупность насчитывает 59 наблюдений, по числу региональных РСПП, приводящих данные об общей численности членов в открытом доступе на официальном сайте РСПП. В выборку не вошли бизнес-ассоциации таких регионов, как Алтай, Вологодская область, Дагестан, Забайкальский край, Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Кемеровская область, Красноярский край, Крым, Курганская область, Курская область, Магаданская область, Марий Эл, Ненецкий АО, Новосибирская область, Псковская область, Саха (Якутия), Севастополь, Ставропольский край, Тыва, Удмуртия, Хакасия, Чувашия, Чукотский АО, Ярославская область. Все вычисления произведены в статистической программе R.

Поскольку регионы России значительно отличаются друг от друга, необходимо провести группировку региональных РСПП по размерам. Для этого можно было бы использовать кластеризацию в виде метода k -средних или метод оптимизации Дженкса [20]. Однако исходя из того, что кластеризация проводится по одному параметру – размер

¹ Был проведен анализ эффекта торгово-промышленной палаты на развитие промышленных предприятий (см. [17], [18]), а также сравнительный анализ между торгово-промышленными палатами и Российским союзом промышленников и предпринимателей [19].

численности членов бизнес-ассоциации, и плотность распределения выборочной совокупности отличается утяжеленным хвостом (heavy tailed), наиболее подходящим методом представляется метод изломов головы и хвоста (head/tail breaks), предложенный в работе [21]. Исходя из этого метода, выборочная совокупность была разделена на пять групп (см. рис. 1).

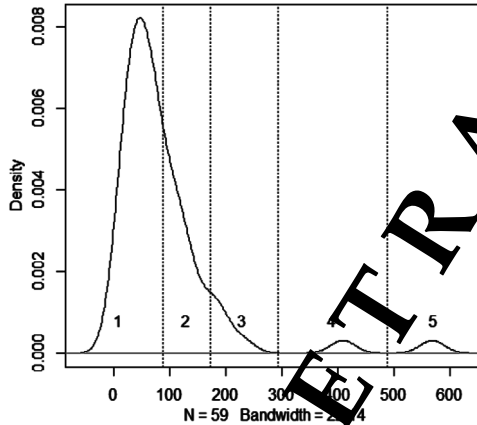

Рис. 1. Группировка бизнес-ассоциаций по размерам

Так, в первую группу попали региональные отделения с количеством членом меньшим 89, во вторую – с количеством членов в диапазоне 90–172, в третью – в диапазоне 173–293. Диапазон четвертой и пятой групп составил от 294 до 488 и более 489 соответственно. В первой группе оказалось 39 отделений, во второй – 14, в третьей – 4, и по одному в четвертой и пятой. Таким образом, группировка отражает общий тренд распределения выборочной совокупности.

В качестве зависимых переменных, отражающих развитие промышленных предприятий, взяты показатели ввода основных фондов обрабатывающих производств; созданных производственных технологий; затрат на технологические инновации и инвестиции с участием иностранного капитала². Коробчатые диаграммы распределений зависимых переменных по обозначенным группам представлены на рис. 2.

Стоит отметить наличие выбросов (аномальных значений), хотя для дальнейшего анализа данное положение не несет значительных

² Данные получены из официального сайта Росстата России за 2012 г., поскольку эти данные публикуются с небольшим лагом во времени. Предположение о том, что данные переменные отражают концепцию развития промышленного предприятия, подтверждается высокими показателями внутренней согласованности характеристик (альфа Кронбаха и лямбда Гуттмана – 0,90 и 0,88 соответственно).

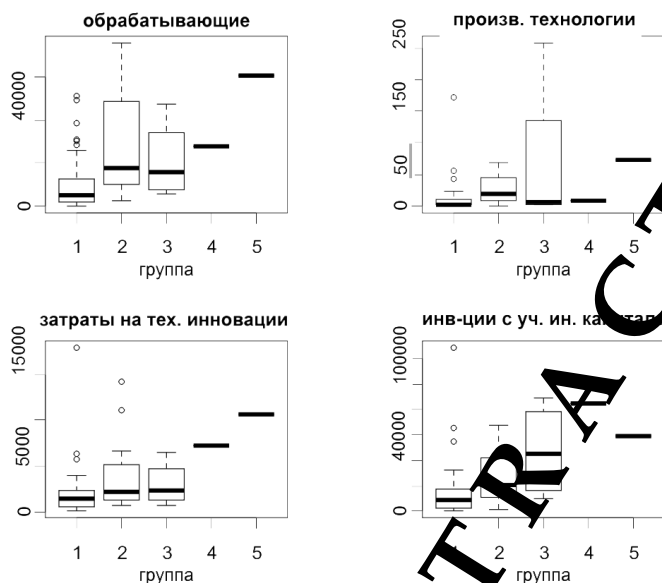

Рис. 2. Коробчатые диаграммы распределений зависимых переменных по группам

последствий. Поскольку наблюдения зависимых переменных, отражающих развитие промышленных предприятий, внутри полученных групп либо не распределены по нормальному закону³, либо отсутствует постоянство дисперсий (тест Лавина), либо данные характеристики присутствуют в комбинации, для определения влияния кооперативных взаимодействий в форме бизнес-ассоциаций на развитие промышленных предприятий был использован непараметрический тест критерия Краскела-Уоллиса. Результаты представлены в таблице.

Таблица

Результаты теста критерия Краскела-Уоллиса

Зависимая переменная	Критерий Краскела-Уоллиса, K	p-value
Ввод основных фондов обрабатывающих производств	12,8556	0,012
Созданные производственные технологии	11,2059	0,02434
Затраты на технологические инновации	9,8333	0,04333
Инвестиции с участием иностранного капитала	13,1711	0,01047

³ Критерий Шапиро-Уилка значителен при 0,05 или это отражает график Q-Q распределения квантилей вероятностей совокупности против распределения вероятности квантилей нормального распределения.

Как видно из таблицы, для всех переменных, отражающих развитие промышленных предприятий, существуют различия между группами региональных отделений РСПП. Исходя из этого, следует принять выдвинутую гипотезу и сделать вывод, что уровень развития кооперативных взаимодействий в форме бизнес-ассоциаций связан с развитием промышленных предприятий. Хотя данный анализ не подразумевает наличие каузации и не отрицает присутствия третьей переменной, которая влияет как на развитие промышленных предприятий, так и на уровень кооперативных взаимодействий в форме бизнес ассоциаций, основываясь на теоретическом анализе бизнес-ассоциаций, мы исходим из предположения, что они влияют на развитие промышленных предприятий. Однако стоит высказать ряд предостережений. Например, переменные, отражающие уровень развития промышленных предприятий, публикуются с лагом во времени. Поэтому, хотя наш анализ частично и смягчает этот лаг, используя различия между регионами РФ, мы оставляем для дальнейших исследований подтверждение наших результатов для данных другого временного периода.

Основным выводом проведенного исследования предлагается считать подтверждение наличия влияния кооперативных взаимодействий промышленных предприятий в форме бизнес-ассоциаций на развитие промышленных предприятий. Для менеджеров основной рекомендацией, следующей из полученных результатов, предлагается считать выбор в пользу региональных отделений РСПП с большим количеством членов (в идеальности, больше 90) для повышения ввода основных фондов в обрабатывающих производствах, увеличения затрат на технологические инновации, повышения числа созданных производственных технологий и инвестиций с участием иностранного капитала. При этом число созданных производственных технологий из всех показателей подвержены меньшему влиянию со стороны кооперативных взаимодействий в форме бизнес-ассоциаций.

Литература

1. Третьяк О.А., Румянцева М.Н. Сетевые формы межфирменной кооперации: подходы к объяснению феномена // Российский журнал менеджмента. 2003. №2. С. 25–50.
2. Зенкевич Н.А., Королева А.Ф., Мамедова Ж.А. Концепция устойчивости совместного предприятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент. 2014. №1. С. 28–56.
3. Яковлев А.А., Зудин А.Ю., Голикова В.В. Бизнес-ассоциации и их роль в процессах модернизации в России // Общественные науки и современность. 2011. №3. С. 26–35.

4. *Harrison S.* Shouts and whispers: the lobbying campaign for and against resale price maintenance // *European journal of marketing*. 2000. 34 (1/2). P. 207–222.
5. *Schmitz H.* Collective efficiency and increasing returns // *Cambridge Journal of Economics*. 1999. V. 23. № 4. P. 465–483.
6. *Schotter A.* The Economic Theory of Social Institutions. New York: Cambridge University Press, 1981.
7. *Ville S.* Rent Seeking or Market Strengthening? Industry Associations in New Zealand Wool Broking // *Business History Review* 2007. V. 81. № 2. P. 297–321.
8. *Doner R. F. and Schneider B.* Business associations and economic development: why some associations contribute more than others // *Business and Politics*. 2000. № 2. P. 261–288.
9. *Truman D.* The governmental process: political interest and public opinion, New York, Knopf, 1951.
10. *Granovetter M.* Business groups // in *Smelser N. and Swedberg R.* (Eds) *The Handbook of Economic Sociology*, Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.
11. *Olson M.* The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
12. *Ahrne G. and Brunsson N.* Meta-Organizations. Cheltenham: Edward Elgar, 2008.
13. *Reveley J. and Ville S.* Enhancing Industry Association Theory: A Comparative Business History Contribution // *Journal of Management Studies*. 2010. V. 47. 5. P. 2–47.
14. *Jensen K., Grabacke C.* Appropriate reactions to globalisation? Interest group theory and trade associations in clothing between 1970 and 2000 – a comparison between Denmark and Sweden // *Business History*. 2013. V. 55. № 2. P. 215–235.
15. *Pyle* Collective and post-communist enterprise: The economic logic of Russian business associations // *Europe-Asia studies*. 2006. 58. P. 491–521.
16. *Haggard S.* Democratic Institutions, Economic Policy, and Development. In *Institutions and Economic Development*, edited by Christopher Clague. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.
17. *Кукаев И.С.* Развитие промышленных предприятий посредством кооперативных взаимодействий: институциональный подход // *Экономика в промышленности*. 2014. №4. С. 48–54.
18. *Кукаев И.С.* Развитие промышленного предприятия через кооперативный хаб: пример торгово-промышленной палаты // *Научное обозрение*. 2014. №9–1. С. 314–317.
19. *Кукаев И.С.* Сравнительный анализ предпочтений при кооперативных взаимодействиях для развития промышленности: институци-

- ональный подход // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2015. № 1. С. 182–189.
20. Jenks G. F. The Data Model Concept in Statistical Mapping // International Yearbook of Cartography. 1967. 7. P. 186–190.
21. Jiang B. Head/tail breaks: A new classification scheme for data with a heavy-tailed distribution // The Professional Geographer. 2013. V. 65. 3. P. 482–494.

I.S. KUKAEV

postgraduate student of Udmurt State University, Izhevsk, Russia
ikukaev4phd@gmail.com

ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF COOPERATIVE INTERACTIONS IN THE FORM OF BUSINESS ASSOCIATIONS ON DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES: EXAMPLE OF RUSSIAN UNION OF INDUSTRIALISTS AND ENTREPRENEURS
The paper is primarily concerned with theoretical views of different scientific schools on the topic of cooperative interactions of industrial enterprises in the form of business associations. Based on theoretical grounds, the author's hypothesis states that cooperative interactions in the form of business associations facilitate development of industrial enterprises in modern Russia. The hypothesis is accepted. Recommendations for managers of industrial enterprises are given. The directions for further research are delineated.

Keywords: cooperative interactions, industrial enterprises, development, business associations, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, collective actions, institutions.

JEL: L21.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г.П. ЖУРАВЛЕВА
доктор экономических наук, профессор
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

АКАДЕМИК АБАЛКИН ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ – БЕСПРЕДЕЛЬНО ПРЕДАННЫЙ НАУКЕ И СВОЕЙ СТРАНЕ (к 85-летию со дня рождения)

Учитель не тот, кто учит,
а тот, у кого учатся.
Древняя мудрость

Леонид Иванович Абалкин – не только выдающийся отечественный ученый, видный государственный и общественный деятель страны, крупный организатор науки, но и замечательный человек, у которого многие хотели учиться, учились и еще долго (при желании) смогут учиться, изучая его научное наследие. Мнением Л.И. Абалкина многие дорожили, а к его оценкам происходящих событий внимательно прислушивались в стране. В настоящее время интерес к его творчеству не только не уменьшился, но даже возрос, о чем свидетельствуют такие публикации, как: «Л.И. Абалкин. Россия: осмысление судьбы. М.: Изд. дом «Экономическая газета, 2012; «Академик Леонид Иванович Абалкин – выдающийся отечественный ученый». Москва-Тамбов, 2012; «Новые подходы к развитию экономики и корректировки современных хозяйственных систем»: монография. Серия «Университетские научные школы». Вып. 9. М.: ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». 2014; «Труды Вольного экономического общества России» Т. 191. М., 2015, а также ряд статей в экономических и научно-популярных журналах. Ежегодно в рамках «Абалкинских чтений» в РЭУ им. Г.В. Плеханова, в Институте экономики РАН и других ведущих научных и образовательных учреждениях проводятся круглые столы и научные конференции.

Работы Абалкина издавались на английском, французском, немецком, испанском, чешском, словацком, венгерском, китайском, японском и других языках мира. Его многогранный труд отмечен внушительным числом отечественных и зарубежных орденов и знаков отличия.

Академик Л.И. Абалкин – специалист в области методологии экономической науки, проблем экономической политики и хозяйственного механизма – в последние годы свои главные научные интересы сосредоточил на разработке путей преобразования российского общества, на осмыслении особенностей цивилизационного развития России, научного и культурно-исторического наследия прошлого.

Л.И. Абалкин не только был академиком РАН, Международной академии управления, Нью-Йоркской академии наук, Международной академии Евразии, но и видным государственным деятелем. В середине мая 1989 г. он был назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР и одновременно возглавил Государственную комиссию по экономической реформе.

Л.И. Абалкин принадлежит к редкой плеяде людей, которые не только творят историю, но и насыщают ее той духовной и нравственной составляющей, без которой невозможно существовать обществу. Он прежде всего мыслитель, который не представлял себя вне своей Родины, вне своего народа. Научная деятельность Абалкина всегда была направлена на процветание, величие и славу России, о чем свидетельствуют награды как советского государства, так и новой России.

Отмечая заслуги Л.И. Абалкина в развитии экономической науки, постсоветского периода, назовем лишь некоторые из них.

Так, под руководством Л.И. Абалкина была разработана концепция экономической реформы, которая, по мнению многих отечественных и зарубежных ученых, остается самой серьезной, глубоко просчитанной и теоретически обоснованной программой действий.

Коллективом ученых Института экономики РАН под руководством Л.И. Абалкина разработаны: долгосрочная социально-экономическая стратегия для России (Россия – 2015: оптимистический сценарий. М., 1999; Стратегический ответ России на вызовы нового века. М., 2004 г.). В этих документах доказывается, что именно улучшение качества жизни населения является критерием успеха России и ее возрождения. Все остальное является лишь средством достижения такой цели.

Л.И. Абалкин обосновал ошибочность выбора в качестве образца перестройки западной модели, предлагавшейся советниками из Международного Валютного фонда и Всемирного банка, ибо обновление социально-экономических отношений не может произойти в виде восприятия готовых образцов других стран. Также бесперспективна и попытка сохранить свою самобытность и неповторимость, не учитывая влияния временных факторов и трансформационных процессов

в глобализирующемся мире. (См.: Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М.: ИЭ РАН, 2000; Уроки прошлого и будущее России. М.: ИЭ РАН, 2010 и др. работы).

Л.И.Абалкин заново открыл (по словам д.э.н., проф. Ю.В. Якутина) для научного мира существование самостоятельной отечественной школы социально-экономической мысли, ее специфических черт, научного вклада в мировую науку, доказал необходимость учета ее положений в экономической политике и стратегии России.

Л.И. Абалкин подчеркивал, что российская научная школа уходит корнями в далекое прошлое, ко времени Новгородско-Киевской Руси, поэтому в ней отражены принципиально иные, чем на Западе, отношения между государством и обществом. Государство на Руси возникло не как результат насилия сильного над слабым, а как способ самоукрепления живущих на ее территории народностей, их защиты от внешнего врага и наведения порядка в хозяйственной жизни.

Леонида Ивановича утверждал, что условием самопознания и возрождения России является сохранение исторической памяти о выдающихся деятелях нашей страны в сфере экономической теории и хозяйственной практики. Им была проделана огромная работа по восстановлению наследия российских ученых XVIII–XX веков, таких как А. Богданов, Н.Бунге, В. Вернадский, С. Витте, Н. Данилевский, В. Железнов, М. Ковалевский, Н. Кондратьев, Н. Мордвинов, А. Менделеев, И. Посошков, М. Туган-Барановский, А. Шторх, А. Чаянов, А. Чупров, И. Янжул и др.

Академик Л.И. Абалкин был и остается крупнейшим представителем российской школы социально-экономической мысли советского и постсоветского (перестроечного) периодов развития страны.

Многие годы Леонид Иванович преподавал курс политической экономии, от которой он не стал отсекаться и в перестроечное время. В советское время им было опубликовано много статей, книг, учебников по проблемам политической экономии, ее роли как научной основы экономической политики государства, и о необходимости учета, использования объективных экономических законов и категорий, открытых политической экономией в хозяйственной практике. «Без изучения политической экономии невозможно понять ни историю экономики, ни современные проблемы», – писал Л.И. Абалкин (См.: *Абалкин Л.И. Уроки прошлого и будущего России*. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 44).

К сожалению, эти взгляды Леонида Ивановича были проигнорированы российскими реформаторами. Существующая экономическая мысль с ее восторженной верой в свободный рынок наивно обещала процветание для всех. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и неудовлетворенность «экономиксом» части научного сообщества в мире породила тенденцию «второго рождения» политэкономии как более глубокого и содержательного учения о хозяйственной деятель-

ности в условиях капиталистической рыночной экономики. Об этом свидетельствует рост спроса на марксизм в США, Великобритании, Франции и особенно в Германии. В России проведено два Международных политэкономических конгресса, в которых приняли участие ведущие теоретики-экономисты Российской академии наук, МГУ, СПбГУ, РЭУ и других образовательных учреждений России, СНГ и дальнего зарубежья (США, Китая и многих других). Этот возросший интерес к классической политической экономии и ее обновленному, адекватному вызовам XXI в. содержанию неслучаен и может быть коротко назван как «реполитэкономизация» учебного процесса в высшей школе Российской Федерации.

Политэкономия как наука всегда привлекала внимание ученых, и всех образованных людей, стремящихся глубже познать мотивы действий людей и объективные законы хозяйствования во все времена – от древности до сегодняшних дней. Интересно вспомнить, что в прошлом веке А.С. Пушкин (которому царь Николай I поручил придумать принципы воспитания молодежи) прежде всего высказался против домашнего образования, а в числе обязательных к изучению наук назвал политическую экономию. В конце XIX в. Н. Бунге в книге «Основания политической экономии» отмечал, что политическая экономия не существует у тех народов, которые стоят на низкой ступени развития.

Сегодня интерес к этой науке не только не иссяк, но даже возрастает. И объясняется это теми глобальными и трансформационными переменами, которые происходят во всем мире и создания современной версии классической политической экономии, ее изучения и преподавания в дополнение к экономиксу, институционализму и прочим экономическим дисциплинам.

Л.И. Абалкин был прекрасным педагогом. Многие студенты, аспиранты, преподаватели вузов помнят его блестящие лекции по политической экономии и истории экономических учений, которые он читал в Плехановке и в других вузах страны. До последних дней он не прерывал педагогическую, лекторскую деятельность. Одна из последних работ академика Л.И. Абалкина «Очерки истории российской социально-экономической мысли» была издана по материалам его лекций, прочитанных им в Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова в 2006–2008 гг. при переполненной аудитории. Разве можно забыть лекции Л.И. Абалкина в Институте повышения квалификации при МГУ им. М.В. Ломоносова для преподавателей политической экономии, съезжавшихся со всех уголков страны?

Леонид Иванович был замечательным собеседником, с которым можно было поговорить не только об экономике и политике, но и об искусстве, литературе, о футболе и шахматах. Ничто человеческое ему не было чуждо.

Талантливый, мудрый и порядочный человек. Вечная ему память!

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ

1. К публикации в журнале принимаются оригинальные материалы на русском языке по экономике теоретического и прикладного характера, ранее нигде не опубликованные и не принятые к рассмотрению в других изданиях, оформленные в соответствии с указанными ниже требованиями.
2. Рукописи научных статей представляются в журнал в виде файла формата MS-Word (с расширением doc) и одного экземпляра распечатки. В случае пересылки материалов по электронной почте предоставлять распечатки не требуется. Шрифт Palatino Linotype, кегль 11, ключевые слова, аннотация, сноски – кегль 9. Фамилия автора – 11-й, заглавные, название статьи – заглавные жирные. Поля: верхнее – 1 см, левое – 2,1, нижнее – 1,2, правое – 1,4 см. Межстрочный интервал – одинарный.
3. В начале статьи дается следующая информация: фамилия, имя, отчество автора (или авторов через запятую) на русском и английском языках, название статьи (на русском и английском языках), краткая аннотация на русском и английском языках (не более 10 строк); ключевые слова на русском и английском языках (не более 10 слов); JEL-коды, соответствующие тематике статьи на основе алфавитно-цифровой классификационной системы по экономической теории (Journal of Economic Literature).
4. Список литературы в конце статьи и ссылки на нее в тексте статьи должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.
5. После текста статьи (в том же файле) авторы указывают: полностью Ф.И.О., полные наименования ученых степеней и званий, должностей каждого автора, полные наименования организаций, где авторы работают и их адреса, контактные телефоны и e-mail.
6. Размер статьи не должен превышать одного печатного листа – 40000 знаков с пробелами. Рекомендуемый средний объем статьи – 20000 знаков с пробелами.
7. Присланные статьи подлежат рецензированию. Решение об опубликовании статьи в журнале принимается с учетом результатов рецензирования. Рукописи не возвращаются. При отклонении статьи замечания рецензентов и редколлегии авторам не сообщаются.
8. Редакция оставляет за собой право не ставить авторов в известность об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер.
9. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.

Компьютерная верстка: Гришина М.Ф.

Подписано в печать 01.08.2015.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 1000 экз.
Печать офсетная. Заказ № 150812-8

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ИП Алонцева И.А.
124482, Москва, Зеленоград, корп. 528, оф. 12; тел./факс: 8-495-789-47-65

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-129-07-10, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской
Академии наук», 2015